

НОВАЯ ПОЛЬША 12/2010

Содержание

1. ПРИЗНАНИЯ АНТИСОВЕТСКОГО РУСОФИЛА
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. ПОЧЕМУ НЕ ПРЯМО?
4. ПАМЯТИ КАРОЛЯ КУРЫЛЮКА
5. МУЗЫКА
6. НА МОГИЛУ ВЛАДИСЛАВА СЕБЫЛЫ
7. НЕЗАУРЯДНАЯ КНИГА О КАТЫНИ
8. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
9. ПРАВЕДНЫЕ И НЕПРИЗНАННЫЕ. КЛИМЕНТИЙ И АНДРЕЙ ШЕПТИЦКИЕ
10. ДВА ОТЕЧЕСТВА СВЯТОГО ГРИГОЛА ПЕРАДЗЕ
11. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
12. ...ДАБЫ ДУРОСТЬ КАЖДОГО ВИДНА БЫЛА

ПРИЗНАНИЯ АНТИСОВЕТСКОГО РУСОФИЛА

Есть смысл знать, что происходит в России, и разговаривать об этом. Поэтому я отправился на встречу Валдайского клуба и в Ярославль — хоть и боялся, что вся моя поездка закончится фотографией с премьер-министром Путиным

Вопреки предостережениям я решился поехать на сентябрьскую встречу Валдайского клуба и на форум в Ярославле. В обоих этих мероприятиях участвовали российские и иностранные эксперты по России, журналисты и политики, а также представители верховных властей России: в первом — премьер-министр Владимир Путин, во втором — президент Дмитрий Медведев.

— Принимая в этом участие, ты легитимизируешь антидемократический режим сегодняшней России, — говорили мне мои русские друзья. Я услышал, что буду легитимизировать режим Путина, как Лион Фейхтвангер в книге «Москва 1937» оправдывал сталинские процессы. В ответ я сказал, что не намерен легитимизировать никакой режим. Считаю, кроме того, что нельзя сравнивать Москву 1937 г. с нынешней. И что всегда лучше разговаривать, чем не разговаривать. Разве что сидишь в тюрьме, а на разговор тебя вызывает следователь.

Не отказываться от диалога

На Валдайский клуб меня пригласил его организатор и автор проекта, политолог Сергей Караганов, который связан с Путиным, на форум в Ярославле — доверенный экономист Медведева Владислав Иноземцев. Оба приглашения я принял, так как мне было любопытно, что собой представляет такая «показуха», как выражаются мои русские друзья. Хотелось сопоставить мнения официальной и неофициальной России, а также посмотреть, каким образом действуют люди, которых Ленин назвал западными «полезными идиотами». Моя собственная редколлегия воспользовалась этим определением, публикуя текст выдающегося российского политолога («Полезные идиоты Путина», «Газета свѣтечна», воскресный номер «Газеты выборчей», 4-5.09.2010). Лидия Шевцова,

которой я восхищаюсь, которую уважаю и ценю, критиковала в ней Валдайский клуб и его наивных участников.

Валдайский клуб и форум в Ярославле — это действительно «показуха». Отрежиссированное представление, в котором премьер-министр Путин и президент Медведев предъявляют себя Западу. Однако к собственному изумлению я встретил там фантастических людей: Сергея Алексащенко, Кирилла Рогова, Владислава Иноземцева, Александра Архангельского, Андрея Зубова, Владимира Рыжкова. Это лишь несколько фамилий, список значительно длиннее.

Поразил меня до боли откровенный разговор о прошлом России, в особенности о сталинизме. Естественно, были и такие русские, которые пытались эту историю релятивизировать и даже оправдывать. Большинство, однако, говорило честно и смело — как об истории, так и о политике нынешнего правительства. Премьер-министра подвергали более жестким нападкам, нежели президента. Среди дискутирующих были и критики, и защитники, и люди, связывающие осторожные надежды с процессами, которые происходят в России.

Лично я боюсь образа мыслей, согласно которому любые действия Путина или Медведева — «показуха». Помню споры времен Горбачева с русскими эмигрантами и с элитой польского подполья. Я слышал, что перестройка — это «показуха» на потребу Западу. Так же считала и польская коммунистическая номенклатура. Однако при чтении советских газет у меня складывалось впечатление, что язык меняется, а вместе с ним меняется и действительность. Перестройка началась с декораций, но в реальности — иначе, нежели в театре, — декорации в конце концов начинают жить собственной жизнью.

И когда твердокаменные партийные ортодоксы тоже поняли, что речь идет не об одной только смене декораций, они начали призывать к развенчанию и ликвидации политического курса Горбачева, как в нашумевшем тексте Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами». Но в итоге коммунизм проиграл, и никто не хочет его восстановления. СССР распался, и никто не хочет его реставрировать. В том числе и Путин, хоть он и провозгласил, что это крупнейшая геополитическая катастрофа XX века.

Сегодня неведомо, куда движется Россия. Можно с легкостью констатировать, что Сергей Караганов, пишущий, будто «вся Россия — это большая Катынь», не вызывает доверия, так как еще два года назад он убеждал нас в Варшаве, что Катынь —

всего лишь эпизод, который поляки поднимают с маниакальной настойчивостью. Но Россия и вправду представляет собой большую Катынь, и идея об увековечении российских жертв сталинизма заслуживает поддержки. Независимо от того, кто это высказывает и какими намерениями руководствуется.

Ленин говаривал, что чем хуже идут дела у российского государства, тем лучше для революции. Я противник такого мышления. Считаю, что чем хуже, тем хуже, а чем лучше, тем лучше. Поэтому есть смысл наблюдать за тем, что происходит в России, и разговаривать об этом. Отказ от диалога противоречит той философии, которая сопутствовала построению демократии в Польше.

Стальные глаза Путина

В рамках Валдайского клуба у нас состоялась встреча с губернатором Петербурга Валентиной Матвиенко. Словно на комсомольском собрании, мы услышали, что в России всё в полнейшем порядке. Однако же Медведев сказал открыто, что страна держится на высоких ценах нефти и газа и неизвестно, что произойдет, если они упадут. Когда подобное говорит президент, это слышит каждый, кто хочет слушать.

Россия располагает реформаторским потенциалом — таков мой вывод из бесед с российскими гражданами. Естественно, сегодня неизвестно, кому следует возглавить эти реформы — премьер-министру, президенту? А может быть, кому-то совсем другому? Ведь в России существует еще и страх перед реформами, которые в 1990-е ассоциировались с бедностью, коррупцией, мафией, хаосом.

В Ярославле президент отверг популярные рекомендации китайского пути для России. Один из ведущих демократов сказал прямо, что если Россия собирается идти китайским путем, то мэра Москвы и его жену следует расстрелять, как расстреляли мэра Шанхая. Кто-то другой давал понять, что если имеется желание строить империю по китайскому образцу, то надо покончить с поездками на отдых в Альпы или с отправкой дочерей на учебу в Бостон. Кто-то напомнил, что вопреки всеобщему убеждению России не угрожает ни НАТО, ни Запад. Реальная угроза — исламский терроризм, а потенциальная — Китай.

Мне понятно, почему мои русские друзья предостерегали меня не ехать на Валдай и в Ярославль. Я и сам боялся, что мною будут там манипулировать, а вся моя поездка сведется к

фотографии с премьер-министром Путиным. В Москве мы встречались с главой российского МИДа Сергеем Лавровым. О Польше он говорил тепло. Был на удивление искренним. Однако это не был язык честного, добросовестного диалога. Я ощущал тональность имперского, советского самодержавия (например, по поводу Кавказа или Приднестровья). Россия знает, чего хочет, — казалось, говорил Лавров, — и либо мы примем ее условия, либо правительство России заговорит другим языком. Такова моя интерпретация, и мне бы хотелось, чтобы она оказалась неправильной.

Из Москвы нас завезли в Сочи, в резиденцию премьер-министра. Принимали нас там со всяческими почестями. Во время великолепного ужина в огромном зале Путин приветствовал всех и предоставлял слово. Он был в превосходной форме, непринужден, остроумен, одет по-спортивному. Чувствовал свою силу. На тему уличных демонстраций оппозиции высказывался свысока, пренебрежительно и с презрением — я слушал это с грустью.

Первые четыре вопроса, несомненно, заготовленные заранее, снимало телевидение. Потом журналисты ушли. Большинство высказываний иностранных гостей на самом деле оказалось подхалимским. Я слушал их с неприятным осадком. Здесь Лилия Шевцова права, но она ошиблась в том, что касалось российских голосов. В Сочи русских не было, но в Валдайском клубе они говорили много, умно и интересно. Это не был театр — говорили живые люди, озабоченные перспективами России.

Из Польши, кроме меня, приехал бывший премьер-министр Лешек Миллер. Всё, что он говорил, было трезвым и разумным. Вначале я задал Путину вопрос о деле Химкинского леса, вырубка которого под автостраду будоражит российское общественное мнение. Отвечал он компетентно, но в духе статьи Юрия Лужкова, тогда еще мэра Москвы, напечатанной в тот самый день в «Российской газете»: со скандалистами нечего разговаривать.

Потом я спросил о Михаиле Ходорковском, бизнесмене, который с момента, когда он начал проявлять политические амбиции, сидит за мнимые финансовые нарушения. Это сделало меня на один день знаменитым среди московской либеральной интеллигенции. Я украл шоу у Путина. Такого вопроса он не ожидал. Я увидел его гримасу и стальные глаза. А потом — безумно эмоциональный ответ, что у Ходорковского на руках кровь, так как его охранник убивал людей, за что и осужден.

Затем один британский аналитик спрашивал Путина о демонстрациях оппозиции, которые власть грубо, жестоко разгоняет. Ответ снова удручил меня. Премьер-министр России говорил словно Ежи Урбан [пресс-секретарь правительства ПНР] в годы военного положения. Что оппозиция ничего не значит, а власть будет бить демонстрантов дубиной по башке, пока те будут нарушать административные запреты. Проблема в том, что власть не соглашается на такие демонстрации.

Гражданский порыв

Почему я спросил про Ходорковского? Потому что модернизацию не удастся проводить без демократизации. Важно доверие к властям. В 1980-е тестом на доверие к Горбачеву стал его телефонный звонок в Горький, ссыльному Андрею Сахарову. Сегодня весь мир смотрит на Ходорковского. Пока он не выйдет на свободу, премьер-министра России будут считать руководителем, для которого личная мстительность важнее государственных интересов.

Понятное дело, я высказываюсь за постепенный путь России к демократии. Медведев отметил, что условием демократии в России является защита прав человека — любой ценой. Он говорил, что демократия не придет ни сверху, ни с Запада, но снизу. Для меня пример этого — как раз гражданский порыв в защиту леса в подмосковных Химках. Я познакомился с Евгенией Чириковой, возглавляющей этот протест. Она великолепная девушка, дитя перестройки, лицо новой России. Если в России появятся тысячи таких людей, то страна добьется демократии. Так я и сказал в интервью «Новой газете»: или гражданское общество, или гражданская война.

У российских граждан есть осознание кризиса — Россия находится на перепутье. Отсюда упор на модернизацию и десталинизацию. Отсюда открытость Западу — до сих пор только словесная. Но Россия, которую я наблюдал, — это Россия открытых дебатов.

Многие полагают, что конфликт между президентом и премьер-министром России — это иллюзия, игра в злого и доброго полицейского. Не знаю, как всё обстоит на самом деле, но вижу, что акценты они несомненно расставляют по-разному.

Путин говорит: то, что мы имеем, — это и есть демократия. Говорит это жестко, хулиганским языком шпаны. И

производит впечатление человека, не верящего в демократию. Ни в России, ни на Западе.

Медведев говорит иначе: что демократия — это процесс. Что сегодня демократии в России больше, чем пять лет назад, и это можно прочесть как закамуфлированную шпильку в адрес Путина.

Но я убежден, что конфликт между окружением Путина и Медведева существует. От людей премьер-министра я слышал без обиняков, что править Россией будет Путин, а всякие другие решения — это пустые мечтания. Другие, однако, говорят, что это прямая дорога к катастрофе России. Если Москва не совершит поворот, то утонет в застое.

Поэтому нужно доброжелательно смотреть на тех, кто хочет Россию модернизировать, то есть демократизировать. В одной из статей Вячеслав Иноземцев написал, что сегодня быть за модернизацию означает быть демократом. Не знаю, что произойдет, но желаю удачи тем, кто хочет менять Россию в лучшую сторону, иными словами, расширять пространство демократии.

В Польше перед президентскими выборами мы до последнего момента не знаем, кто выиграет. В России это известно за месяц до голосования. Поэтому я считаю, что приехал в Москву из демократической страны. В России сегодня нет демократии, а есть мягкий, либеральный авторитаризм. Но демократы в России есть. Невозможно вообразить себе демократическую страну без демократов. На этом основывается мой оптимизм. А будучи польским патриотом и антисоветским русофилом, я желаю России всего наилучшего.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- «Я готов сказать и полякам, которые хотят верить в позитивные изменения, и всем гражданам нашей страны. Потому что если мы хотим изменений, то это делается не только для поляков, это делается и для российских граждан. Так вот (...) мы сегодня можем принять такие решения, которые расчистят завалы прошлого (...) Это в нашей власти, и это на самом деле должен быть стратегический выбор, а не тактическое решение для достижения каких-то целей», — из интервью президента РФ Дмитрия Медведева накануне визита в Варшаву. («Впрост», 12 дек.)
- «К тому большому успеху поколения людей «Солидарности» в Польше, каким стало преодоление стереотипов, преодоление трудной истории в отношениях с нашим западным соседом, мы с меньшим, возможно, триумфом, может быть, с меньшими притязаниями можем также дописать и весьма позитивное изменение в отношениях с другим нашим соседом, восточным», — из выступления президента Польши Бронислава Коморовского на Пятом польско-российском форуме гражданского диалога 6 декабря. («Жечпосполита», 7 дек.)
- «В присутствии президентов была подписана декларация о сотрудничестве в модернизации экономик, соглашения о сотрудничестве в борьбе с загрязнением Балтийского моря, а также по морскому транспорту, меморандум о сотрудничестве прокуратур и протокол о намерениях по созданию центров диалога и согласия в обеих странах». («Газета wyborcza», 7 дек.)
- «Расчистка завалов — так говорили в понедельник вечером о визите Дмитрия Медведева в Варшаву ведущие главных выпусков всех информационных программ российских телеканалов». («Газета wyborcza», 7 дек.)
- «Я регулярно читаю российские газеты и вижу в них явную перемену тона. О Польше там пишут хорошо, чего раньше не было (...) Президент России — юрист, а премьер-министр — бывший кагебешник. Это существенная разница. Медведев, разумеется, не демократ, он открыто говорит, что не верит в эту систему. Однако он считает, что надо соблюдать права

человека. Делает ставку на модернизацию и современность», — проф. Ричард Пайпс. («Жечпосполита», 7 дек.)

• «Кто такой Медведев, это, как ни странно, неважно. Мы уделяем слишком много внимания взаимоотношениям и связям внутри российской власти. А между тем такой большой организм, как Россия, управляется процессами, на которые руководители имеют ограниченное воздействие. Глядя на ситуацию России с более отдаленной перспективы, видно, что у нашего восточного соседа нет иного выбора, кроме как выбрать цивилизацию Запада (...) Я не верю, что сегодня в России можно по капризу одного человека ввести демократию или деспотию. Этот корабль плывет с большой силой инерции. Если посмотреть на наш континент в целом, то с каждым годом возрастает потребность в интеграции России с Европой (...) Политика, проводимая премьер-министром Туском, ни хороша, ни плоха — она всего лишь единственная рациональная (...) Россия была, есть и будет частью нашей цивилизации. Единственный путь к сохранению взаимоотношений — это сотрудничество», — Станислав Цёсек, посол Польши в Москве в 1989–1996 гг., член политбюро ЦК ПОРП в 1986–1989 гг. («Польска», 3–5 дек.)

• «Президент Медведев подчеркивал в Варшаве, что правда нужна не только полякам, но и гражданам России. В подтверждение этих слов Медведев вручил орден Дружбы Анджею Вайде, чей фильм «Катынь» показало недавно российское телевидение. Но имелись и сигналы, что истолкование истории будет по-прежнему рознить оба народа. Медведев (...) сопоставил убийство польских офицеров со смертью пленных красноармейцев после войны 1920 г., хотя большинство из них умерло от болезней». («Жечпосполита», 7 дек.)

• «Визит президента Медведева в Варшаву имеет три измерения. Первое — это историческая память (...) Второе касается нового положения Польши. Мы — страна, которая добилась успеха. Преобразования в Польше удались (...) Мы не обладаем таким потенциалом, как Россия, но, будучи значительно меньшей страной (...) достигли одной трети российского ВВП (...) Протянутая России рука и готовность сближать ее с Европой служат выражением нашей самостоятельности во внешней политике (...) Наконец, третье измерение касается наших двусторонних отношений с Россией в более широком общеевропейском контексте нашего членства в Евросоюзе и НАТО (...) Российская сторона должна избавиться от иллюзий, что мы станем заключать соглашения, которые

будут для нас невыгодными. А нам следует осознавать, что не всё будет так, как мы хотим (...) Постепенно мы начинаем вступать на путь заключения с Россией соглашений, как Норвегия, Германия или Италия», — проф. Адам Даниэль Ротфельд, бывший министр иностранных дел, сопредседатель польско-российской Группы по трудным вопросам. («Газета wyborcza», 6 дек.)

- «Россия хочет, чтобы Польша не подрывала российских планов экономического сближения с Европой, чтобы она, как минимум, не была активно антироссийской», — Дмитрий Тренин, директор московского подразделения американского Фонда Карнеги за международный мир. («Политика», 27 ноября)

- «В наших интересах было бы помочь России в ее сближении с Европой. Страх не должен быть единственным советчиком (...) Ведь еще в сентябре 2009 г. российские генералы пугали нас ракетами у наших границ (...) Мы начали улучшать отношения с Россией прежде, чем США провозгласили свою известную «перезагрузку». (...) Смоленская катастрофа была испытанием, которое еще три или четыре года назад разрушило бы польско-российские отношения, причем на десятилетия. Так не произошло. И именно потому, что ранее нам удалось восстановить наши отношения. Это заслуга обоих народов», — министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский. («Газета wyborcza», 6 дек.)

- «Наша «управляемая демократия», которая так сильно не нравится Западу, обладает, однако, как можно видеть, и достоинствами. Говоря прямо: у нас на самом верху решили, что Россия должна помириться с Польшей, и поэтому мы миримся. К тому же так удачно складывается, что и Варшава отходит от линии «Права и справедливости», непримиримой по отношению к Москве (...) План примирения с Польшей — как раз детище Путина. Это он был 1 сентября 2009 г. на Вестерплатте, это он, как я слышал, лично принял решение, чтобы российское телевидение в апреле показало фильм «Катынь», а потом был в самой Катыни вместе с польским премьер-министром. Он активно вовлекся в это, наверное, еще и потому, что как глава правительства имел у вас партнера в лице Дональда Туска. Теперь и президент Медведев имеет в Варшаве партнера и, видимо, будет играть в отношениях с вами всё большую роль», — Федор Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике». («Газета wyborcza», 6 дек.)

• «Накануне визита президента Дмитрия Медведева в Польшу Государственная Дума большинством голосов приняла заявление, в котором осуждает преступление режима против поляков и выражает сочувствие жертвам. Этот акт весьма знаменателен для самой России, ибо речь идет о том, что Сталина явно и публично заклеили в стране, где его в последнее время вновь начали называть героем. С польской точки зрения, не все формулировки этого постановления удовлетворительны, особенно в вопросах об открытости документов и реабилитации жертв, чего требуют Катынские семьи. Но Польша не должна упустить из виду важную вещь. Государственная Дума — официальный представитель народа. Она заклеила преступление, выразила глубокое сочувствие всем польским жертвам. «Решительно осуждая режим, пренебрегавший правами и жизнью людей, депутаты (...) от имени российского народа протягивают руку дружбы польскому народу». Эти слова, произнесенные от имени народа, заслуживают ответа Сейма», — Марек Островский. («Политика», 4 дек.)

• «Это событие выходит за рамки повседневности. Что особенно заметно на фоне отвратительного письма, которое заместитель министра юстиции Георгий Матюшкин месяц назад послал в Страсбургский суд, рассматривающий жалобы родственников жертв преступления. Словно бы под диктовку сталинского прокурора Андрея Вышинского он писал о «катынских событиях», о том, что Россия не обязана выяснять, что случилось с поляками, которые попали в советский плен», — проф. Адам Даниэль Ротфельд. («Газета выборча», 27–28 ноября)

• «Заявление Думы — очень важный факт. Я оцениваю его прежде всего как акт десталинизации самой России. А для нас это признание истины, которую мы знали и которую провозглашали», — Тадеуш Мазовецкий, первый некоммунистический премьер-министр Польши. («Газета выборча», 4–5 дек.)

• «Текст заявления Думы оставляет серьезные вопросы. Из него следует, что Катынь была личным преступлением Иосифа Сталина (...) Нет, это не так. Это преступление совершило советское государство. Если Российская Федерация хочет пользоваться благами, вытекающими из статуса правопреемницы СССР, то она должна также принять ответственность за преступления, совершенные своим советским предшественником (...) Польское правительство не должно вести с Россией переговоры о моральной оценке

катынского преступления. Точно известно, что там произошло, кто кого убил и кто несет ответственность за это убийство (...) Переговоры с Россией должны касаться исключительно юридических вопросов: рассекречивания всех документов, реабилитации жертв, а прежде всего — ясного заявления, что катынское преступление было направлено против польского народа, что ответственен за него Советский Союз, а российское государство как его правопреемник принимает вытекающие из этого юридические последствия. Заявление Думы нужно в первую очередь российским гражданам, которые наконец услышат от собственных властей о сталинских преступлениях (...) Для поляков это единственный повод для удовлетворения. Лучше иметь своим соседом государство, пытающееся справиться с собственным прошлым, нежели такое, которое его перевирает», — проф. Анджей Новак, Ягеллонский университет. («Жечпосполита», 30 ноября)

- «Есть возможность окончательно закрыть катынскую тему, так как резолюция, которую приняла Дума, представляет собой решительный шаг вперед в этом направлении. Теперь надо задуматься, как сохранить политический диалог между Польшей и Россией (...) Как мы должны строить политику Евросоюза по отношению к России и как должны включиться в процесс модернизации России», — Александр Квасневский, бывший президент Польши. («Польска», 30 ноября)

- 11 ноября, в День независимости, президент Польши Бронислав Коморовский призвал «не превращать разнообразие представлений о польском благополучии и польских проблемах в ад польско-польской войны». Почетным гостем главных торжеств была президент Литвы Даля Грибаускайте. «Я уверена, что мы будем продолжать развивать наше сотрудничество, — сказала она. — Вместе мы сильнее». («Газета wyborcza», «Жечпосполита», 12 ноября)

- «Три наших главных праздника: 3 мая [День Конституции 1791 г.], 15 августа [Успение, а также победа над большевиками под Варшавой в 1920 г.] и 11 ноября — это годовщины побед (...) 11 ноября 1918 г. образованный немцами и австрийцами Регентский совет передал создателю Легионов Юзефу Пилсудскому командование польскими войсками, а из Франции пришла весть о перемирии на западном фронте. В этот день в Варшаве происходило стихийное разоружение немецких солдат, в котором принимали участие даже женщины (...) Это событие резко изменило жизнь поляков. После пяти поколений жизни в неволе им удалось за короткое время построить независимое государство (...) Эта дата

означала реальные и радикальные перемены (...) 11 ноября 1918 г. Пилсудский принял командование польской армией, без которой этой независимости не было бы. Если бы не жертвы, понесенные поляками ради армии, не было бы и государства. Кто-то назвал создание Войска Польского самой большой импровизацией в истории военного дела — в ноябре 1918 г. эта армия насчитывала менее 5 тыс. солдат и офицеров, а летом 1920 г. — уже миллион. Это было необычайное достижение молодого государства, благодаря которому 90 лет назад оно выжило», — проф. Войцех Рошковский. («Польска», 5-7 ноября)

• «Для польской традиции 11 ноября — это учредительный акт и день возрождения польского государства (...) Польско-советская война 1920 г. была попыткой отстоять независимость, которую мы отвоевали всего лишь двумя годами раньше», — проф. Анджей Пачковский. («Польска», 5-7 ноября)

• «Операция носила кодовое название «Висла». Ее цели (...) Ленин цинично определил так: «Мы должны штыками пощупать — не созрела ли социальная революция пролетариата в Польше? (...) вырывая этот элемент [Польшу], мы ломали весь Версальский мир» (...) Таковы истоки событий, произошедших в Оссуве под Варшавой сначала в 1920 г., а затем спустя 90 лет, в 2010 году. 14 августа под Оссувом молодой священник Игнаций Скорупка с крестом в руке, в сутане, с епитрахилью повел в контратаку на большевиков батальон польской пехоты. Бой под Оссувом вошел в историю как первая польская победа над Красной Армией (...) После боя было найдено тело погибшего капеллана (...) со следами множества штыковых ран (...) На месте смерти священника-героя поставили простой деревянный крест. В 90 ю годовщину тех событий, 15 августа 2010 г. (...) менее чем в 500 метрах от креста свящ. Скорупки должны были открыть [надгробный] памятник солдатам Красной Армии (...) — там, где были обнаружены останки 22 большевиков (...) Элементом памятника были 22 красноармейских штыка, которые пробивались из-под земли, словно большевистские призраки хотели напомнить о своем существовании (...) Небольшая группа жителей (...) решила воспрепятствовать открытию памятника (...) Официальное мероприятие 15 августа не состоялось (...) 1 ноября штыки были срезаны, и появилась новая надпись (...) гласящая, что это были «солдаты Красной Армии, которые, наступая на Варшаву, погибли в бою под Оссувом 14 и 15 августа 1920 года»». (Юзеф Шанявский, «Наш дзенник», 3 ноября)

- «Это уже не враги, это павшие. Без речей политиков, без почетного караула Войска Польского, без посла России, в окружении транспарантов «ПНР — реактивация» (...) был открыт вчера надгробный памятник 22 красноармейцам, которые 15 августа 1920 г. пали под Оссувом (...) Короткие молитвы над могилой произнесли православный епископ Войска Польского и католический капеллан. Военный трубач поднес к губам трубу, но, прежде чем он начал играть, протестующие начали петь «Еще Польша не згинела». Гимн они закончили выкриками: «Позор!» и «Предательство!» (...) «Я живу здесь много лет, когда-то свечку зажигала на этой могиле. Разве этот солдат виноват, что его взяли в армию и погнали на войну?» — удивлялась протестующим Халина Гловацкая». (Павел Вронский, «Газета выборча», 3 ноября)
- «Вчера в Москве министры культуры Польши и России Богдан Здроевский и Александр Авдеев договорились, что в столицах обоих государств будут созданы центры польско-российского диалога (...) Министр Здроевский не исключает, что центры начнут работать уже с 1 января 2011 года». («Польша», 28 окт.)
- «Российский министр иностранных дел Сергей Лавров приехал в Польшу, чтобы подготовить визит президента Дмитрия Медведева 6 декабря». («Жечпосполита», 28 окт.)
- «Наконец-то подписан новый польско-российский газовый контракт. Он состоит из международного соглашения и двух торговых договоров — на покупку российского газа и на его транзит по Ямальскому газопроводу (...) Сроки обоих договоров не были продлены — первый действителен до 2020 г., а второй до 2019 года. «Газпром» будет продавать нам приблизительно на 2 млрд. кубометров больше газа, чем до сих пор. За этот дополнительный объем он будет получать на 10% меньше, чем по старому договору (...) Российская сторона (...) согласилась, чтобы на польско-российских переговорах присутствовал представитель еврокомиссара по энергетике, а также одобрила независимого оператора [польского участка] Ямальского газопровода (им будет государственный «ГазСистем») и применение принципа, известного как ТРА (каждая фирма должна иметь гарантированное право на пересылку по газопроводу своего газа). (...) Еврокомиссии необходимо было создать прецедент, которым она сможет пользоваться, когда очередные страны и фирмы будут вести переговоры с «Газпромом»». («Политика», 6 ноября)
- Вчера в Варшаве еврокомиссар по энергетике Гюнтер Эттингер сказал, что договор, касающийся польского отрезка Ямальского газопровода, «должен быть дополнен элементами,

необходимыми для его реализации». Польские власти, добавил Эттингер, письменно заверят Еврокомиссию, что действия, связанные с реализацией операторского договора, будут соответствовать польскому и европейскому законодательству. («Жечпосполита», «Газета wyborcza», 5 ноября)

- «Против Польши по-прежнему ведется процесс по делу о нарушении европейского законодательства в ныне действующих соглашениях по Ямальскому газопроводу. Речь идет прежде всего об отсутствии доступа к газопроводу третьей стороны на прозрачной и недискриминационной основе. Мы уже дошли до второго этапа процедуры. Следующим будет направление дела в Европейский суд в Люксембурге. Брюссель не исключает такой возможности. «Мы ждем ясного плана действий и их воплощения в жизнь, чтобы у нас была уверенность, что европейское законодательство соблюдается», — сказал чиновник Еврокомиссии». («Жечпосполита», 6–7 ноября)

- «Согласно опубликованному недавно рапорту Еврокомиссии, Польша входит в число стран, которые хуже всего справляются с введением директив, регулирующих функционирование внутреннего рынка. Наша страна не ввела либо неправильно истолковала 51 директиву, что ставит нас в самом конце европейской классификации, рядом с Грецией. Против Польши ведется 57 процессов по делам о нарушении европейского законодательства. Среди новых членов ЕС это рекорд». («Жечпосполита», 5 ноября)

- «Россия требует, чтобы НАТО ограничило свое военное присутствие в новых странах-членах союза. Москва готова заключить соглашение о сотрудничестве с НАТО при условии запрета на размещение в новых странах-членах союза в Центральной Европе “значительных боевых сил”». («Жечпосполита», 28 окт.)

- Россия предлагает план, который она называет «новой архитектурой безопасности». «Идея «новых архитектур» — постоянный элемент российской дипломатии еще с царских времен (...) Если эта архитектура должна быть «вместо» (прежде всего «вместо НАТО»), то мнение — в первую очередь Центральной Европы — должно прозвучать ясно: такого рода эксперименты проводить нельзя. Всё, что стало бы отказом от существующей, с трудом достигнутой и исправно действующей системы безопасности в нашей части Европы, создаст вакуум. Это колоссальный риск (...) К российским концепциям безопасности нужно подходить очень осторожно. Нужно говорить четко и прямо: мы не согласны ни на какие шаги,

которые были бы попыткой устранения или маргинализации НАТО. В вопросах безопасности мы не можем рисковать», — Александр Квасневский, бывший президент Польши. («Жечпосполита», 27 окт.)

- «Новым директором московского информационного бюро НАТО будет поляк Роберт Пщель, много лет занимавший должность пресс-секретаря союза, — сообщил в Москве генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен». («Жечпосполита», 4 ноября)

- «Мацей Поповский назначен заместителем генерального секретаря Европейской службы внешних действий (...) Он будет одним из четырех высших чиновников ЕСВД. Генеральным секретарем стал француз Пьер Вимон. Его заместителем, кроме поляка, стала немка Хельга Шмид, а административным директором, ответственным за текущее управление — ирландец Дэвид О'Салливан». («Жечпосполита», 31 окт. — 1 ноября)

- «Министры иностранных дел Польши и Германии Радослав Сикорский и Гвидо Вестервелле встретились с президентом Александром Лукашенко (...) Сикорский предложил погрязшей в экономическом кризисе Белоруссии помощь ЕС в размере 3 млрд. евро на период 3 лет. «Будут честные выборы — будет экономическая поддержка», — подчеркнул Сикорский (...) Он встретился также с белорусским министром иностранных дел и главой президентской администрации Владимиром Макеем. С Макеем он разговаривал, в частности, о Союзе поляков Белоруссии Анжелики Орехво, не признанном минскими властями, которые создали параллельную организацию. Сикорский и Вестервелле беседовали также с семьей оппозиционными кандидатами в президенты и с главой движения «За свободу» Александром Милинкевичем». («Газета wyborcza», 3 ноября)

- «Год назад в катастрофе польского вертолета в Белоруссии погибли три пилота. В субботу белорусские пограничники открыли памятник в честь поляков (...) Обелиск стоит на месте катастрофы, в 25-м от польской границы (...) Его строительство финансировалось офицерами белорусской пограничной охраны. В субботнем торжественном открытии памятника, помимо родных и близких погибших, участвовали около 200 человек. Вертолет, принадлежавший польской пограничной службе, разбился 31 октября 2009 г. во время патрульного полета над границей». («Газета wyborcza», 2 ноября)

• «“МИД Польши с растущим беспокойством и озабоченностью наблюдает за развитием отношений между Польшей и Литвой. Мы считаем высказывания литовских партнеров, сеющие недоверие к польскому меньшинству в Литве, весьма неудачными и непродуктивными для развития добрососедских отношений”, — говорится в опубликованном в пятницу заявлении МИДа (...) «Мы сожалеем, что дружественные жесты польской стороны, которых в последние годы было немало, не вызвали адекватной реакции литовской стороны», — заявил МИД». («Жечпосполита», 23-24 окт.)

• Премьер-министр Литвы Андрюс Кубилюс: «Есть вопросы, которые нужно решать, но в отношениях с соседями необходимо терпение (...) В Литве 60 польских школ и 30 с лишним польско-литовских классов в других школах, которые тоже осуществляют польскую программу обучения. Есть около 100 учреждений польского образования (...) Действует также польский университет. Что касается т.н. этнических школ, то в тех, которые работают в Польше, 40% занятий ведется по-польски, а 60% — на другом языке. В таких же школах в Литве эти пропорции таковы: 95% занятий по-польски и 5% — по-литовски. (...) Мы можем принять польский подход к польскому меньшинству — вы будете тогда довольны? (...) И мы, и вы избавились от комплексов прошлого, но не они важны в отношениях с Польшей (...) Наши отношения намного важнее, чем мнение кого-либо из министров или даже премьера». («Газета выборча», 4 ноября)

• «Нелегально проживающие в Польше украинки просили вчера депутатов Сейма отменить распоряжения о высылке. Они принесли обращение к президенту, премьер-министру и парламентариям. Подсчеты, сколько человек проживает в Польше нелегально, различны. По оценкам неправительственных организаций, таких людей почти полмиллиона, в т.ч. около 400 тыс. украинцев (...) Иностранцы боятся обратиться за помощью, потому что знают, что им грозит высылка. У них нет никаких прав, страховки, они не платят налогов. Их дети не могут ходить в государственные школы (...) Просьбу о помощи подписало 1,6 тыс. человек — в т.ч. представители неправительственных организаций, журналисты и политики (...) Работа над законом об иностранцах должна закончиться в этом году. Новые правила должны вступить в действие уже в 2011 году». («Газета выборча», 23-24 окт.)

• «Качество жизни в Польше постепенно и систематически улучшается. Это следует из последнего Доклада о развитии

человеческого потенциала, подготовленного Программой развития ООН (ПРООН). Польша впервые оказалась в группе государств с наиболее высоким уровнем развития. Мы находимся на 41-м месте среди 169 стран, сразу за Португалией и перед Барбадосом. Доклад касается трех аспектов качества жизни: материального, т.е. покупательной способности ВВП; здравоохранительного, т.е. продолжительности жизни; образовательного, т.е. уровня образования». («Жечпосполита», 5 ноября)

- «Согласно отчету Института глобализации, Польша заняла 26-е место среди быстрее всего развивающихся экономик мира. За последний год мы поднялись на два места (...) По ВВП на душу населения мы занимаем 29-е место среди 50 участвующих в рейтинге государств. 18 070 долларов на человека — это почти в два раза меньше, чем в Дании, Бельгии, Швеции, Великобритании или Германии (...) С показателями роста цен на уровне 3,5% мы оказались на 34-м месте, что означает падение на 13 мест по сравнению с 2008 годом (...) С нашим уровнем безработицы 9,1% мы занимаем 33-е место». («Польска», 3 ноября)

- «По данным Института исследований рыночной экономики, рост ВВП в третьем квартале достигнет 3,9%. Экономисты прогнозируют, что за весь текущий год ВВП вырастет на 3,6%, а в 2011 г. — на 3,4%». («Польска», 3 ноября)

- Дефицит государственных финансов значительно превысит в этом году 100 млрд. злотых, задолженность приближается к границе 55% ВВП, бюрократия разрастается в устрашающем темпе. По мнению проф. Ежи Хауснера, министра финансов в правительстве Ежи Миллера и Марека Бельки, «нужно прежде всего ограничить расходы, а не увеличивать налоги, что как раз делает правительство, увеличивающее ставку НДС с 22 до 23% (...) Кроме того, нужно высвободить средства на реальную модернизацию Польши, увеличить, в частности, расходы на образование, науку и культуру. Вузы должны давать образование не ради самих знаний, которые и так быстро меняются, а для развития творческого подхода, потому что только в этом случае Польша станет страной, способной вводить инновации». («Дзенник — Газета правна», 6-7 ноября)

- «8 из 10 поляков испытывают трудности с пониманием телевизионных новостей и полезной информации (...) 38% поляков заявляют в исследовании, что читают книги. 70% опрошенных признались, что не читают газет. Трое из 10 читателей читают их только в интернете». («Польска», 29-30 окт.)

• «Для многих экономистов позиция «Гражданской платформы» (ГП) стала большим разочарованием, особенно если сравнить, с чем эта партия шла к власти и что она делает в действительности. На министерские экономические предложения 2004–2005 гг., которые предполагали уравнивать ставки трех основных налогов (НДФЛ, налога на прибыль и НДС) на уровне 19 или 18%, ГП (...) ответила программой 3х15. И она отстаивала этот план, несмотря на сигнализируемые расчеты, что при столь низких ставках не удастся сбалансировать бюджет. Теперь ГП решает повысить НДС (...) а министр финансов не исключает его дальнейшего роста до 25% и упразднения льгот по НДФЛ (...) Систематически проводится экспансивная фискальная политика, т.е. политика больших расходов. В результате мы имеем всё большую диспропорцию между расходами и ВВП, дефицит сектора государственных финансов, достигающий 8% ВВП, стремительно растущие кредитные нужды и государственный долг (по методологии ЕС, он достигает 55,4% ВВП)», — Мирослав Гроницкий, министр финансов в правительстве Марека Бельки, работал во Всемирном банке, ООН и ЕС, и Ежи Хауснер, в настоящее время член Совета монетарной политики. («Политика», 6 ноября)

• «В Познани (как в Равенне) существует налог на... дождь и талые воды (...) Познанцы платят его с июля прошлого года (...) Ежемесячная оплата составляет 8–13 грошей за квадратный метр. Хозяин дома, площадь крыши которого составляет 200 м², должен заплатить около 20 злотых в месяц. Налог должен склонить владельцев недвижимости отводить осадочную воду в землю, а не в городскую канализацию». («Дзенник — Газета правна», 5–7 ноября)

• «Лешек Бальцерович долго не хотел оценивать правительство Дональда Туска (...) Но после президентских выборов он стал во главе восстания экономистов: критикует правительство за слишком высокий государственный долг и видимость приватизации (...) Бальцерович предлагает правительству собственный рецепт: ликвидировать пенсионные привилегии для армии, полиции и шахтеров, реформировать Кассы сельскохозяйственного социального страхования (КССС), повысить пенсионный возраст, приостановить повышение зарплат учителям, ликвидировать семейную льготу (...) Большинство экономистов признаёт, что он прав, спорить можно лишь о темпе осуществления этих постулатов. Люди Туска повторяют: важна долгосрочная перспектива и постепенные реформы (...) Однако для многих поляков, довольных результатами преобразований после 1989 г., Бальцерович — это «северский эталон метра», определяющий

направление, в котором следует идти. Эти избиратели внимательно прислушиваются к словам Бальцеровича и на ближайших выборах могут проголосовать ногами, т.е. остаться дома». (Агата Новаковская, Доминика Велёвейская, «Газета wyborcza», 18 окт.)

- «Владельцы хозяйств площадью более одного гектара должны платить взносы на медицинское страхование — постановил Конституционный суд (...) Судьи пришли к выводу, что финансирование государством взносов даже тех крестьян, у которых сотни гектаров земли и огромные доходы, нарушает принцип социальной справедливости, равного подхода и государственных повинностей для каждого». («Тыгодник повшехный», 7 ноября)

- «Еще одна похожая проблема касается КССС (...) Закон о КССС был принят в 1990 году. (...) В то время обеднели все слои общества, а особенно крестьяне (...) Сегодня в Польше свыше миллиона хозяйств площадью менее двух гектаров, а средняя площадь хозяйства составляет 6–7 га (...) Значительная часть самых маленьких хозяйств площадью менее 5 га вообще не заслуживает названия крестьянского хозяйства. Хотя эту группу и называют крестьянами, их крестьянские доходы составляют лишь малую толику общих доходов. Впрочем, формально эти люди остаются крестьянами, потому что им это выгодно. Они получают европейские дотации и платят низкие страховые взносы в КССС (значительно более низкие, чем в Соцстрахе), не платят налогов (...) Нужно реформировать сразу весь этот блок: медицинскую страховку, налоги и КССС. Прежде всего — ввести для крестьян всеобщий подоходный налог НДФЛ (...) Во-вторых, признать крестьянское хозяйство обычным субъектом хозяйственной деятельности, как любую другую фирму (...) Тогда отпали бы почти все хозяйства площадью 1–2 га, в действительности не ведущие хозяйственной деятельности (...) Тогда в КССС остались бы только те, кто действительно занимается сельскохозяйственным производством (...) С 2000 по 2009 гг. площадь сельскохозяйственных угодий в Польше уменьшилась на два миллиона гектаров. Однако хозяева этих малых хозяйств не продают их, потому что обладание ими квалифицирует их как крестьян, и, следовательно, у них остаются определенные привилегии», — проф. Ежи Виклин, зав. кафедрой политэкономии Варшавского университета. («Ньюсуик-Польша», 7 ноября)

- «В опубликованном Всемирным банком докладе «Doing Business 2011», который охватывает период с середины 2009 до

середины 2010 г., Польша занимает 70-е место (между Намибией и островами Тонга) из 183 рассмотренных стран. У нас неплохо обстоит дело с доступностью кредитов для фирм — 15-е место, или с защитой инвесторов — 44-е место (...) На создание общества с ограниченной ответственностью у нас нужно потратить в среднем 21 день — здесь мы занимаем 113-е место, хотя два года назад были на 145-м. По времени получения разрешения на строительство мы занимаем 164-е место. Чтобы построить склад, фирма должна пройти 32 процедуры и посвятить этому в среднем 311 дней. Даже в Белоруссии это длится в два раза меньше (...) Что касается регистрации собственности, закрытия фирмы, отстаивания своих прав в суде, то мы в середине списка. Фирма в Польше отстаивает свои права в судебном порядке в среднем 830 дней. Этого хватит, чтобы обанкротиться (...) Из стран ЕС мы обогнали только Италию (80-е место) и Грецию (109-е)». («Газета wyborcza», 4 ноября)

- «Фирмы предпочитают сообщать о сговорах, нежели платить штрафы. Антимонопольное управление обнаружило еще один картель (...) [Входящим в него фирмам] грозят штрафы до 10% доходов (...) Самой высокой до сих пор отметки — 411 млн. злотых — достигли штрафы за сговор производителей цемента (...) За предоставление информации о сговоре фирма может рассчитывать на отмену или снижение наказания (...) Со времени запуска программы под кодовым названием «leniency» в 2004 г. в Управление по защите конкуренции и потребителя поступило 26 заявлений от раскаявшихся предпринимателей (...) На полную отмену штрафа может рассчитывать только фирма, которая обратится в соответствующее учреждение первой и сообщит ключевую информацию». («Жечпосполита», 15 окт.)

- «По некоторым расчетам, за последние 12 месяцев объем наших сбережений увеличился приблизительно на 100 млрд. злотых. В конце сентября поляки располагали более чем 867 млрд. злотых (...) Это около 63% польского ВВП (...) Сбережения немцев, итальянцев или португальцев соответствуют в среднем 200% ВВП (...) По данным Польского национального банка (ПНБ), сбережения домашних хозяйств больше, чем это следует из расчетов, — возможно, даже на 280 млрд. злотых». («Жечпосполита», 26 окт.)

- «По данным TNS ЦИМО, лишь у 7% граждан имеются сбережения свыше 100 тыс. злотых. Между тем три четверти поляков не могут (или не умеют) отложить ни гроша. Это не только безработные и студенты, но и рабочие, пенсионеры,

люди старше 60-ти и с начальным образованием. Изменений к лучшему не видно». («Ньюсуик-Польша», 7 ноября)

• «Согласно опросу ГфК «Полония», почти каждый третий взрослый поляк (9,3 млн. человек) имеет обязательства перед финансовыми учреждениями (...) В прошлом году об этом сообщили 22% опрошенных (...) Среди задолжавших банкам больше всего (72%) имеют наличный кредит, а 16% взяли деньги на покупку квартиры или постройку дома». («Жечпосполита», 4 ноября)

• «Начиная с 2008 г. судебные исполнители в массовом порядке конфискует у поляков пенсии. Уже прошлый год побил все рекорды. «Однако то, что творится в этом году, приводит в ошолобление», — сказали нам в Соцстрахе (...) Судебный исполнитель может изъять до 25% пенсии, конфискации не подлежит половина минимальной пенсии (около 353 злотых)». («Газета wyborcza», 2 ноября)

• «По данным, представленным на X Конвенте Движения против социальной беспомощности, в Польше в крайней бедности живут 2,1 млн. человек, а наиболее подвержены нищете люди с плохим образованием, дети и молодежь (...) Бедность угрожает почти 7% горожан и 17% жителей деревни». («Дзенник — Газета правна», 18 окт.)

• «Лех Валенса требует платить ему за совместный завтрак. И немало — до 60 тыс. злотых — утверждает “Супер Экспресс”». («Ньюсуик-Польша», 7 ноября)

• «Во вторник в офис «Права и справедливости» (ПиС) в Лодзи вторгся 62-летний Рышард Ц. Он кричал, что хочет убить председателя ПиС, но у него для этого «слишком маленький пистолет». Он нанес смертельное пулевое ранение Мареку Росяку и ранил ножом Павла Ковальского. Его тут же схватили, а он признал себя виновным». («Польска», 21 окт.)

• «Усиление охраны президента и премьер-министра, а также введение полицией строгого мониторинга офисов приблизительно 1200 депутатов — таковы первые результаты нападения на лодзинский офис ПиС». («Дзенник — Газета правна», 21 окт.)

• «Вчера в Сейме правительство отчиталось о ходе следствия по делу об убийстве в Лодзи (...) Председатель ПиС Ярослав Качинский (...) обвинил «Гражданскую платформу» и правительство в том, что они осуществляют долгосрочный план с целью исключить из политики ПиС и часть общества (...)

В среду президент Бронислав Коморовский предложил главам всех представленных в парламенте партий встречу, чтобы вместе подумать, как снизить уровень агрессии в политической жизни (...) Однако Ярослав Качинский заявил, что встречаться с президентом не собирается». («Газета wyborcza», 22 окт.)

- «В пятницу прокуратура подтвердила, что у Рышарда Ц. были записки с фамилиями политиков (...) Со дня убийства все больше политиков подает в министерство внутренних дел и администрации заявления о предоставлении охраны из Бюро охраны правительства (БОП). В пятницу ее получили два министра и вице-маршал Сейма (...) Все новые политики сообщают о письмах с угрозами». («Жечпосполита», 23-24 окт.)

- «К уже пользующимся охраной БОП двум министрам и вице-маршалу Сейма присоединились еще два политика. От просьбы об охране пока воздерживается председатель Союза демократических левых сил (СДЛС) Гжегож Наперальский, который вчера получил очередные угрозы. В офис Всепольского совета по телевидению и радиовещанию ворвалась вооруженная ножом женщина, требуя встречи с главой ВСТИР. Ее задержали». («Польска», 25 окт.)

- «Они — хорошо оплачиваемые депутаты Европейского или польского парламента. Пусть нанимают охранников за свой счет (...) То же самое с охраной офисов депутатов и партий — миллионы злотых, которые госбюджет предназначает на их деятельность, могут быть использованы и на обеспечение их охраны и мониторинга (...) В разных профессиях мы сталкиваемся с различными опасностями (...) В этом смысле профессия политика не идет ни в какое сравнение с профессией шахтера (...) Анджей Воцак, Варшава». Из письма в редакцию. («Пшеглэнд», 7 ноября)

- «“Демонизация врага всегда пробуждает самых страшных чудовищ”, — сказал епископ Адам Лепа во время богослужения за упокой души Марека Росяка, который погиб от пуль убийцы (...) В мессе участвовали, в частности, президент Бронислав Коморовский и председатель ПиС Ярослав Качинский, которые, однако, не подали друг другу руки в момент передачи приветствия мира». («Жечпосполита», 29 окт.)

- «Когда в Германии сумасшедший выстрелил в министра иностранных дел, для всех политических сил это была трагедия человека, а не партийный вопрос. Такое поведение вытекало из понимания, что сумасшедшие действуют под влиянием болезни, а не убеждений (...) У нас всё по-другому. ПиС и довольно многочисленные комментаторы (...) представляют

это преступление как логический результат польской демократии. Как заявил председатель Пис Ярослав Качинский, выстрелы в Росюка — это «нападение на значительную часть общества, нападение на людей, которым, в сущности, отказывают в гражданских правах». Нападение на народ, исключенный из системы». (Марек Бейлин, «Газета wyborcza», 23–24 окт.)

• «Это был не единичный инцидент, случившийся по вине неуравновешенного человека, но серия событий, которая длится уже давно. Драматическая кульминация наступила после смоленской катастрофы. После 10 апреля мы находимся под воздействием необычайно сильных эмоций (...) Это создает условия для агрессивного поведения неуравновешенных людей. Стрельбе в Лодзи предшествовал макет гранаты, принесенный к президентскому дворцу, плевки в священников, пытавшихся перенести крест от дворца. Это немыслимо в католической стране. И это еще не все факты (...) Ярослав Качинский решил, что конфликт — это двигатель прогресса, а кровь — масло истории. Я как нельзя более далек от такого мышления (...) После трагедии 10 апреля Польша справилась с ситуацией. Сработала конституция, демократические процедуры. Похороны и передача должностей прошли в соответствии со стандартами. Конечно (...) до этого был совершен ряд ошибок: не были закуплены новые самолеты, пилоты были плохо подготовлены и т.п. (...) Почему у 36 го полка не было новых самолетов? Потому что политический класс боялся обвинений, что государственные деньги тратятся на самолеты, в то время как есть более важные нужды. Виноват популизм. Но за это отвечают все правительства. Основной проблемой польской демократии вот уже 20 лет остается неучастие в ней граждан. В выборах 1989 г. приняло участие более 60% поляков, в 1995 г. — почти 70%. Сегодня на выборы приходит лишь половина имеющих право голоса», — Александр Квасневский, президент Польши в 1995–2005 гг. («Газета wyborcza», 25 окт.)

• «Взаимозависимость двух политических блоков [ГП и Пис] порождает два общества (...) В Польше существуют два разных мира. В одном идут споры и игры между партнерами, что-то пытаются реформировать. А в другом мире пытаются совершить полную революцию. В результате Пис — это антисистемная партия (...) Мы уже знаем, как может выглядеть правление Пис», — проф. Войцех Луковский, Варшавский университет. («Жечпосполита», 22 окт.)

• «Конфликт «Гражданской платформы» с «Правом и справедливостью» наслои́лся на глубокий польский спор цивилизационного, культурного характера (...) Разделение на консервативных, религиозных традиционалистов и либеральное или просто не подверженное идеологии большинство существовало и прежде, но раньше эти две стороны были рассеяны и обслуживались сменявшимися политическими формациями. У них не было возможности окрепнуть. В течение последних десяти лет у обеих групп (...) всё время одни и те же политические представители (...) Появилось ощущение мучительного взаимного отчуждения, ослабили национальные связи (...) Самый актуальный сегодня вопрос звучит: как сдержать противников существующей демократической системы, не усиливая напряженности? (...) Как защищаться, не нанося ударов? (...) Это не спор о бюджете, здравоохранении или пенсионной системе — это битва за образ страны на долгие годы вперед, битва за то, какой будет Польша». (Мариуш Яницкий, «Политика», 30 окт.)

• «Повсеместное сетование на то, что политики ругаются, вместо того чтобы сотрудничать, показывает, что противоречащее сущности системы желание всеобщего примирения, — черта польской культуры. Во-первых, раньше у нас не было демократии. Во-вторых, долгое время перед лицом постоянной угрозы извне единство народа было огромной ценностью. В третьих, у нашего общества в подавляющем большинстве крестьянская ментальность. А в традиционной сельской или народной культуре открытый конфликт рассматривается очень отрицательно. Всё это приводит к тому, что для многих поляков труднопереносима сама демократическая политика. А это влечет за собой эмоциональную реакцию на вскрытые конфликты. И, наконец, это сильно влияет на политический класс. Нельзя сказать, чтобы он был совсем плох. Но политический инстинкт подсказывает ему, что, имея дело с эмоционально дестабилизированным обществом, на эмоции и следует воздействовать (...) Часто можно услышать, что «Право и справедливость» — это антисистемная оппозиция. Я согласен с этим мнением. Но, по моему убеждению, этот тезис не дезавуирует ПиС. Просто речь идет о проекте государства иного типа. Более корпоративного, иерархического, обеспечивающего скорее безопасность, нежели свободу и новые возможности. Нельзя сказать, что это спор ни о чем», — доктор Анджей Ледер, Институт философии и социологии ПАН. («Политика», 30 окт.)

• «Согласно последнему опросу ЦИОМа, председателю Европарламента [Ежи Бузеку] доверяют 65% поляков. Второе

место занимает президент Бронислав Коморовский (62%). Третье — премьер-министр Дональд Туск (55%). Список политиков, вызывающих наибольшее недоверие, открывают председатель Пис Ярослав Качинский (47%) и бывший депутат от ГП Януш Паликот (46%)». («Жечпосполита», 26 окт.)

• «Премьер Туск сделал принципиально важную вещь — стабилизировал нашу страну. Несмотря на то, что за это время произошли события, которые могли дестабилизировать Польшу: кризис, огромная трагедия смоленской катастрофы, избирательная кампания вместе со всем, что с ней связано и что происходит после ее окончания. То, что Туск своими начинаниями не допустил дестабилизации, означает, что наш премьер-министр чувствует ответственность за государство, и это должно нас радовать», — Адам Михник. («Впрост», 24 окт.)

• «Согласно опросу TNS ЦИМО, 51% поляков считает, что премьер-министр Дональд Туск плохо справляется со своими обязанностями. Положительно оценивают премьера 42% опрошенных, а 7% затрудняются с ответом (...) 39% считают, что президент Бронислав Коморовский хорошо исполняет свои функции (...) Отрицательно оценивают его 36%». («Жечпосполита», 23–24 окт.)

• Согласно опросу Института изучения общественного мнения «Номо homini», перед выборами в органы местного самоуправления, которые пройдут 21 ноября, ГП поддерживают 37,1% поляков, Пис — 23%, СДЛС — 15,8%, крестьянскую партию ПСЛ — 7,5%, Всепольскую партию пенсионеров — 2,9%. Кандидатов от местных политических организаций собираются поддержать 5,8% поляков. Избирательная активность предполагается на уровне 47%. («Дзенник — Газета правна», «Польска», 8 ноября)

• «Четверть миллиона человек баллотируются в органы местного самоуправления. Многие из них — это действующие депутаты, войты, бурмистры и президенты (мэры). В борьбе за переизбрание они часто без зазрения совести используют свою власть и государственные деньги (...) Фонд им. Стефана Батория осуществляет мониторинг избирательных кампаний в Польше с 2005 года. Адам Савицкий: «Перед выборами следовало бы изолировать чиновников от их учреждений, поскольку случаям использования государственных денег в кампании нет числа». («Газета wyborча», 10–11 ноября)

• Гмин, в которых никто не хочет конкурировать на выборах с действующим войтом или бурмистром — около трехсот. Это

число растет уже не первый год. [По данным 2005 г. в Польше 2478 гмин]. («Жечпосполита», 3 ноября)

- «Тарнувская епархиальная курия разослала по приходам информацию о том, как депутаты с территории епархии голосовали по вопросу полного запрета экстракорпорального оплодотворения. Священники обещают, что результаты следующих голосований будут зачитываться в храмах». («Газета wyborcza», 23–24 окт.)

- «Архиепископ Хосер, председатель группы Епископата по вопросам биоэтики, предупредил, что депутаты-католики, которые будут голосовать за метод экстракорпорального оплодотворения, размножение и селекцию эмбрионов, должны принимать во внимание возможность отлучения от Церкви». («Пшеглэнд», 31 окт.)

- «Архиепископ Хосер зашел слишком далеко, говоря об отлучении от Церкви за поддержку экстракорпорального оплодотворения», — считает епископ Перонек. («Жечпосполита», 31 окт.)

- «Президент Бронислав Коморовский сказал, что не боится отлучения от Церкви за подписание закона об искусственном оплодотворении. Это был ответ на нашумевшее интервью архиепископа Генрика Хосера (...), в котором тот сделал вывод, что депутаты, поддерживающие экстракорпоральное оплодотворение с размножением эмбрионов, оказываются «автоматически за пределами Церкви». По словам президента, «ничего такого не будет иметь места, потому что для отношений Церкви с государством и Церкви с демократией это сыграло бы роковую роль. Никогда в цивилизованной европейской стране не бывало, чтобы отлучение от Церкви коснулось государственной сферы», — сказал Коморовский. («Газета wyborcza», 28 окт.)

- «“Я хочу ввести новый светский обычай: чтобы политики с момента избрания гражданами отвечали перед гражданами, а не перед церковной иерархией”, — сказал несколько дней назад премьер-министр Дональд Туск в связи со словами архиепископа Хосера об отлучении от Церкви, которым рискуют депутаты, поддерживающие либеральные варианты закона об искусственном оплодотворении (...) «Некоторые политики склонны вести себя так, будто они епископы, а некоторые епископы — так, будто они депутаты» — прокомментировал он критическую позицию епископов. Ранее такой язык в отношении Церкви не использовался». («Жечпосполита», 22 окт.)

• «Высота — 52 метра. Правда, на самом деле 36 метров, но нужно добавить специально насыпанный холм, на котором стоит памятник. Размах рук — 24 метра. Вес — 440 тонн. Стоимость — кто знает? Это Христос. Самый большой в мире (...) Депутаты из Свободзина решили, что Христос-Царь должен стать покровителем города. (...) Пожилой человек пришел к изваянию вместе со знакомым (...) «От этого Христа нам всем будет польза, — говорит он. (...) — Мы со Стахом (показывает на знакомого) поставим ларек и будем продавать сувениры. Бизнес». (...) Бурмистр Дариуш Бекиш: «О Свободзине заговорят, а туристы и паломники — это польза, пересчитываемая на злотые»». (Лукаш Зелинский, «Жечпосполита», 8 ноября)

• «Польша построена из еврейских надгробий — тротуары, коровники, стены, мосты, поребрики, беседки и даже песочницы для детей. Это показывает на своих фотографиях Лукаш Баксик. Вчера он открыл в Центре современного искусства выставку «Мацевы в быту» (...) Его выставка — это обвинение, покаяние, призывание к общепольской акции возвращения еврейских надгробий. «Кто-то дал разрешение, кто-то украл надгробие, кто-то из него что-то построил. А мы ничего с этим не делаем. Это должно измениться!» — говорит Лукаш Баксик». («Газета выборча», 29 окт.)

• «В краковской начальной школе и гимназии «Сальватор» в классах нет распятий. Они были сняты на время летних каникул, пока шел ремонт, но обратно уже не вернулись (...) «Мы хотим, чтобы все дети у нас чувствовали себя хорошо. А среди наших 170 учеников — не только католики, но и свидетели Иеговы, мусульмане и неверующие», — говорит директор Магдалена Секанская (...) «Католиков нужно, видимо, закрыть в гетто, — комментирует это священник и профессор Тадеуш Панусь, директор отдела пастырской работы с детьми и молодежью краковской курии. — Школа вынесла приговор распятию», — добавляет он». («Жечпосполита», 22 окт.)

• «Я много путешествую по миру. Каждый раз, когда я возвращаюсь в Варшаву и включаю телевизор, меня берет злость, что дискуссия ведется либо исключительно на символическом уровне — вроде вопроса о кресте — либо не ведется вовсе (...) Невозможно сравнить дискуссию, которая ведется в Великобритании, Германии и даже Франции с нашей (...) Мы не можем позволить правым, т.е. ПиС, кормить себя исключительно смоленской катастрофой, интерпретируемой как политический реванш, удовлетворение жажды мести (...) В свою очередь левые считают, что самое важное —

антиклерикальная кампания. Всё это не только несерьезно, но и опасно. Мы заплатим за это высокую цену. Хочу предостеречь. У Польши будут проблемы», — Александр Квасневский, бывший президент Польши. («Жечпосполита», 27 окт.)

• «Несколько дней назад я был в Германии на открытой дискуссии бывших министров иностранных дел Польши и Германии. Мы встретились в очень большом зале театра. Он был набит битком. Люди покупали билеты, чтобы войти (...) У нас устраиваются митинги поддержки или протеста. Есть выкрики и свист, а дискуссии нет. Мы — общество, которое сидит в лодке и не обращает внимания ни на стороны света, ни на направление ветра, даже штурвала не держит. Черт его знает, куда мы плывем, но нас это как-то не заботит», — Влодзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр. («Польска», 5-7 ноября)

• «В Афганистане убит 22-й польский солдат. Старший рядовой Адам Шада-Божишковский погиб во время нападения на наш патруль, наткнувшийся на мину». («Жечпосполита», 15 окт.)

• «Польша купила у израильской фирмы «Аэронавтикус» восемь беспилотных самолетов «Аэростар» за 30 с лишним миллионов долларов (...) «Я думаю, что «Аэростары» помогут спасти многих наших коллег в Афганистане, — говорит оператор камеры капитан Мариуш Анткевич (...). — Дальность полета самолета — более 200 км. Шансы, что враг сделает на этой территории что-либо, о чем не знали бы наши солдаты, невелики»». («Жечпосполита», 14 окт.)

• «Испания, Колумбия, Бельгия, Молдавия, Норвегия и Португалия уничтожили 175 тыс. кассетных бомб. Бомбы эти разбрасывают сотни и даже тысячи минигранат. Те, что не взорвались, могут убивать еще более 40 лет. До сих пор они убили 100 тысяч человек, 30% из которых — дети. Такие бомбы производит, в частности, Польша». («Польска», 2 ноября)

• «Три флага развевались вчера на перекрестке улицы Каспшака и аллеи Примаса Тысячелетия: польский, столичный и Свободного Тибета. «10 марта 1959 г. на улицах Лхасы вспыхнуло восстание в защиту тибетской идентичности. В нем погибли по меньшей мере 86 тыс. тибетцев», — гласит надпись на первой такого рода мемориальной доске в Европе (...) На торжественное открытие (...) массово пришли варшавяне и живущие в Польше тибетцы, которые пропели гимн своей страны (...) После протестов посольства КНР Варшавский городской совет принял окончательное название «площадь

Тибета», а не «площадь Свободного Тибета» (...) Обращение к варшавянам прислал Далай-лама». («Газета wyborcza», 25 окт.)

• «Отказ от привлечения к ответственности коммунистических преступников — самый большой позор независимой Польши. Сотни судей, прокуроров, следственных офицеров 40-х и 50-х годов остались совершенно безнаказанными (...) Спокойно умерли Мечислав Видай (105 смертных приговоров), судья Рышард Ветчёх (67 смертных приговоров), судья Владислав Серацкий (57 смертных приговоров), судья Збигнев Фуртак (более 50-ти), прокурор Иренеуш Болинский (91 предложение о вынесении смертного приговора)». («Жечпосполита», 6-7 ноября)

• «У Вальдемара Хшонца из Бжега на Опольщине нет детей. Он живет с женой и стаей четвероногих, унаследованных от приговоренных к заключению или от жертв преступлений. Уже 25 лет он работает следственным прокурором (...) Когда прокурор Хшонц едет по вызову в связи со смертью старого одинокого человека, он знает, что чаще всего в квартире найдет какую-нибудь собаку или кошку. «И что мне делать? Я не могу притворяться, что их нет». Большинство животных, которые у него живут, подобраны на прокурорских выездах (...) Прокурор Хшонц ездит по парку с сумками, набитыми едой. «Перед наступлением зимы (...) я занимаюсь постройкой будок для кошек (...) Пусть люди думают обо мне, что хотят. Зато моя совесть спокойна», — говорит он». (Изабела Жуковская, «Газета wyborcza», 20 окт.)

• «Конференция в президентском дворце 4 октября, во Всемирный день животных: закон не защищает животных эффективно (...) Почетным гостем была супруга президента Анна Коморовская (...) В конференции участвовали, в частности, главный специалист по делам животных при президенте Карина Швежлер, депутат Павел Суский из Парламентской группы друзей животных, представители полиции, прокуратуры, Высшей контрольной палаты, ветеринарной инспекции, инспекции дорожного транспорта, организаций по защите животных, а также ученые и журналисты (...) Работы по внесению поправок в закон о защите животных могут закончиться в ноябре». («Коце sprawy», ноябрь)

• «В Польше спорят о судьбе лабораторных животных, которых у нас и так не используют в экспериментах, но мало кто обеспокоен судьбой свиней, которые умнее собак, имеют более богатую психическую жизнь, и миллионы из которых, прежде чем их заколют, подвергаются ужасным мучениям (...) В

химической промышленности все еще существуют негуманные опыты на животных. Это исследования токсичности искусственных удобрений и средств защиты растений, в результате которых эти животные умирают», — проф. Войцех Писуля, Институт психологии ПАН, член Всепольской этической комиссии по вопросам опытов на животных. («Жечпосполита», 16–17 окт.)

- Согласно документам лесничества «Чарна-Бялостоцкая», обнародованных Адамом Вайраком, в заповеднике «Шиндельские старые лесонасаждения» предприятие Государственные леса срубило в 2005 г. 363 дуба, в мае и июне 2006 г. — 63 дерева этого вида, а уже в ноябре — еще 226. В начале 2007 г. было срублено 88 дубов, в начале 2008 г. — 192. Всего в заповеднике было вырублено 932 дуба. («Газета wyborcza», 12 ноября)

- «Натуралисты из «Гринписа» внесли сегодня в Сейм гражданский проект поправок к закону об охране природы. Они хотят, чтобы Беловежская пуца стала национальным парком. Под проектом собрано 200 тыс. подписей. Проект должен изменить два положения существующего закона. Первое — о том, что органы самоуправления могут налагать вето и блокировать расширение границ существующих национальных парков и основание новых, в т.ч. на территориях, принадлежащих государству (...) В проекте вместо вето есть лишь право на выражение своего мнения. Второе изменение касается оценки работы директоров национальных парков». («Газета wyborcza», 9 ноября)

- «Один гектар польского соснового леса в состоянии поглотить около 30 тонн углекислого газа в год, что соответствует приблизительно 8 тоннам чистого угля (...) Леса занимают 29% поверхности нашей страны, что соответствует средней по Европе. Однако в отношении выбросов углекислого газа мы превышаем среднестатистический уровень. Польша выбрасывает в атмосферу почти 750 тыс. тонн углекислого газа в сутки (204 млн. тон в 2009 г.), что дает нам место в первой двадцатке по выбросам». («Жечпосполита», 29 окт.)

- «Польша может быть довольна тем, что ей удалось восстановить популяцию бобров, число которых в 1966–1998 гг. выросло в нашей стране на 13%. К сожалению, в области потребления природных ресурсов (...) у Польши нет причин для радости. Мы используем в два раза больше сырья, чем имеем. Мы получаем его из более бедных стран. Наш экологический след, т.е. потребление природных ресурсов, превышает мировую среднюю (...) Впрочем, всё человечество использует в

полтора раза больше сырья, чем Земля может выработать в течение года (...) Если эта тенденция будет сохраняться, то через 20 лет нам потребуется эквивалент не полутора, а двух планет в год». (Александра Станиславская, «Жечпосполита», 14 окт.)

ПОЧЕМУ НЕ ПРЯМО?

Warum?

Darum!

Warum darum?

Darum es ist krumm.

Und warum ist es krumm?

Darum es ist nicht recht. ^[1]

Польско-русские культурные отношения, плодотворно развивавшиеся с 1922 г., во второй половине 1930-х почти замерли. Это определялось такими политическими факторами, как эскалация сталинского террора, приход к власти нацистов, смерть Пилсудского и происходивший в тени двух соседних тоталитаризмов рост движений фашистского типа в авторитарных государствах Центральной Европы. Взятые вместе, эти факторы привели к тому, что интеллигентский миф революции потерял свою привлекательность, а ассоциировавшаяся с ним русская культура — признак современности.

Что же осталось от воспоминаний из-за железного занавеса, когда во времена политических и полицейских запретов подлинная русская культура оказалась закрыта для собственного народа, а следовательно, неизвестна и широким кругам образованных поляков? Польские исследователи и переводчики еще до войны искали бреши в стене этих запретов, порой играя роль первопроходцев, которые знакомят весь мир с отдельными произведениями русского искусства и литературы.

Уникальным по масштабу примером стала варшавская выставка Казимира Малевича в 1927 г. — его первая зарубежная экспозиция, предшествовавшая берлинской, творческий итог деятельности великого художника, уже тогда преследуемого и находившегося в СССР под угрозой ареста. Эта выставка — бесспорно, одно из величайших событий в истории европейского искусства XX века — хоть и не оставила слишком заметного следа в культурной жизни тогдашней Варшавы, но

явилась огромной заслугой представителей польского и еврейского авангарда. В межвоенное время Варшава являлась многокультурным центром, и не только на уровне фольклора. Она была — наряду с Краковом, Львовом и Вильно — важнейшим центром польской культуры (с присущим ей языком и традициями), а также — наряду с Вильно и Лодзью — почти мировой столицей культуры идиш, претендовавшей на звание современной.

XX век во всей Центральной и Восточной Европе — бурная эпоха преодоления и крушения традиционных сословных барьеров. Уже в предшествующем столетии просвещенная интеллигенция, ставшая здесь, по сути, общественным монополистом в области культуры и образования, стремительно становилась внесословной группой. После Первой Мировой войны, окончательно отменившей систему сословных привилегий в образовательной и профессиональной сферах, после русской революции, в той Польше, возникшей на развалинах трех захватнических империй, понятие «интеллигенция» стало приобретать наднациональный характер (в системе внутренних и международных отношений), что не всегда подчеркивается и понимается должным образом. И именно интеллигенция вплоть до самого исхода XX века, до завершения формирования массовых обществ, была сознательным субъектом «диалога» польской и русской культур, создавая единую общественную плоскость дискурса и взаимопонимания.

Современность в культуре прокладывала себе путь посредством эмансипации истосковавшейся по мировой культуре провинции, а не с помощью модернизации империй, в которых политические движения и реакции провинции и социальных периферий становились пищей для тоталитарной системы. Универсалистская интеллигентская «современность» была привлекательна для интеллектуальной и художественной еврейской элиты, которая, сохраняя национальное самосознание, освобождалась от консервативной традиции сословных запретов и привилегий, но вместе с тем и выбиралась из провинциального гетто, границы которого устанавливала обязательная в Российской империи «черта оседлости». Именно эта элита явилась необходимым коэффициентом восточно-европейской культурной модернизации. Анджей Туrowsкий в своей монографии «Малевич в Варшаве», ссылаясь на работы Ежи Малиновского, справедливо подчеркивает роль «еврейских культурных организаций, художественных групп и отдельных художников, которые в поиске собственной национальной идентификации

в современном искусстве существенным образом содействовали проникновению информации о новейших художественных идеях и событиях в мире, открывая глаза художникам в Лодзи и Варшаве на весомость и проблематику этих идей. (...) Самые ранние сведения о рождающемся в России современном искусстве доходили до Польши и через Париж, где вокруг «La Ruche» («Улья») сосредоточилась в первые десятилетия XX века большая колония еврейских художников, выходцев из Центральной и Восточной Европы, которую позже называли Эколь де Пари — Парижской школой».

Неоценимы контакты художественных и интеллектуальных еврейских объединений в период войн 1918–1921 гг., в особенности деятельность «Культур-лиги» — официальной организации, созданной в апреле 1918 г. в Киеве, в первом независимом украинском государстве, и охватившей своей активностью всю еврейскую диаспору Восточной Европы. Эта демократическая надпартийная организация, ставя своей целью модернизацию культуры идиш, «в особенности старалась построить новое сознание и выработать такие способы деятельности, которые позволили бы сочетать специфические ценности, вытекающие из истории еврейского народа, с универсальными идеями современного и демократического общества».

Когда вместе с падением независимой Украины пришел конец большой культуротворческой роли Киева, часть деятелей «Культур-лиги» перебралась в Берлин и Варшаву — два центра, где сосредотачивалась интеллигентская эмиграция со всей бывшей Империи. «В это же время активизировались отделения «Культур-лиги» в Польше, прежде всего в Лодзи и Белостоке, а также в Варшаве». В Лодзи художественное брожение способствовало развитию группы «Юнг идиш», в Варшаве с января 1921 г. отделение «Культур-лиги» возглавлял Моисей Зильберфарб, публицист и социалистический деятель (из Объединенной социалистической партии — Farejnigte), в 1918 г. — заместитель секретаря по делам национальностей, а затем министр по еврейским делам при правительстве выдающегося писателя Владимира Винниченко, первого премьер-министра независимой Украинской Народной Республики, провозглашенной Центральной Радой во главе с историком Михайло Грушевским. (До 1939 г. Варшава была также местом пребывания неофициального украинского правительства в изгнании.) Замысел Зильберфарба создать вместо Киева очаг культуры идиш в Варшаве дал тот толчок к развитию, благодаря которому местный центр еврейской современности притянул в 1920-е многих выдающихся

художников, поэтов, журналистов, людей театра, в том числе и из-за границ Речи Посполитой. Здесь во взаимодействии с польской культурой, переживавшей столь же быстрые и глубокие изменения, в обеих языковых стихиях и национальных традициях развивался под модернистскими лозунгами как авангард, так и — в значительно более широких масштабах — новая демократическая и либеральная культура. До наступления Большого Кризиса (1929 г.) националистическая и антисемитская накипь не смогла это развитие остановить, и оно приносило свои плоды еще долго после крушения описываемого мира.

Польский художественный авангард и новая литература зарождались в атмосфере этих международных контактов. В кафе поэтов «Пикадор», которое было создано по завезенному из России после войны образцу артистических кабаре и подвальных, дебютировали участники литературной группы «Скамандр»: Тувим, Слонимский, Лехонь, Вежинский и Ивашкевич. Трое первых были знакомы с русской литературой с гимназических лет, двое остальных знали Россию по личному опыту. В то же время в феврале 1919 г. вчерашние гимназисты, завтрашние футуристы (или же дадаисты, величавшие себя «примитивистами»): Анатолий Стерн и Александр Ват — анонсировали плакатом столь же юного еврейского художника Генрика Берлеви свое первое поэтическое выступление, названное «Субтропический вечер, устроенный белыми неграми». Последний месяцем ранее уже сочинил абсурдную прозу «Я с одной стороны и Я с другой стороны моей мопсожелезной печки», доказывающую, вопреки последующим утверждениям автора, что опоздавший на десять лет по отношению к русскому образцу польский футуризм не был мертворожденным явлением.

Не составляет ли сущности художественных и мировоззренческих разногласий между польским авангардом (где нельзя отделить изобразительное искусство от литературы) и не столь уж пассеистской скамандритской плеядой — *toutes proportions gardees* — та дилемма, которая воплощается в противостоянии Малевича и Шагала? В контексте приезда в Варшаву Эль Лисицкого (кстати говоря, активиста «Культур-лиги»), который своим антитрадиционализмом взбудоражил среду еврейских живописцев и вдохновил варшавских конструктивистов и абстракционистов, Туровский описал эту дилемму следующим образом:

«Речь шла о том (...) каким путем рационализировать традицию, чтобы стать универсальным художником. (...) Шагаловское обновление языка не являлось отказом от периферийности еврейской культуры. Напротив, художник стремился включить что-то из этой «несколько странной атмосферы провинциального мышления» в универсальный оборот, где быстро нашел своих приверженцев, критиков и коллекционеров. Разумеется, это требовало отказа от религиозной тематики, трудно поддающейся ассимиляции, но сохранения экспрессивной поэтики, которая обладала чертами оригинальности. Ну и, естественно, отъезда в Париж. Для модернизирующегося Лисицкого пример авангардного мышления Малевича, не увязшего в национальных традициях и вместе с тем предлагающего новый гнозис, казался захватывающим. Русская культура, в которую Малевич был полностью погружен, не являлась провинциальной. (...) Универсализм Малевича (...) принципиальным образом отличался от шагаловского. Осуществленный Малевичем радикальный разрыв с тем изображением в искусстве, которое опиралось на законы перспективы, был уже известной европейской культуре попыткой обновить художественный язык. (...) С точки зрения Лисицкого, любопытным свидетельством желания искать пути выхода и опираться на Малевича были дебаты, которые велись среди еврейских и польских деятелей искусства во время краткого пребывания художника в Варшаве [осенью] 1921 года. Генрик Берлеви (...) вспоминал особый накал тогдашних дискуссий, где очень сложно было примирить позиции, которые сводились к следующей альтернативе: партикулярно осмысленная традиция еврейского искусства или универсально понятая авангардная культура».

Свои выводы оба художника сформулировали в статьях — писавшихся, как и их переписка, на идиш, — на страницах варшавского журнала «Ринген» («Кольца»), который уделял огромное внимание проблемам международного авангарда. Дальнейший путь вел обоих в тогдашний центр сосредоточения этого авангарда — Берлин. Там Лисицкий переведет на немецкий программную работу творца супрематизма, тогда как Берлеви после возвращения в Варшаву будет способствовать публикации польского перевода статьи Малевича в журнале «Блок» (1924) — печатном органе группы варшавских конструктивистов, инициатором создания которой был он сам. Туда же, в интернациональный Берлин, направился после варшавской выставки 1927 г. и сам Малевич.

Модернистскому видению «нового Человека» предстояло возвращаться позднее в польской литературе у политически левых, в том числе и по-настоящему недюжинных авторов, служа пропаганде канонизированной сталинским тоталитаризмом «философии социального титанизма» (по определению Николая Бердяева). Критик и публицист Станислав Бачинский, в прошлом боец легионов Пилсудского, в скверной атмосфере 1930-х всё откровеннее симпатизировавший коммунистам, так излагал принципы только что провозглашенного в СССР соцреализма (1935): «Действительность, мир вещей становится главным объектом, а деятельная позиция по отношению к нему — основным мотивом. Итак, человек, охваченный процессами жизни, не только их проживающий, но коллективом сплавленный с ними в единое целое, занимает место прежнего идеалиста, солипсиста». «Вместо иерархической градации типов и характеров, воспринимающих мир вещей извне, мы имеем людей и вещи во время процесса их взаимного проникновения».

Неглупый, впрочем, критик (и поэт-авангардист), коммунистический попутчик Игнаций Фик уже после московских процессов 1938 года с завидной наивностью восхвалял эстетическую идеологию ГУЛага: «Самое удивительное — усилие человека в стремлении возвыситься над природой. Чтобы своей человеческой волей диктовать законы даже себе, ее частице. Чтобы создавать ясные и простые конструкции и видеть в них творчество, которое хаос превращает в порядок». Здесь отчетливо прослеживается влияние философии действия Станислава Бжозовского, возникшей на волне 1905 года, революции, всеобщих забастовок. Философии, которая не знает ни института права, ни общественных или экономических законов, ни законов рынка, а универсальное, цивилизационное «действие» Человека в борьбе с Природой лишает аспекта повседневной борьбы за существование, за удовлетворение жизненных потребностей. «Действие», обращенное в «творчество», противное Природе, прямо-таки просится в антиутопию Андрея Платонова (это как раз круг проблем, весьма существенных для великого русского писателя).

Панкреативизм, приписываемый русским — в ощущении величия, а порой и превосходства русской культуры, — находился, однако, в таком явном противоречии с материальной действительностью, что нуждался во вторичных обоснованиях. Им служили два мифа, содержащиеся в представлении о современности, а генетически — как и вся эта

полулиберальная, полусектантская левизна, ее этика и эстетика — на самом деле связанная с наследием 1905 года, а не сталинского государства террора.

Из двух упомянутых мифов первый представляет собой миф революции — понимаемой неоромантически как экзистенциальная «крайняя ситуация», окончательное испытание злом, творящим добро, а в итоге как духовная экспрессия при общении с историей, формирующейся в этой темной зоне хаоса. Такое общение позволяет, правда, адепту революционных посвящений строить из трудных и запутанных вещей на удивление ясные и простые конструкции, но ему сопутствует неизбежный «призрак» или «тень измены». Знаменательно здесь принятие трагической театральной позы: российский Террор есть резонансный ящик, который на этой сцене увеличивает силу голоса. Так происходит в стихах Броневского, главного польского «революционного» поэта и одного из важнейших переводчиков русской литературы, в литературной жизни амбивалентно колебавшегося между коммунизированной средой вчерашних футуристов и новаторов (Ват, Ясенский, Щука и др.) и скамандритскими «Вядомостями литерацкими». Революционный демонизм позволяет даже перепутать варшавские адреса с московскими^[2]: «Когда я кровью насыщу тень измены, тогда песнь, что не знает тревоги, дерзкая летит на улицы и ведет толпы, злая, хищная, на Красную, на Театральную площадь, где умеет кричать уличный булыжник, где — если шаг, то шаг роковой, а если стон — то стон трагический» («Баллада о Театральной площади», подстрочный перевод).

Это интернациональная — присущая также русской, украинской, еврейской культуре — традиция литературы, подводящей итоги 1905 года: как ни странно, приобщение к мифической революции совершалось путем ее пересмотра. В Польше эту традицию представлял Стефан Жеромский («нравственный авторитет» интеллигентских левых кругов) — и не только театральной «Розой», где и сегодня потрясающее впечатление производит безумный танец рабочего-революционера, польского патриота, движущегося по замкнутому кругу под ударами истязавших его поляков — русских шпииков. В архиекспрессионистском романе «Краса жизни» историософский дискурс о борьбе польской анархии с российской государственностью — с отсылками к Достоевскому и признанием русского величия — сплелся с отчетом о социалистическом сходняке, межпартийном суде над Бжозовским, обвиненным в сотрудничестве с охранкой.

Жеромский в 1910 г. наблюдал за этим судом в качестве общественного доверенного лица. В своем последнем романе «Канун весны» (1924) социалистические и патриотические мечты он противопоставил коммунизму. Эту книгу не следует читать без ознакомления с очерками Жеромского о польско-советской войне 1920 г.: в ренегатской измене он здесь обвинил уже не реакционеров и оппортунистов, а недавних революционных заговорщиков, судей по делу о национальной измене, теперь снова обрушивших на головы своих соотечественников враждебную московскую силу.

В декабре недоброй памяти 1937 года Броневский, играя названиями книг Анджея Струга, еще одного писателя из течения тех, кто подводил итоги, «республиканца свободной родины мира», вывел из традиции польских «Бесов» сжатую формулу родословной антифашистского общественного мнения: «Нас породили люди подполья, и над нашей творилась колыбелью среди трагической и темной ночи история одного снаряда. Девятьсот пятый год втиснул нам за пазуху этот снаряд. Нашей школой были гроза и мрак, виселицы, блесевшие над Вислой» [3].

Эта противоречивая мифология объясняет поразительный, учитывая политические предпочтения переводчиков, выбор переводившихся ими произведений и авторов русской литературы. Бывшие legionеры с воодушевлением переводили «Двенадцать» Блока и «Конармию» Бабея, коммунисты — «Братьев Карамазовых» Достоевского или же пророческий роман Эренбурга о провокации чекистов, которые организуют мнимый антисоветский заговор. Если в самой России уже с 1922 г. навязчивое воспроизведение революционного мифа не ассоциировалось с современностью и в культуре имело скорее пропагандистское, чем художественное значение, то в межвоенной Польше революционная этикетка русского модернизма прокладывала дорогу на книжный рынок в том числе и попутчикам вроде Бабея, Булгакова, Клычкова, Пильняка, Зощенко и даже Замятина. Общим знаменателем этой прозы — не отделяемой от дореволюционного «реализма» Чехова, Горького, Куприна, от образчиков соцреализма, от атмосферы столь впечатляющих фильмов, как «Потомок Чингисхана» Пудовкина, — в польском восприятии стал натуралистический экспрессионизм, созвучный литературе, кино и театру веймарской Германии.

Стереотип в своей политизированной эстетике возвращался позже — и с благородными намерениями деформировал казенный образ истории. Но он заточал эту культуру в

политическое гетто, не позволяя польскому сознанию видеть как смысл «перехода через нуль форм» Малевича, так и самого важного, с сегодняшней точки зрения, в художественном и интеллектуальном наследии русского модернизма — иронического соединения визионерства и абсурда. И в конце века, случалось, даже переводчики Платонова и обэриутов иногда умели истолковать это сочетание как политическую сатиру. Опыт польских мастеров современного гротеска — Б.Лесьмяна, С.Виткевича, В.Гомбровича, молодого К.Галчинского — несмотря на их генетическую и типологическую близость к русским — не учитывался при переводах русской литературы.

Зато появление второго из упомянутых мифов — в сфере этики польско-русских культурных отношений — следует отнести к отголоскам антиинтеллигентского, антилиберального бунта и полемики в поколении Гомбровича и Галчинского. Отношения эти, плодотворно развивавшиеся с 1922 г., во второй половине 1930-х почти замерли. Это определялось такими политическими факторами, как эскалация сталинского террора, приход к власти нацистов, смерть Пилсудского и происходивший в тени двух соседних тоталитаризмов рост фашистских движений в авторитарных государствах Центральной Европы. Взятые вместе, эти факторы привели к тому, что интеллигентский миф революции потерял свою привлекательность, а ассоциировавшаяся с ним русская культура — признак современности. Московские процессы и сталинская расправа над польской компартией лишали этот миф носителя (а поскольку партия была признана средоточием предательства и провокации, миф реализовался во всей своей противоречивости).

После нацистской «революции» в Германии, на волне так называемой консервативной революции, охватившей всю Центральную Европу и не чуждой Западу, миф революции, являвшийся до этого монополией левых, подхватили молодые правые радикалы. В атмосфере черносотенного антисемитизма и обострения межнациональных отношений росла популярность контркультурной оппозиции художественному и интеллектуальному истеблишменту — либеральному и социалистическому. Иррациональный по своей природе идеологический культ молодости сочетался с возвращением к перспективе «поколений». Такая перспектива способствовала стилистическому эклектизму, тогда как политический радикализм облегчал переход из правых в левые. («Веяло бредом, жаром, алым, лихоманкой трясло и шло колесом. Неизвестно кто, какой-то Геня, начал плести неизвестно что»

[4], — писал тогда Юлиан Тувим в стихотворении «Митинг», нацеленном в тех ровесников Чеслава Милоша, которые сумели из католических националистов перекраситься в фанатичных коммунистов. Сам Милош, для которого тогдашняя проблематика не утратила актуальности до самого конца жизни, подчеркивал поколенческую привлекательность позиции Нафты в споре с Сеттембрини из манновской «Волшебной горы».) Как и в России на 15 лет раньше, это была перспектива не стилей и школ, а борющихся групп, прибегавших в культурной жизни к активистским метафорам. Отсылки к Бжозовскому и его «философии действия» служили теперь другому делу, а в катастрофическом настроении крайность идейных вариантов выбора связывалась с ощущением абсурда, которое ее оправдывало, — от правых до левых.

Не политические идеи, а идея абсурда роднит Галчинского с Гомбровичем, делая их обоих типологическим эквивалентом русских обэриутов. Наряду с проявлениями стилистического родства общие у них — мировоззренческие предпосылки и констатация невозможности диалога в том смысле, в каком это понятие, заимствованное у Мартина Бубера и других немецкоязычных создателей философии диалога, употреблял в России Михаил Бахтин. Констатация настолько же метафизическая, насколько и социальная. Бахтин, развивая позже — вслед за петербургским модернизмом — концепцию карнавала, противопоставлял авторитарной, догматизированной культуре коллективную психику «праздника» плебейского апокалипсиса — «диалог» был невозможен на обоих этих полюсах. Всё более грозно это подтверждалось простирающейся между ними социальной действительностью. По отношению к первому поколению модернистов здесь рисовалась разница опыта и переживаний. Гомбрович выразил ее в послевоенной переписке с Бубером (на польском языке) по поводу своей драмы «Венчание»:

«Не могу же я дать конфликт между людьми, существующими «самостоятельно», как Вы говорите, если мое видение, мое инстинктивное ощущение в том как раз и состоит, что таких «самостоятельных» людей нет. Драма моего героя — это конфронтация не с другими людьми, а только с силами, которые образуются из людей, между людьми. Возьмем определенную группу людей. Эти люди взаимно деформируются — форма одного определяет форму другого, — и эти обоюдные деформации толкают их во всё больший абсурд, которому они покоряются с болью и наслаждением. А весь этот процесс превращения зависит от тех или иных

случайных формальных отклонений — одно слово, один жест порождает следующие, — и так они ведут свой безумный танец. Эта драма не была бы драмой, если бы подобной фальши не противостояла горячая потребность в правде и подлинности, — но ведь эта потребность существует в Генрике (как и в каждом из нас), а отсюда его боль, и страх, и отчаяние. (...) Речь идет не столько о выборе той или другой веры, программы, мысли или чувства, сколько об ответе на вопрос, до какой степени всякая наша мысль, наше чувство исходят из нас самих, из нашего «я», а в какой мере они создаются «между»... в этой грозной и подробнее не исследованной сфере».

Представление о Бахтине как философе такого «между» появилось в Польше лишь на исходе 1990-х. Замечания Гомбровича служат, однако, ключом к произведениям его русских ровесников — внутренне диалогичным, ориентированным на «чужое слово», но описывающим мир без самостоятельных субъектов диалогической интеракции. Нарочито несущественные, бессодержательные диалоги, которые выстраиваются на одной лишь интонации, бессмысленность разговоров ни с кем ни о чём, оставляющих мир вне границ дискурса, перемежаются здесь с обрывками повествования, излагаемого инфантильным тоном и синтаксисом, — вплоть до явного языкового пародирования сталкиваемых между собою стилей. Абсурд из ничтожных, маловажных проявлений и событий между людьми вырастает в социопатическом ужасе до недиалогического отношения принуждения и порабощения.

Не этим, однако, определялся интеллигентский, левый и либеральный образ России. Привлекательным для этой среды был уничтожаемый на собственной родине российский модернизм, квинтэссенцию которого уловил тогда Осип Мандельштам, отвечая на провокационный вопрос о сути осуждаемого в СССР акмеизма: «тоска по мировой культуре». Ведомые этой тоской польские русофилы, заменяя утопию провинциальной наивностью, начали приписывать русской культуре интеллигентский гуманизм и рационализм, отрицание националистической, черносотенной ксенофобии. Это требовало особой композиции картины — ее надобно было отодвинуть по фазе за горизонт собственной проблематики. Парадоксальным образом здесь мог оказаться пригодным даже соцреализм.

Характерен пример Адама Важики. Родившийся в 1905 г. и очень рано дебютировавший ровесник Галчинского и Гомбровича, а в русской поэзии, к примеру, Бориса

Поплавского, Даниила Хармса, Александра Введенского, Николая Заболоцкого, этот франкофильский поэт из круга «Альманаха нового искусства» в течение всей жизни ощущал свою связь с авангардом. Как и для всей формации его сверстников, главным мировоззренческим вопросом для Важика — в 1950-х гиперрационалистического «терроретика» польского соцреализма — была проблема абсурда. Это нашло глубокое отражение в его переводах французской поэзии, но никогда — в многочисленных со времени Второй Мировой войны переводах из российских поэтов. За русскими поэтами оставалась сфера риторики. Анализ стиля подсказывает: переводы возвращали русскую литературу в домодернистическую эпоху и тем более в эпоху доавангардного искусства. Миф революции — в том числе и художественной революции — в отношении русской культуры был заменен позитивистским мифом, навязывавшим социологической перспективе рационализм, а не иллюзию «действий», и соединявшим идею неразрывности культуры с интеллигентской этикой цивилизационного труда, а не с титанической гордыней революционной воли к власти. Этот идейный комплекс тоже появился в России примерно на двадцать лет раньше.

Для представления об исторической непрерывности культуры и роли труда в культуре, в этическом, а не только эстетическом характере накопления культурной традиции, показательным стал дебют в 1936 г. Северина Полляка, ровесника ранее упомянутых писателей, одного из наиболее заслуженных переводчиков и пропагандистов русской литературы в XX веке. Его сборник «Из новой русской лирики» хвалили именно за стилистическую сдержанность, риторическое подавление экспрессии, отрыв перевода от поэтики авангардного гротеска, не подходящего переводческому историзму. Тем временем сочувствующий коммунистам переводчик не только постигал, но и спасал трех великих поэтов, вытесняемых из советской картины русской литературы: Николая Гумилева — «контрреволюционера», расстрелянного в 1921 г., Велимира Хлебникова — «формалиста», умершего в 1922-м, и Бориса Пастернака — связанного с бухаринской оппозицией «первого поэта», которого в злобещей атмосфере лишили этого звания ради посмертной канонизации Маяковского.

Полляк формировался как художник, проходя выучку в переводческой мастерской Юлиана Тувима, превосходного поэта, и интеллектуально общаясь с мужем его сестры

Стефаном Наперским (Мареком Эйгером), проницательным критиком-эрудитом, поэтом и переводчиком, а в его окружении — наверно, и с Рафалом Блютом, одним из самых выдающихся польских русистов. Дружбе с обосновавшимся в Варшаве молодым русским поэтом Львом Гомолицким, лучше известным в качестве польского прозаика под послевоенным именем Леон, он был обязан одновременной влюбленностью в творчество Гумилева и Хлебникова.

Гомолицкий был также секретарем у осевшего в Варшаве критика и публициста Дмитрия Философова — громкого имени Серебряного века русской культуры. К завсегдатаям варшавского литературного салона Философова, носившего ироническое пушкинское название «Домик в Коломне», в числе самых лучших польских писателей принадлежали Мария и Юзеф Хуттен-Чапские и Ежи Стемповский (вместе со своим отцом Станиславом, видным масоном и бывшим польским министром в правительстве Украинской Народной Республики) — будущие создатели парижской «Культуры» (1947–2000), имеющей столь значительные заслуги в деле сближения польских и русских либеральных кругов. Философов, подчеркивая свои доверительные и прочные связи с польской интеллектуальной элитой, имел мужество публично протестовать против нараставшего в стране антисемитского психоза. После его смерти в 1940 г. Мария Чапская по просьбе Януша Корчака — которого четырем годами ранее лишили возможности выступать в эфире польского радио с «Беседами старого доктора» — передала тому в гетто латинско-польский «Римский молитвослов» из книжного собрания покойного. По инициативе редактора «Культуры» Ежи Гедройца в 1995 г. на варшавском православном кладбище установили мемориальный камень в честь Философова. Однако отыскать его могилу уже не удалось.

Чувство непрерывности работы в культуре сопровождалось нравственным императивом, повелевающим в одинаковой мере оберегать память и имена как русских писателей, так и польских переводчиков; причем эти последние разделяли мартиролог не только собственного народа, но и той соседней культуры, сближению с которой они посвятили жизнь — не раз в прямом, буквальном смысле. Бронеvский дождался часа испытания в 1940 году. Он перенес его непоколебимо, а в тюрьме дописал в стихах по-русски главную мысль межвоенного диалога, локализовав наконец-то вампира предательства: «“Человек — это звучит гордо!” — / сказал покойный Максим, / а меж тем тут колотят в морду, / говоря, что ты сукин сын. / Что же делать такому сыну / за решеткой

Энкаведе?.. / Так помолимся мы матерщиной / потускнелой
алой звезде».

Стихотворением, снабженным эпиграфом из Ницше: «Was spricht die tiefe Mitternacht?» («Что полночь тихо скажет вдруг?» — Пер. Ю.М.Антоновского), — завершал этот диалог Александр Ват, бывший коммунист и будущий диссидент:

Что говорит ночь? Ничего

не говорит. Ночь

молчит: ее рот

залит гипсом.

День — тот, конечно. Болтает.

Без цезур, без колебаний, без секунды

раздумья. И болтать так будет

пока не упадет и не умрет

от истощенья.

Однако же я слышал крик

ночью. Каждой. В известной

тюрьме на Лубянке.

Какое контральто! Я сперва

думал, что Мариан Андерсон поет

спиричуэлс. А это был крик

не о помощи даже. В нем

были начало и конец

столь слитные что непонятно где

кончается конец

и начинается начало. То

кричит ночь.

То ночь кричит.

Хотя ее рот
залит гипсом.
То ночь кричит. Потом
день начнет свое траляля
пока не упадет и не умрет
от истощенья.
Ночь — не умрет.
Ночь не умирает
хотя ее рот
залит гипсом.

(Пер. Натальи Астафьевой)

Следующее поколение переводчиков получало образование в тюрьмах и лагерях. Среди тысяч «интернированных» польских офицеров (Речь Посполитая не находилась официально в состоянии войны с СССР), главным образом резервистов, весной 1940 г. — в рамках скоординированного с Германией истребления польской интеллигенции — среди прочих был убит в Катыни и первый переводчик Бабеля Мечислав Бирнбаум (Бином) наряду с такими поэтами поколения 1930-х, как друг Милоша и Галчинского Владислав Себыла или Лех Пивовар. Самого Галчинского, солдата Корпуса охраны пограничья, отправлявшегося на войну с немецким изданием гётевского «Фауста» в кармане, ночью 17 сентября 1939 г. схватили советские войска. Его, посаженного в лагерь в Козельске, иначе говоря в оскверненную обитель, в Оптину пустынь, один из самых святых и сокровенных центров русского православия, спасло от расстрела в Катыни отсутствие офицерского звания. Выданный в руки нацистов в рамках обмена рядовыми польскими пленными между СССР и Третьим Рейхом (решающую роль играло место рождения — в немецкой или советской оккупационной зоне), поэт попал в немецкий шталаг, т.е. лагерь для военнопленных солдат и сержантов, — на пять с половиной лет, так как не согласился отказаться от статуса военнопленного и добровольно перейти на положение гражданского работника.

Рафал Блут, арестованный гестапо почти сразу же после вступления немцев в Варшаву, был расстрелян во время

массовой казни в ноябре 1939 года. Спустя несколько месяцев в Пальмирах под Варшавой, одном из мест мученичества польской интеллектуальной и политической элиты, погиб как «плутократ» другой завсегдатай «Домика в Коломне» — Стефан Наперский. Галина Крагельская, дочь профессора Одесского университета, переводчица (1921) поэм Алексея Гастева, близкого к авангарду поэта Пролеткульта и пионера научной организации труда, была по доносу выдана немцам и арестована под Варшавой вместе с выдающимся историком Марцелием Гандельсманом, а затем погибла в 1945 г. в Равенсбрюке. Свидетельством отношения к великой русской литературе остался подпольный сборник переводов лирики Бориса Пастернака, который в оккупированной Варшаве издал в нескольких экземплярах затравленный шантажистами Ежи Камиль Вейнтрауб — поэт, шурин Вата, умерший в тайном убежище «на арийской стороне» через полгода после восстания в гетто (1943). Эти переводы сопутствовали поэтической легенде подпольной Армии Крайовой, Кшиштофу Камилу Бачинскому (сыну Станислава), погибшему в Варшавском восстании (1944), — в годы войны одному из ближайших друзей Вейнтрауба, который, как и он, скрывался от вымогателей, охотившихся на евреев, и, как и он, симпатизировал левым.

Так угасала эпоха, символический конец которой обозначило самоубийство Станислава Игнация Виткевича (Виткация), совершённое 18 сентября 1939 г. на Полесье после известия о вступлении на территорию Польши Красной армии, действовавшей в союзе с Гитлером.

Адам Поморский — переводчик с русского, немецкого, английского, украинского, белорусского языков, эссеист («Скептик в аду»), литературный критик; президент Польского ПЕН-Клуба.

-
1. Почему? Потому! Почему потому? Потому что криво. А почему криво? Потому что не прямо. (Старинная немецкая детская считалка из известного сборника «Волшебный рог мальчика» Л.А.Арнима и К.Брентано).
 2. Эта «путаница» (варшавской Театральной площади, где была подавлена демонстрация в 1905 г., и московской Красной, не учтена ни в новейшем русском переводе Сергея Шоргина, ни в более раннем — Марка Живова. — Ред.

3. Пер. подстрочный. В тексте упомянуты названия двух книг Струга — сборника новелл «Люди подполья» и романа «История одного снаряда». — *Ред.*
4. Перевод подстрочный.

ПАМЯТИ КАРОЛЯ КУРЫЛЮКА

5 октября в Варшаве состоялась встреча, посвященная памяти Кароля Курылюка (1910–1967). В 1930-е он, будучи студентом, выступал против антисемитских и антиукраинских проявлений в Львовском университете и за его стенами. В 1933 г. создал общественно-культурный журнал «Сигналы» и до самой войны был его главным редактором. Журнал давал львовской литературной молодежи возможность публиковаться. Выпускались номера, посвященные творчеству молодых евреев и украинцев. Эта идейная открытость издания была причиной нападений боевых дружин националистического Народно-радикального лагеря. Во время войны Курылюк участвовал в движении сопротивления. После войны был главным редактором общественно-культурного еженедельника «Одродзене» («Возрождение»). Работал в редакции Польского радио и в Госиздате (PIW). В 1956 г. он стал министром культуры и искусства. Ввел стипендиальную программу, в рамках которой молодые мастера искусства могли выезжать на Запад. Но когда из такой поездки не вернулся в страну знаменитый молодой писатель Марек Хласко — партия воспользовалась этим, чтобы снять Курылюка с его поста. Его назначили послом в Австрии, и вместе с семьей он поселился в Вене. В Польшу они вернулись в 1964 году. Годом позже Курылюк стал директором Государственного научного издательства (PWN). В то время там издавалась Большая Польская энциклопедия. По его инициативе в статью о гитлеровских лагерях внесли определение, говорящее о том, что они делились на концентрационные лагеря и лагеря уничтожения, где убивали евреев. Эта публикация, обнажающая правду, повлекла за собой серьезные последствия. Вскоре власти начали антисемитскую чистку, в том числе и в издательствах. Те осенние происшествия 1967 г. были прелюдией к мартовским событиям 1968-го. У Кароля Курылюка с сентября до начала декабря произошло три сердечных приступа. Последнего он не пережил. Умер он 9 декабря 1967 г. в Будапеште, куда поехал на книжную ярмарку.

«Кто спасает одну жизнь — спасает весь мир»

В сотую годовщину со дня его рождения прошла встреча «Спасенные и праведники в литературных свидетельствах». Она состоялась в огромном варшавском магазине «Мегастор»,

больше напоминающем супермаркет, чем классический книжный магазин. В обсуждении приняли участие: дочь Кароля Курылюка Эва Курылюк — писательница, художница, поэтесса (см. «На крапинке зрачка. Портрет художницы и писательницы Эвы Курылюк на основе документального фильма Андрея Титкова». — НП. 2010. №7-8); Вильгельм Дихтер — писатель, один из спасенных; Яцек Леоцяк, младший научный сотрудник Института литературных исследований Польской АН, специалист по изучению экстремальных переживаний, в особенности Катастрофы^[1]; вела дискуссию Анна Биконт^[2].

Вильгельм Дихтер вместе с матерью пережил войну, скрываясь «на арийской стороне». В 1968 г. он выехал с семьей из Польши. Живет в окрестностях Бостона. Писать начал в 60 лет. В 1996 г. издал свою первую книгу — «Лошадь Господа Бога», основанную на автобиографических мотивах и рассказывающую о том, как прятали евреев во время войны.

Эва Курылюк — дочь Мириам Коханы, львовской еврейки, которую во время войны укрывал ее будущий муж, отец Эвы. В 2002 г. Эва приняла медаль «Праведника среди народов мира», которой был посмертно удостоен ее отец. В 2004 г. опубликовала «Гольди», а в 2009-м — «Фраскати», романы о судьбах своих родных, которые писательница в большой мере открыла для себя лишь после их смерти.

Среди характерного шума и гама книжного магазина шел разговор на темы, которые, возможно, следовало бы затрагивать в более спокойной атмосфере. Однако место, подобранное, на первый взгляд, столь неудачно, позволяло случайному варшавянину восстановить в памяти те истории, помнить которые малоприятно.

Иногда задают вопрос, можно ли признавать праведником того, кто брал деньги с тех, кого прятал. Правила института «Яд Вашем», присуждающего медали, гласят, что помощь не может быть связана ни с каким доходом. Но расходы на свое содержание обычно несли те, кого прятали. В военных условиях многим из праведников не удалось бы прокормить дополнительного человека из своего кармана. Анна Биконт вспоминала свои встречи с жителями Едвабного, во время которых она затрагивала тему укрывания. Многие из них утверждали, что помогали евреям, но никогда не дождались материальной компенсации, — хотя, вероятно, никакой помощи не оказывали. Те, кто на самом деле помогал своим еврейским соседям, не хотели признаться в этом даже после

стольких лет, опасаясь, что такого рода заявление будет воспринято как выпад против местной общины.

Во многих случаях готовность оказать помощь вытекала из финансовых побуждений. Яцек Леоцяк вспоминал об из ряда вон выходящих случаях, когда прячущий сам чинил казнь над евреями, если у тех кончались деньги.

Эва Курылюк считает, что праведники, люди, готовые бескорыстно идти на предельный риск, чтобы спасти кого-то, в обычной жизни неинтересны, а в личных делах неумелы и неудачливы. Дихтер думает о тех, кто его прятал, не как о «праведниках», а как о «порядочных». После войны, по его словам, он, встречая кого-нибудь, думал, помог бы ему этот человек или нет. И никогда не знал ответа. Его мать не пыталась позднее налаживать контакты с теми, кто их укрывал. Сам Дихтер, став зрелым мужчиной, тоже не старался найти тех людей. Первоначально он хотел избавиться от прошлого, перестать быть евреем. Но с годами почувствовал, что не может так поступить — прежде всего из уважения к убитым членам семьи.

Яцек Леоцяк изучил многочисленные сообщения лиц, укрывавших евреев. Из них вытекает, что во многих случаях эти люди позже обращались к еврейским организациям с просьбой о финансовой поддержке. Иногда с упреком — за человеческую неблагодарность, иногда с прилагаемым подтверждением от тех, кого они прятали и кто сейчас просил за них.

Прятать — это экстремальный опыт для обеих сторон. Яцек Леоцяк обратил, однако, внимание, что обычно подобные экстремальные ситуации кратковременны, они продолжаются совсем недолго — например, когда надо перебежать под обстрелом. А вот прятать еврея означает длительность — это мог быть год или два экстремального опыта, совмещенного с буднями — едой, выносом ведра с нечистотами, и всё это при неослабевающем чувстве опасности. Это героизм тривиальности.

Литература

Для Дихтера самая ценная литература — дневники. Он охотно обращается к дневникам из гетто, где зафиксированы те минуты, когда авторам казалось, что они выживут. Поэтому подобные публикации правдивы. Но их на рынке нет. Объяснение такого положения Эва Курылюк усматривает в совершенно ином опыте поколений — современный читатель

хочет литературы вымысла, а не документа. Правда часто выглядит неэффектно...

«Выдавничество литерацке» давно уже предлагало Яцеку Леоцяку издать книгу о спасании, но исследователь опасался, как он говорит, этой горькой темы. Чтобы помериться с ней, нужно задать себе трудный вопрос: а как поступил бы в подобных обстоятельствах я сам?

В военных реалиях нравственные стандарты приостанавливают свое действие и книжные знания теряют актуальность, поэтому здесь Эва Курылюк абсолютно не согласилась с остальными участниками дискуссии, утверждая, что героизму невозможно научиться из книг. Те, кто спасал, делали это в естественном порыве, зачастую случайно. Она предполагает, что именно так, случайно Кароль Курылюк спас ее мать. Когда та сбежала из гетто, ей отказали в помощи люди, с которыми это было обговорено и которым заплатили. Покорившись судьбе, она перед самым комендантским часом отрешенно сидела на скамейке. Это была случайность и рефлексорная реакция сердца.

Голос из публики — пожилой женщины, не забывшей собственного опыта во времена войны, — напомнил, что евреям не было нужды прятаться от гитлеровцев, которые, как правило, не умели их распознавать. Прятались они от поляков, от своих соседей. Вильгельм Дихтер помнит, что боялся не немецкого мундира, а голоса польского ребенка, который мог крикнуть вслед ему «жид» из детского любопытства, что произойдет.

Свыше шести тысяч поляков получили от «Яд Вашема» медали праведников. Об их драматических и героических историях знают немногие. Бывает, что мужественные поступки готовы совершать люди неприметные, «с относительно малым эго», как определяет их Эва Курылюк.

-
1. Яцек Леоцяк изучал свидетельства тех, кто укрывался, и тех, кто их укрывал; на этом материале написал книгу «Спасание. Рассказы поляков и евреев» (2010).
 2. Анна Биконт написала «Мы из Едвабного» (2004) — дневник расследований, которые она провела в этом городке, где во время войны польская община совершила массовое убийство живших там евреев.

Виталий Леоненко

МУЗЫКА

Нет, я не видел её.

И никогда не любил.

Не умолкает в сердце моём
горькая память взаимной вины,
растоптанной чести,
святынь осквернённых.

Был бы я счастлив — не открывать
эту невыносимую книгу
дрянного соседства,
где Вологда рёвом ревёт с Костромою,
где Углич в крови по колено,
где из сожжённых монастырей
души уносит ветер
клубами сизого дыма.

Был бы я счастлив забыть
изнасилованной страны
пятикратное расчленение
от времён Екатерины Второй
до Иосифа Первого^[1]
с его германским партнёром.

Внук офицера НКВД,
я помнить приговорён
Катынский лес

и слышать винтовочный треск
по сырым осенним ночам.
Слышу, словно сейчас:
в больничной палате
взлохмаченная старуха,
некогда врач фронтовой,
шепчет, давясь от стыда,
про торжество победителей
и обобранную догола
Польшу зимы сорок шестого года.
И каждый раз,
встречаясь с глазами поляка,
я в них узнаю
той же мучительной памяти отражение.
Упорное, не забывающее,
не прощающее отчуждение
братьев родных,
ставших однажды врагами.
Но вот — эта музыка...
Неаполь. Последние дни карнавала
под февральским холодным дождём.
В двери капеллы Сан-Сальваторе
врываються залпы хлопушек.
На площади спорит с фанфарами
вой полицейской сирены.
Музыкант из испанской Ориуэлы

садится к роялю играть
баллады и полонезы Шопена. [2]
О, эта музыка...
Знаю,
послушай,
и я ведь дышал
воздухом туберкулёзных клиник.
Видел, как в сгустках мокроты
месяц за месяцем, год за годом,
медленно, неумолимо
из груди вылезает душа.
С каждой мазуркой
с каждой балладой,
на партитуру падает,
как на белые простыни.
Бросается на пол
с каждой салфеткой, намоченной кровью.
Послушай,
но так, как ты — невозможно,
крайне немилосердно
— с болью такой
крыльями биться об острые клавиши.
.....
...Нет, я не видел её.
Но знаю теперь,
что ею смогу продержаться

ещё час или два,
когда мне откажет
помощь кислородной подушки.
Зажму в кулаках,
стисну в зубах,
как интернированный солдат
в смертном бараке Норильского лагеря.
Словно в причастии Фаустины Ковальской,
я почувствую Польшу,
вкус её земли и воды
кончиком языка,
в едином мгновенье
с прикосновеньем
плоти Того,
Кто распят в каждом из нас. ^[3]
Вместе с жертвой,
с молитвой,
страданием,
любовью —
меня за последнюю грань поведёт
эта мужественная,
неподкупная,
удивительно нежная...

.....

Виталий Леоненко (псевдоним) родился в 1963 в Сибири.
Окончил истфак МГУ, работает в литературе и публицистике,

печатался под псевдонимами в журналах «Знамя», «Звезда», «Русская провинция» и др.

Прмечания автора

1. «Иосифа Первого» — потому что, боюсь, не последнего.
2. Написано после концерта фортепьянных произведений Шопена в исполнении Хосе Луиса Ньето, выпускника Московской консерватории им. Чайковского (Неаполь, 14 февраля 2010).
3. Мария Фаустина Ковальская (1905–1938) — польская монахиня, из крестьян Лодзинского воеводства, причисленная к лику святых во время понтификата Иоанна Павла II (2000). В ее посмертно опубликованных записках мистические созерцания сочетаются с выражениями преданной любви к родной земле.

Лешек Шаруга

НА МОГИЛУ ВЛАДИСЛАВА СЕБЫЛЫ

связаны руки и с ворота
знаки различия спороты
нам стреляли в затылок
и рвы вместо могилок
память о нас говорлива ли
приливами и отливами
глина застывшего шрама
вот она родина-рана
Польше скажите прохожие
где ее войско положено

1979

НЕЗАУРЯДНАЯ КНИГА О КАТЫНИ

В этом году, в 70-ю годовщину катынского расстрела, в Польше опубликовано более десятка книг о Катыни — в дополнение к сотням существующих. Назову наиболее интересные и важные — как добавляющие что-то новое к общеизвестной теме:

1) Jarema Maciszewski. *Katyn. Wydrzec prawde*. Pultusk: Akademia Humanistyczna im. A. Gieysztora, 2010, 260 stron.

Ярема Мацишевский. Катынь. Вырвать правду. Второе издание вышедших в 1993 году воспоминаний сопредседателя советско-польской Комиссии по изучению истории двух стран (ее называли также Комиссией по «белым пятнам» и Комиссией «партийных историков»), работавшей в 1987–1988 годах. Сопредседателем с советской стороны был академик Г.Л.Смирнов, директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, а Ярема Мацишевский был в то время ректором польской Академии общественных наук. Ценность книги — в изложении трудностей работы Комиссии «изнутри». Основной проблемой была тема Катыни — сохранявшаяся сталинская версия катынского преступления, при этом советская часть Комиссии не имела полномочий откровенно обсуждать тему и не имела доступа к соответствующим архивным источникам. Одним из важных результатов деятельности польской группы явилась подготовка и публикация в 1988 году критического разбора Сообщения комиссии Бурденко. Это помогло признанию в апреле 1990 года ответственности НКВД за преступление. Отмечу, что предисловие к первому и второму изданиям книги написал генерал В.Ярузельский.

2) Andrzej Krzysztof Kunert. „*Katyn. Ocalona pamiec*». Warszawa: Swiat Ksiazki, 2010. 256 stron.

Анджей Кшиштоф Кунерт. Катынь. Уцелевшая память. Богато иллюстрированная документами и фотографиями подробная хронология катынских событий, предваряемая польско-советским пактом о ненападении 1932 года, пактом Молотова-Риббентропа и договором о дружбе и границе между СССР и Германией 1939 года, и завершаемая первыми немецкими сообщениями 11–13 апреля 1943 года об обнаружении катынских могил, а также реакцией советского Информбюро 15 апреля

1943 года. Автор использовал нетривиальный подход — ему удалось сконструировать связный текст исключительно из фрагментов соответствующих документов и публикаций. Последний раздел книги — около 20 биографий погибших офицеров и их ближайших родственников. Отмечу, что в настоящее время Анджей Кунерт является секретарем Совета по охране памяти борьбы и мученичества, сменив на этом посту своего давнего друга и коллегу Анджея Пшевозника, погибшего в смоленской авиакатастрофе 10 апреля 2010 года.

3) Wojciech Materski. Mord katynski. Siedemdziesiąt lat drogi do prawdy. Warszawa: Naczelna Dyrekcja Archiwów Państwowych, 2010.

Войцех Матерский. «Катынское убийство. Семьдесят лет дороги к истине. Популярное изложение основных событий катынской истории — от преступления до наших дней. По всей вероятности, книга написана с образовательными целями, четкий и понятный язык делает ее доступной даже для школьников — при сохранении высокого исторического уровня и точности. Это неудивительно, поскольку автор является одним из лучших в Польше специалистов по Катыни, он был научным редактором с польской стороны совместного польско-российского четырехтомника катынских документов. К книге прилагается аудиодиск (аудиокнига) с двумя десятками основных документов по Катыни, которые читают известные драматические актеры. Такая современная форма подачи материала тоже может успешно служить образовательным целям.

4) Zbrodnia katynska. W kregu prawdy i kłamstwa. Pod red. Sławomira Kalbarczyka. Warszawa: IPN, 2010. 252 strony.

Катынское преступление. В кругу истины и лжи. Чрезвычайно информативный сборник статей, подготовленный Институтом национальной памяти. Представлено, в частности, состояние дел в современном польском расследовании катынского преступления, проводимом специально созданной следственной группой ИНП с ноября 2004 года. Главным недостатком этой работы является изначально сложившееся крайне слабое взаимодействие с российскими следственными органами — при понимании того, что практически все основные документы о преступлении находятся в Москве. Польское расследование началось почти сразу после прекращения советско-российского расследования 1990–2004 годов и засекречивания Главной военной прокуратурой России большинства томов уголовного дела.

В книге подробно рассмотрены вопросы юридической квалификации преступления (с уклоном в сторону геноцида ^[1]), состояние дел по страсбургским искам родственников нескольких расстрелянных офицеров (иски касаются недоступности материалов российского расследования и отказа российских органов реабилитировать погибших как жертв политических репрессий). Обсуждены и другие вопросы катынской тематики.

5) *Zbrodnia katynska : kryzys prawdy. 1940–2010. Pod red. Marka Tarczynskiego. Warszawa: Niezalezny Komitet Historyczny Badania Zbrodni Katynskiej i Polska Fundacja Katynska, 2010. (Zeszyty Katynskie. №25). 443 strony.*

Катынское преступление. Кризис истины. 1940–2010. Материалы ежегодной катынской сессии в Королевском замке в Варшаве. Как всегда на протяжении более чем двух десятков лет, в сессии участвовали историки, юристы (в том числе из Института национальной памяти), политики, представители Федерации катынских семей и других катынских объединений. Впервые на сессии присутствовал представитель Посольства России в Варшаве. Нынешняя конференция была в значительной степени посвящена памяти погибших в смоленской авиакатастрофе 10 апреля 2010 года. Среди погибших была и Божена Лоек, бессменный (вместе с Мареком Тарчинским) организатор катынских сессий в Королевском замке. Сборник материалов к конференции был подготовлен еще до катастрофы и содержит ряд важных статей — информацию Малгожаты Кужняр-Плоты о состоянии катынского следствия ИНП (как и в предыдущие годы, работа сводится, в основном, к опросу родственников погибших офицеров), статью Натальи Лебедевой о катынской теме на Нюрнбергском процессе, где СССР попытался свалить вину за преступление на немцев (вину немцев доказать не удалось — и в приговоре Нюрнбергского трибунала катынское преступление вообще не упомянуто), несколько статей о юридических вопросах по теме, включая вопрос об юридической квалификации преступления, информацию о текущем состоянии дел по страсбургским искам родственников нескольких расстрелянных офицеров. Часть материалов перекликается со сборником ИНП.

6) Andrzej Przewoznik, Jolanta Adamska. *Katyn. Zbrodnia, prawda, pamiec.* Warszawa: Swiat Ksiazki, 2010. 672 strony, 91 ilustracji.

Анджей Пшевозник, Иоланта Адамская. Катынь. Преступление, истина, память».

Каждая из перечисленных книг заслуживает более обстоятельной рецензии — прежде всего, сборник статей Института национальной памяти вместе с материалами катынской сессии в Королевском замке. Однако, даже на фоне таких важных публикаций книга Анджея Пшевозника, историка по образованию и дотошного исследователя, выделяется наиболее исчерпывающим изложением всей истории катынского преступления, последующей лжи, официального признания СССР–России ответственности советского руководства и НКВД за расстрел, нового советско–российского и польского расследования, создания польских воинских кладбищ в местах захоронений жертв, засекречивания и рассекречивания материалов современного следствия и т.д. Вот почему я позволил себе ограничиться рецензированием одной этой книги^[2].

Стимулом явились и два дополнительных обстоятельства. Во-первых, память^[3]. Книга Анджея Пшевозника, погибшего в смоленской авиакатастрофе 10 апреля 2010 года, — несомненно, главная публикация в его жизни, он посвятил ей много сил и планировал издать ее к 70-летию катынского расстрела. Государственные обязанности автора, связанные с той же Катынью, не позволили успеть в срок. Как секретарь Совета по охране памяти борьбы и мученичества (это ранг министра, и на этом посту Анджей Пшевозник проработал восемнадцать лет!), он был одним из организаторов визита многочисленной польской делегации в Катынь 10 апреля 2010 — несколько сотен человек!, — участвовал и во встрече российского и польского премьеров в Катыни 7 апреля. Кроме того, он входил в состав российско–польской Группы по сложным вопросам, в работе которой катынская проблема в отношениях двух стран была одной из главных^[4]. Завершила работу над книгой, дополнив ее информацией о последних событиях по теме, Иоланта Адамская, соратница и помощница Анджея Пшевозника на протяжении многих лет. Вместе с вдовой пана Анджея, Иолантой Пшевозник, они преодолели и все издательские трудности, осуществив в итоге, по их же словам, «волю и горячее желание» автора.

Во-вторых, по-моему, явно ощущается отсутствие современной обстоятельной книги о Катыни на русском языке. Особенно, на фоне издаваемых большими тиражами книг так называемых «мухинцев» — поборников фальшивой сталинской версии Катыни об ответственности немцев за преступление, совершенное ими якобы в 1941 году, а вовсе не НКВД в 1940 (к таким «исследованиям» относятся, в частности, книги Юрия Мухина и Владислава Шведа с Сергеем

Стрыгиным). Конечно, за последние двадцать лет опубликованы несколько важных книг — Владимира Абаринова (1991), Натальи Лебедевой (1994), Инессы Яжборовской, Анатолия Яблокова и Валентины Парсадановой (2001, второе издание — 2009) и, наконец, совместный двухтомник катынских документов (1999 и 2001) — сокращенный вариант польского четырехтомника, подготовленный российскими и польскими историками и архивистами во главе с Натальей Лебедевой и Войцехом Матерским. Однако нет книги, исчерпывающим образом описывающей историю расстрела и все последующие события с использованием многочисленных публикаций на польском языке, практически не известных русскому читателю. Перевод книги Анджея Пшевозника восполнил бы этот существенный пробел. Важно отметить, что и польский читатель, даже тот, кто детально знаком с темой по имеющимся публикациям, найдет в книге Пшевозника много новых подробностей, собранных автором по архивным источникам и по материалам Совета по охране памяти сражений и мученичества.

Кроме того, в огромной степени именно благодаря организаторским способностям Пшевозника и его полной самоотдаче были приняты и успешно осуществлены планы создания польских воинских кладбищ в местах захоронений расстрелянных поляков в Катыни, Медном и Харькове. Эти кладбища были торжественно открыты летом и осенью 2000 года, в 60-ю годовщину трагедии — и Анджей Пшевозник подробно, из первых рук описывает историю их создания. А благодаря польским кладбищам там же появились и российские мемориалы памяти советских жертв сталинских репрессий. (Могилы репрессированных советских граждан были обнаружены в Катыни и Харькове во время раскопок в рамках следственных действий ГВП СССР в 1991 году и польских экспертов в 1994–1996 годах. По имеющимся документам, массовые захоронения репрессированных советских граждан есть и в Медном, где-то по соседству с польскими захоронениями.)

Книга Анджея Пшевозника состоит из 14 глав, 7 приложений, а также написанных Иолантой Адамской введения и эпилога. В книге — 91 иллюстрация. В дополнение к многочисленным примечаниям по ходу текста, приведена избранная библиография из 110 названий. Составлен и полный авторский указатель — 15 страниц убористого шрифта. Вступительное слово написал Ежи Бузек, бывший премьер Польши, а ныне — председатель Европейского парламента. Общий объем книги —

672 страницы. Уже эти сухие числовые данные свидетельствуют об основательности исследования.

Особенностью книги, заметно отличающей ее от большинства других солидных катынских публикаций, является ориентация на конкретные примеры (порой частные и из малодоступных архивных источников), из которых и складывается общая картина или которые подкрепляют и дополняют ранее известные общие выводы, усиливая достоверность изложения.

В первых двух главах автор кратко излагает историю Польши межвоенного двадцатилетия и более подробно — ее четвертый раздел осенью 1939 года в соответствии с пактом Молотова-Риббентропа и договором о дружбе и границе между СССР и Германией. В частности, описаны оборона Брестской крепости, оборона и капитуляция Львова, пленение генерала Андерса, командовавшего Оперативной кавалерийской группой.

Две следующие главы посвящены созданию и задачам специальных лагерей НКВД для польских военнопленных, а также подробному описанию лагерной жизни узников. Всего Красной Армией были взяты в плен 240–250 тысяч польских военнослужащих, включая около 10 тысяч офицеров. Впервые описано, например, пленение генерала Мечислава Сморовинского, позже узника Козельска, расстрелянного в Катыни или Смоленске в апреле 1940 года и спустя три года обнаруженного немцами в катынской могиле.

После роспуска значительной части лиц рядового и сержантского состава по домам, а также обмена польскими пленными с немцами офицеры, полицейские, жандармы, служащие тюрем и пограничники были собраны в трех спецлагерях НКВД на территории старинных монастырей — в Козельске, Старобельске и вблизи Осташкова. По состоянию на конец 1939 года, в них находились 15 105 пленных, 56% которых были офицерами польской армии. В свою очередь, 55% из них составляли офицеры запаса, почти 45% были кадровыми офицерами, и еще 650 человек — офицерами в отставке. Автор описывает сами лагеря, лагерную жизнь пленных и их оперативно-чекистскую «разработку». Как и в других изданиях, отдельно упомянут майор госбезопасности Василий Зарубин, проводивший допросы в Козельске и выделявшийся среди лагерного начальства интеллигентностью. Он привез с собой в лагерь около 500 книг на русском, французском, английском и немецком языках и давал читать пленным офицерам (позже, в годы Великой Отечественной войны В.М.Зарубин был резидентом советской разведки в США и

участвовал в добывании американских атомных секретов^[5]). Отмечено также, что в Козельске из четырех генералов наибольшим авторитетом пользовался старший по званию генерал дивизии Генрик Минкевич, но он нечасто выходил из помещения, поскольку был арестован в потрепанной гражданской одежде (последнее обстоятельство упоминают редко, а оно объясняет, почему труп Минкевича не был опознан в катынских могилах при раскопках 1943 года).

Автор приводит и разные другие интересные документальные данные о пленных (они опубликованы в разных местах, но тут собраны воедино). Например, возрастной состав узников Старобельска был таков, что подавляющее большинство (3332 человека из 3916) были в возрасте от 25 до 50 лет — то есть люди в расцвете сил и в лучшей поре жизни, внезапно вырванные из достойного существования. Есть данные и о национальном составе. На 28 февраля 1940 года среди 14 466 узников Козельска, Старобельска и Осташкова 14 188 были поляки. Остальные — 160 евреев, 51 белорус, 33 украинца, 16 немцев, 9 литовцев, 3 чеха, 2 русских, по одному латышу, венгру, грузину и болгарину. Данные о смертности в лагерях таковы: в Осташкове умерли 45 пленных (по другому свидетельству — 92, главным образом от туберкулеза), в Старобельске — 32, в Козельске — 31.

Пятая глава называется «Убийство». В самом начале приведена известная записка Берии, которую автор ошибочно датировал 5 марта 1940 года. В действительности, на записке дата ее исходящей регистрации в секретариате НКВД не проставлена, впечатано лишь «... марта 1940». Из сравнения с другими документами известно, что записка в ее черновом виде была зарегистрирована, по-видимому, 29 февраля 1940 года, а потом, непосредственно перед заседанием Политбюро ЦК ВКП(б) 5 марта или накануне дополнена числовыми данными от 3 марта. И еще небольшая неточность, повторяемая во всех польских публикациях, где описывается записка Берии — начиная с моментально изданных в Польше факсимиле и перевода катынских материалов Особой папки, переданных в октябре 1992 полякам. На последней странице записки есть рукописная пометка секретаря — «вып. Берия» (то есть выписка из решения ПБ, принятого по этой записке и повторяющего предложение о расстреле, направлена Берии). Во всех же польских изданиях эта пометка ошибочно подается как «исп[полнить]. Берия».

В пояснениях к приводимым документам тоже есть неточности — Сталин указан как генеральный секретарь ВКП(б)

и маршал СССР, тогда как в 1940 году должности генерального секретаря не существовало, Сталин был одним из нескольких секретарей ЦК ВКП(б). Не был Сталин тогда и маршалом СССР, он стал им в 1943 году. По всей вероятности, есть неточность и относительно упоминаемого автором приказа Берии от 17 марта 1940 года о повышении в воинских званиях «функционеров НКВД, которые должны были участвовать в реализации» решения о расстреле. В действительности, Берия повысил в воинских званиях некоторых сотрудников НКВД 14 марта 1940 года, но необходимо проверить этот список, насколько он может сочетаться с катынским преступлением. Есть еще несколько данных, нуждающихся, по-видимому, в дополнительной проверке — так, в самом конце главы автор упоминает о 19 расстрелянных генералах, тогда как в Козельском лагере пребывало 4 генерала (один из них уцелел) и один контрадмирал, а в Старобельском лагере — 9 генералов (один из них также уцелел), то есть число расстрелянных, включая контрадмирала, оказывается равным 12, а не 19.

Указанные неточности не умаляют достоинств книги Анджея Пшевозника и могут быть легко исправлены при переиздании книги или ее переводе на иностранные языки.

Как известно, 16 марта 1940 года было отдано распоряжение о прекращении переписки узников с родственниками (до этого с конца ноября 1939 года было разрешено высылать одно письмо в месяц). Автор приводит свидетельство, что в реальности корреспонденция из Старобельска перестала выходить 10 апреля, а приходящие письма раздавались до 26 апреля 1940 года, когда уже полным ходом — с начала апреля — шли расстрелы. Отмечен также важный факт, что в апреле и даже в мае в лагерь поступали новые узники из других мест — например, 14 апреля в Козельск прибыли трое пленных из смоленской больницы, а 29 апреля — 5 пленных из Ровенского лагеря. Автор описывает и «разгрузку» тюрем Западной Украины и Западной Белоруссии. Из украинских тюрем те приблизительно три тысячи, что были намечены к расстрелу, собрали в тюрьмах в Киеве, Харькове и Херсоне, а из белорусских — тоже три тысячи — в Минске.

Автор приводит многочисленные свидетельства о вывозе пленных (в том числе известные воспоминания Станислава Свяневича) и о позитивном настрое в лагерях, поскольку узникам говорилось, да они и сами строили подобные гипотезы, что их вывозят в Польшу, передавая немцам, или в другой лагерь или даже отправляют по домам. Остающиеся завидовали отъезжающим. Обсуждает автор и обоснованное

мнение, что узников Козельска расстреливали не только у могил, но, по-видимому, и в Смоленске или в помещениях дачи НКВД на берегу Днепра. Излагаются также показания бывшего сотрудника Харьковского НКВД Митрофана Сыромятникова и бывшего начальника Калининского УНКВД Дмитрия Токарева, которые они дали следственной группе ГВП СССР в 1991 году, описав, как происходили расстрелы в Харькове и Калининске. Из трех лагерей уцелели 395 человек, отобранные по разным причинам, в том числе по линии разведки, по просьбам литовской миссии и немецкого посольства (в частности, Юзеф Чапский), по своему немецкому происхождению и т.д. Автор анализирует существующие гипотезы о том, что некоторое количество узников Козельска были расстреляны еще в марте 1940 года, и склоняется к сомнительности таких предположений. С другой стороны, он на основании нескольких косвенных свидетельств не исключает, что немцы чуть ли не с самого начала операции НКВД могли кое-что знать о катынском расстреле.

Шестая глава посвящена депортациям семей катынских жертв и поискам пропавших офицеров. В литературе о Катыни о депортации семей пишут мало — а этот вопрос исключительно важен, например, для попыток реконструкции так называемого «белорусского списка» — до сих пор не найденного списка 3870 польских арестованных из тюрем Западной Белоруссии, расстрелянных по «катынскому» решению Политбюро от 5 марта 1940 года. Директива о депортации была подписана Берией 7 марта 1940 года — до 15 апреля выслать на 10 лет в северный Казахстан все семьи военнопленных из трех лагерей и арестованных из тюрем Западной Украины и Западной Белоруссии. Автор цитирует воспоминания выживших в нечеловеческих условиях детей погибших офицеров.

Что касается общего количества поляков, охваченных четырьмя депортациями в 1940–41 годах, автор приводит разные оценки, от 600 до 900 тысяч (и даже до полутора миллионов) по польским данным и около 400 тысяч по данным Натальи Лебедевой^[6].

Подробно разбирается вопрос и о поисках пропавших офицеров — их искали как семьи, рассылая письма и запросы в организации Красного Креста и в советские государственные органы, так и генерал Андерс, начавший в августе 1941 года формирование Польской армии в СССР^[7]. Андерс даже создал в октябре 1941 года специальное бюро во главе с Юзефом Чапским по поиску исчезнувших где-то на территории СССР офицеров. 3

декабря 1941 года генералы Андерс и Сикорский на встрече в Кремле представили Сталину предварительный список из 3845 фамилий разыскиваемых офицеров, но вразумительного ответа о их судьбе не получили. Список разыскиваемых непрерывно пополнялся. А весной и летом 1942 года армия Андерса покинула СССР и вышла на Ближний Восток вместе с десятками тысяч гражданских лиц, прежде всего женщинами и детьми^[8].

Полная неизвестность продолжалась до апреля 1943 года, когда немцы объявили об обнаружении в катынском лесу могил польских офицеров. В седьмой главе автор суммирует разрозненные сведения о том, когда немцы определенно узнали о катынских захоронениях поляков, как к этому отнеслись, когда начали раскапывать и когда официально объявили (11 апреля 1943 года). Излагается позиция Польского Красного Креста и правительства Сикорского после информации о захоронениях, история с запросами польского правительства и Немецкого Красного Креста в Международный Комитет Красного Креста, на основании чего СССР решил «прервать» дипломатические отношения с правительством Сикорского. То есть обнаружение могил оказалось Сталину даже на руку — ибо в СССР уже создавался альтернативный центр польской власти. 1 марта 1943 года был образован Союз польских патриотов, а в мае началось формирование Первой польской пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко, подчинявшейся советскому армейскому командованию. Автор упоминает и предложение Гиммлера Риббентропу пригласить в Катынь Сикорского, что поставило бы поляков в «ужасной ситуации». Риббентроп, однако, не согласился, сочтя, что глобальная немецкая стратегия все-таки не позволяет расширить пропагандистскую акцию в связи с Катынью до уровня общения с польским правительством.

В восьмой и девятой главах описаны эксгумационные работы в Катыни, проводившиеся весной 1943 года немцами и Технической комиссией Польского Красного Креста, а также работы по перезахоронению останков в новых братских могилах (так называемое кладбище ПКК — а в конце книги впервые опубликовано приложение к отчету Технической комиссии ПКК, составленное Ежи Водзиновским, где приведены таблицы очередности перезахоронения останков, пронумерованных во время эксгумационных работ). Перезахоронения производились с 22 апреля по 7 июня 1943 года, раньше в катынской литературе точные даты перезахоронений в каждой из шести новых могил не упоминались. Всего в шести братских могилах перезахоронили

4231 останков, а трупы двух генералов — Бронислава Бохатыревича и Мечислава Сморовинского — перезахоронили в двух индивидуальных могилах. Подробно описаны процесс опознания жертв по найденным на трупах документам, а также составление немецкого и польского списков расстрелянных и сама организация работ — кем точно и где проводились исследования останков и найденных документов, кто и за что отвечал как у немцев, так и у поляков. Столь детального описания также до сих пор не публиковалось. Представлен и полный состав Технической комиссии ПМК — с указанием периода работы каждого (состав ТК ПМК в процессе раскопок немного менялся). Описаны даты и состав многочисленных делегаций, включая кратковременное пребывание Международной комиссии медиков и «экскурсии» для военнопленных разных стран из разных лагерей, которых немцы привозили в Катынь в пропагандистских целях.

Автор указывает, что немцы не позволяли детально исследовать могилу за могилой, порядок работ часто нарушался из-за визитеров. Зачастую трупы извлекались из нескольких могил, а нумерация останков велась общая. В подавляющем числе случаев не фиксировалось, какой труп извлечен из какой могилы. Некоторые могилы немцы не разрешали полякам исследовать до конца, используя их в демонстрационных пропагандистских целях для разных визитеров и делегаций. Например, из могил №№1 и 2, вскрытых в самом начале апреля 1943 года, последние трупы были извлечены только в конце мая. На основе документации Ежи Водзиновского, члена ТК ПМК, дольше всех работавшего в Катыни, автор представил очень важный пример, связанный с эксгумацией останков из могилы №5. Этот пример убедительно подтверждает давно замеченное соответствие порядка расположения трупов в катынских могилах обнаруженным в 1990 году предписаниям НКВД (этапным спискам) на отправку узников Козельска в распоряжение Смоленского УНКВД — то есть опознанные погибшие с близкими эксгумационными номерами (как правило, из одной могилы) оказывались в одном этапном списке. Уже из такого соответствия следует, что расстреливали тогда же, когда и этапировали (иначе бы соответствие расползлось), то есть весной 1940 года. То есть виновник — НКВД.

Пример этот таков. Из могилы №5 Техническая комиссия ПМК извлекла 46 трупов. Дело было к концу раскопок, трупы получили эксгумационные номера от 04085 по 04130 (ТК ПМК вела свою нумерацию, практически совпадающую с немецкой). 30 трупов удалось идентифицировать — и все фамилии, как

показало современное сопоставление, оказались из одного этапного списка от 2 апреля 1940 года!^[9] Это был самый первый этап из Козельска, 74 человека, вывезенных из лагеря 3 апреля 1940 года. То есть могила №5 была первой, в которой захоронили расстрелянных. Примечательно и то, что все трупы из могилы №5 имели связанные руки с петлей на шее, а на головы были накинuty шинели. В других могилах такого единообразия не отмечено. Возможно, узники оказывали сопротивление, технология акции еще не была отработана. Анджей Пшевозник склоняется к мнению, что большинство следующих этапированных групп были расстреляны в служебных помещениях дачи НКВД на берегу Днепра, а потом захоронены в могилах, вырытых в нескольких сотнях метров от дачи.

Автор подробно описывает составление немецкого и польского списков жертв и проведенное некоторыми исследователями пофамильное сравнение с этапными списками НКВД из Козельска. Практически все расхождения между списками обусловлены ошибками в написании польских фамилий по-немецки (немецкий эксгумационный список) и по-русски (этапные списки НКВД), а также зачастую слабой читабельностью пролежавших три года в земле документов^[10].

Автор подробно, насколько это возможно, изложил не до конца разгаданную историю так называемых «катынских ящиков», в которых были собраны найденные при раскопках 1943 года документы, дневниковые записи и другие наиболее важные предметы расстрелянных офицеров. Десять ящиков с этими материальными свидетельствами после раскопок весной 1943 года были направлены для детального анализа в краковский Институт судебной медицины, а в августе 1944 года в связи с быстрым наступлением советских войск проанализированные и переупакованные документы были вывезены в Германию и были сожжены в окрестностях Дрездена непосредственно перед вступлением советских войск. Кое-что полякам в Кракове удалось скопировать (в частности, большинство дневников), сохранились даже некоторые оригинальные документы, а в отношении всего остального пропавшего до сих пор существуют неясности — быть может, что-то удалось выкрасть или спасти бойцам подпольной Армии Крайовой.

Главы десятая и одиннадцатая посвящены политическим последствиям обнаружения катынских могил (прежде всего — благоприятной для СССР реакции Великобритании и США, считавших главным сохранение единства антигитлеровской коалиции), а также затиранию следов преступления путем

создания фальшивой советской версии об ответственности немцев за катынский расстрел. Главные союзники по антигитлеровской коалиции не выразили никакого протеста, то есть молчаливо приняли сталинскую версию. И польское правительство в Лондоне это в полной мере признавало. А Сталину, как я уже отмечал, катынская ситуация 1943 года облегчила создание марионеточного польского правительства. Анджей Пшевозник приводит много высказываний польских, американских и английских политиков и дипломатов на эту тему.

Сталинская версия об ответственности немцев за Катынь базировалась на выводах специально созданной в январе 1944 года комиссии Бурденко, опубликовавшей свое известное Сообщение — единственный увидевший тогда свет советский официальный документ о преступлении. Сообщение было в значительной степени просто переписано со справки тогдашнего заместителя Берии Сергея Круглова и наркома госбезопасности Всеволода Меркулова, то есть исходившей от самих преступников. Число расстрелянных якобы немцами поляков было принято равным 11 тысячам — ошибочная цифра, названная немецкой пропагандой. Как отмечает автор, обнаруженные в 1991 году в Медном польские захоронения узников Осташкова примечательны тем, что немцев в этом месте практически не было — полк пехоты и несколько десятков танков дошли приблизительно до мест захоронений 17 октября 1941 года, а уже на следующий день были оттуда выбиты. Линия фронта — неподходящее место, чтобы неизвестно откуда собрать, расстрелять и закопать 6 тысяч поляков в течение одного дня.

Автор описывает проведенное летом 1945 года польское просоветское «расследование» катынского преступления и намерение организовать в ноябре 1945 года в Польше судебный процесс над «участниками катынской провокации» — членами нескольких посетивших Катынь в 1943 году делегаций и членами работавшей там Технической комиссии ПКК (отмечу опечатку — упоминая визит одной из делегаций, автор ошибочно приводит дату 17 января 1943 года — вместо 17 апреля). До суда не дошло, причины этого неизвестны.

Советская попытка обвинить за Катынь немецких военных преступников на Нюрнбергском процессе также не удалась, в приговоре Нюрнбергского трибунала о Катыни нет ни слова.

В следующих двух главах, двенадцатой и тринадцатой, описана многолетняя борьба поляков и граждан других стран за правду, современное советско-российское расследование, эксгумации в

Катыни, Медном и Харькове в 1991 и 1994–1996 годах и создание польских воинских кладбищ в трех этих местах в 2000 году. Описана работа специально созданной Комиссии американского Конгресса в 1951–1952 годах, опросившей множество свидетелей в США и в Европе (в том числе, например, генерала Андерса и Юзефа Мацкевича, автора-составителя знаменитого сборника «Катынское преступление в свете документов», выдержавшего начиная с 1948 года полтора десятка изданий) и опубликовавшей итоговый труд объемом 2400 страниц — с выводом об ответственности советского НКВД за катынское убийство^[11].

Автор описал также замалчивание катынской темы после войны в СССР и ПНР, и усилившееся с началом советской перестройки давление общественных сил в Польше с требованиями сказать правду. В конце 1980-х годов нажим оказывался и со стороны польских партийных историков (в том числе польской части двусторонней Комиссии по «белым пятнам»), а также со стороны нескольких советских историков, получивших доступ к секретным документам, косвенно указавшим на расстрел.

В апреле 1990 года было опубликовано заявление ТАСС об ответственности НКВД за расстрел польских офицеров весной 1940 года, а президент СССР Михаил Горбачев передал президенту Польши генералу Войцеху Ярузельскому предписания НКВД на отправку узников Козельска и Осташкова в распоряжение УНКВД Смоленской и Калининской областей, соответственно, а также алфавитный список выбывших из Старобельского лагеря. В октябре 1992 года по поручению президента России Бориса Ельцина президенту Польши Леху Валенсе были переданы катынские документы Особой папки, включая записку Берии и решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года о расстреле поляков. В августе 1993 года на варшавском кладбище Повонзки у символического катынского креста Борис Ельцин возложил венок и попросил у поляков прощения. А с осени 1990 года на основе распоряжения М.С.Горбачева велось советское (позже российское) расследование катынского дела следственной группой Главной военной прокуратуры СССР, затем России. В рамках следственных действий при активном участии польских экспертов летом 1991 года были проведены выборочные эксгумационные работы в Харькове и Медном, а немного позже и в Катыни. В 1994 году Служба безопасности Украины передала полякам так называемый «украинский список» — список 3 435 арестованных из тюрем Западной Украины, расстрелянных по тому же решению ПБ ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года, что и

узники трех лагерей. «Белорусский список» — список 3870 расстрелянных из тюрем Западной Белоруссии — до сих пор не найден (не обнародован) ^[12].

Самым подробным образом автор описывает все работы, в том числе организационные, по созданию польских воинских кладбищ в Катыни, Медном и Харькове. Анджей Пшевозник был главным организатором и главным мотором в реализации всего этого чрезвычайно сложного под любым углом зрения проекта. Пересказать его деятельность по созданию воинских кладбищ — это фактически переписать несколько десятков страниц книги ^[13].

Описаны также проведенные польскими экспертами зондажно-экспертные работы в Катыни (1994-1995), Медном (1994-1995) и Харькове (1994-1996). Это было сделано с целью точной локализации могил и частичного перезахоронения останков. По результатам раскопок в Катыни и Харькове изданы две обстоятельные книги — сборник под редакцией проф. Мариана Глосека (Катынь) и книга проф. Анджея Коли (Харьков). Резюмирующая книга по результатам раскопок в Медном все еще не издана.

Польские воинские кладбища были торжественно открыты в 2000 году, в 60-ю годовщину катынского расстрела. Как уже отмечал, благодаря польским кладбищам там же появились и российские мемориалы памяти советских жертв сталинских репрессий. Они пока фактически безымянные, но в Катыни, как замечает Иоланта Адамская, уже запланировано размещение именных табличек для трех тысяч покоящихся там советских жертв репрессий.

Анджей Пшевозник подчеркивает, что польские воинские кладбища были построены на польские средства — из бюджета Совета по охране памяти сражений и мученичества, на средства польского Катынского фонда и Федерации катынских семей. Кроме того, добровольный сбор пожертвований был проведен среди военнослужащих и среди прихожан костелов.

Последняя, четырнадцатая глава книги описывает события после 2000 года, непосредственно связанные с катынской тематикой. Значительное место уделено польским раскопкам на Украине, в Быковне, проводившимся и проводимым под руководством проф. Анджея Коли. Среди многочисленных захоронений жертв репрессий там были обнаружены и польские, причем несколько предметов принадлежали полякам из «украинского списка».

Авторы (в написании последних разделов книги участвовала Иоланта Адамская) представили состояние дел в польском катынском расследовании, проводимом Институтом национальной памяти с ноября 2004 года, вскоре после прекращения советско-российского расследования 1990–2004 годов и засекречивания Главной военной прокуратурой России большинства томов уголовного дела. К апрелю 2010 года опрошены 2590 свидетелей, главным образом родственники расстрелянных, проживающие в Польше и за границей. Изучены архивные материалы в Германии, Великобритании и США, некоторые дополнительные документы о репрессиях в отношении польских граждан получены в 2009 году с Украины. Как я уже упоминал, главным недостатком польского катынского следствия ИНП является крайне слабое взаимодействие с российскими следственными органами — при понимании того, что практически все основные документы о преступлении находятся в Москве.

Большое внимание в последней главе уделено прекращению в сентябре 2004 года советско-российского катынского расследования, квалификации преступления как «превышения власти рядом высокопоставленных должностных лиц СССР при наличии особо отягчающих обстоятельств»^[14] и засекречиванию двух третей томов уголовного дела — только 67 из 183 из томов были объявлены доступными исследователям. Польские историки и архивисты кратко ознакомились с ними в Москве в 2005 году, но согласия на их копирование российская прокуратура не дала. Большая часть информации была уже давно известной. Ранее в книге отмечалось, что еще в апреле 1991 года польские эксперты были ознакомлены приблизительно со ста (!) томами уголовного дела, тогда еще не секретными.

Автор подробно описывает многократные (с 2005 года), но до сих пор безуспешные попытки общества «Мемориал» добиться в московских судах решения, обязывающего Главную военную прокуратуру РФ и Межведомственную комиссию по защите государственной тайны рассекретить материалы российского катынского расследования (прежде всего, постановления о его прекращении) и рассмотреть вопрос о реабилитации расстрелянных поляков как жертв политических репрессий. Следует сказать, что во время визита в Польшу в январе 2002 года президент России Владимир Путин положительно высказывался о перспективах реабилитации расстрелянных поляков. Иоланта Адамская отмечает, что 8 мая 2010 года во время встречи в Кремле с и.о. президента Польши Брониславом Коморовским президент России Дмитрий Медведев также

говорил, что будет рассмотрен вопрос, как можно реабилитировать жертвы катынского преступления, то есть какие для этого имеются юридические возможности.

Не без оснований авторы связали надежду на совместное политическое решение катынской проблемы с работой российско-польской Группы по сложным вопросам, Анджей Пшевозник был ее членом (об этом и о результирующей публикации Группы я уже писал выше). Как подчеркивается в конце главы, катынская проблема «сдвинулась с мертвой точки в результате встречи премьеров Польши и России с сопредседателями Группы Адамом Ротфельдом и Анатолием Торкуновым 7 апреля 2010 года в Смоленске».

Встреча и выступления премьеров Владимира Путина и Дональда Туска 7 апреля в Катыни (тексты выступлений приведены в Приложении^[15]) несомненно вселили надежду на скорое решение катынской проблемы. Иоланта Адамска, завершившая работу над книгой, приводит оптимистичные высказывания разных участников встречи, в том числе и Анджея Пшевозника.

Завершающие разделы книги — Эпилог и Приложения — подготовлены Иолантой Адамской после гибели Анджея Пшевозника в Смоленской авиакатастрофе утром 10 апреля 2010 года вместе с президентом Польши Лехом Качинским и частью польской делегации. Погибли все находившиеся на борту 96 человек, которых уже ждали на торжественной церемонии в Катыни.

Авиакатастрофу 10 апреля Иоланта Адамская назвала «самым трагическим разделом послевоенной польской истории, связанной с Катынью». Эта трагедия огромной болью отозвалась и в русских сердцах, последние страницы эпилога описывают совершенно искреннюю реакцию в России — как российских руководителей, так и простых людей: «Простые русские переживали трагедию поляков как свою собственную национальную драму. Цветами было усыпано не только место катастрофы в Смоленске, польские дипломатические учреждения в России тоже были окружены морем цветов и тысячами свечей, возлагаемых и зажигаемых днем и ночью...» Фильм Анджея Вайды «Катынь» был показан в прайм-тайме на общероссийском телеканале, его посмотрели 28 миллионов человек. По данным Левада-центра, за полтора месяца до трагедии 43% опрошенных слышали о катынском преступлении, а после катастрофы и демонстрации фильма Вайды это число возросло до 74%.

Из приведенных в Приложении нескольких документов отмечу еще текст запланированного, но не произнесенного выступления президента Польши Леха Качинского в Катыни 10 апреля 2010 года^[16].

В книге отмечены и недавние конкретные шаги в России по решению катынской проблемы.

В конце апреля на официальном сайте Росархива по решению российского Президента были размещены сканы подлинников главных катынских документов Особой папки — записки Л. Берии и решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года о расстреле поляков, а также записки А. Шелепина Н. С. Хрущеву от 3 марта 1959 года с общей информацией о расстреле и с предложением уничтожить учетные дела:

<http://rusarchives.ru/publication/katyn/spisok.shtml>

8 мая 2010 года Президент России Дмитрий Медведев передал и.о. Президента Польши Брониславу Коморовскому заверенные копии 67 томов советско-российского катынского расследования, сказав при этом следующее (<http://news.kremlin.ru/news/7674>):

«Мы с Вами встречаемся в преддверии юбилея окончания войны. Есть события, которые предшествовали войне, в том числе и события в Катыни. Во время посещения Кракова я сказал Вам, что предприму необходимые усилия, дам поручения по дальнейшей работе с материалами катынского дела, в том числе уголовного дела номер 159. Я считаю, что это абсолютно необходимо. Поэтому, пользуясь этим случаем, хотел бы передать Вам результат текущей работы, а именно 67 томов уголовного дела номер 159. Работа по уголовному делу, включая рассекречивание материалов, по моему прямому поручению будет продолжена.»^[17]

В завершение — не из книги. Хочу привести ответ Анджея Пшевозника на вопрос, чем является общее трагическое прошлое — поводом для конфронтации или же для примирения. Цитата взята из интервью Пшевозника электронной газете «Время новостей» 1 апреля 2010 года, за 10 дней до гибели (<http://www.vremya.ru/2010/54/13/250702.html>):

«Наши народы объединяет общая трагедия миллионов людей, которые продолжают жить с болью от потери самых близких. Эту потерю ничто и никогда не компенсирует. Осталась только память, которую мы должны передать следующим поколениям поляков и россиян.

Общее трагическое прошлое обычно разделяет. Взаимные обиды, предубеждение и отсутствие доверия являются факторами, которые необыкновенно трудно преодолеть, чтобы вместе стать в защиту правды и объединиться перед болью... Общее трагическое прошлое должно быть полем не конфронтации, а примирения. Чтобы это стало возможным, должны быть выполнены условия, упрощающие подобный процесс. Примирение можно выстраивать исключительно на фундаменте правды, пусть и самой страшной, но все же произнесенной и открытой до самого конца. Такой процесс не может опираться на частичную правду, фальсификации или манипуляции.»

Заканчивая столь объемистую рецензию, которая в значительной степени свелась к изложению содержания совершенно незаурядной книги Анджея Пшевозника, хотелось бы повторить то, с чего начал. Считаю крайне целесообразным перевод этой книги на русский язык. Вряд ли обычным долгом вежливости и памяти являются следующие слова председателя Европейского парламента Ежи Бузека, сказанные во вступительном слове: «Книга «Катынь. Преступление, правда, память» нужна не только полякам. Ее следует как можно быстрее перевести на разные языки — английский, русский, а может быть и китайский, она должна попасть во все главные библиотеки мира. Именно тогда этот труд Анджея Пшевозника и Иоланты Адамской наилучшим образом послужит Польше, поскольку в памяти других народов нет пробела о Катыни — есть просто огромная дыра.» И, как уже говорил, дополнительным стимулом для перевода является противодействие шумным фальсификаторам истории, изображающим из себя истинных патриотов России. Россия не настолько слаба, чтобы перевернуть мрачные страницы своего прошлого.

Алексей Памятных,

18 ноября 2010 года.

В сборнике две статьи о Катыни — Н.С.Лебедевой и А.Пшевозника (в сумме — 58 страниц), статьи дополняют одна другую, в них кратко представлена история преступления и все последующие события по катынской проблеме. Тираж книги — 1500 экземпляров, и она, конечно, быстро станет редкостью. Польское издание книги запланировано приурочить к визиту Президента России Д.А.Медведева в Польшу в декабре 2010 года.

http://books.google.pl/books?id=myffLA2vHigC&printsec=frontcover&dq=%D0%B7%D0%B0%D1%80%D1%83%D0%B1%D0%B8%D0%BD%D1%8B+%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%B9%D0%BD%D0%B0%D1%8F&source=bl&ots=XQomTr6cax&sig=kbmDrV3YY-HawMU63n8EYy4opJY&hl=pl&ei=z1zgTO7nMcnJswa809CPDA&sa=X&oi=book_result&ct=result&resnum=2&sqi=2&ved=0CCEQ6AEwAQ#v=onepage&q&f=false

Примечательно и мнение историка-полониста Станислава Кувалдина, нетипичное для большинства российских публикаций на данную тему. Говоря о выводе армии Андерса из СССР в 1942 году и затрагивая тему Катыни, Кувалдин пишет: «Впрочем, вскоре стала понятна цена, которую пришлось заплатить Советскому Союзу за поступки двухлетней давности. Андерс приложил все усилия, чтобы как можно быстрее, по мере формирования, увести польские части, а также возможно большее число гражданского польского населения прочь из СССР. Сталин, связанный обязательствами перед союзниками, не мог этому противодействовать. Летом 1942 года 41 тысяча польских военных и около 74 тысяч гражданских лиц были эвакуированы Каспийским морем в Иран. К этому шагу трудно отнести однозначно. Эвакуация происходила в разгар немецкого наступления на Кавказ и Сталинград. И наверняка решение Андерса было воспринято советским руководством как отказ сражаться во время решающей битвы. Но понятно и то, что подавляющее большинство эвакуируемых, люди, только что освобожденные из лагерей, не чувствовали себя чем-либо обязанными Советскому Союзу. К тому же именно формирование армии Андерса впервые подняло вопрос о том, куда делись тысячи офицеров, числившихся в списках военнопленных.» Полный текст этой статьи 2008 года — в журнале «Эксперт»:
http://www.expert.ru/printissues/expert/2008/30/cherez_ee_shagnete_kosti/

Есть и тексты выступления В.В.Путина и Д.Туска на пресс-конференции в Смоленске в тот же день, а также ответы на вопросы: <http://premier.gov.ru/events/news/10128/>

Добавлю, однако, и горькую пилюлю — попытки общества «Мемориал» добиться в Московском городском суде решения о том, чтобы обязать Главную военную прокуратуру рассекретить постановление о прекращении расследования, так и не увенчались успехом:
<http://www.memo.ru/2010/11/02/mosgorsud.htm>

В связи с этим сошлюсь еще и на совсем недавнюю статью одного из руководителей «Мемориала» Яна Рачинского в «Новой газете»:

<http://www.novayagazeta.ru/data/2010/gulag19/00.html>

1. Сразу отмечу, что квалификация катынского преступления как геноцида, по мнению многих специалистов, труднодоказуема. В рецензируемой ниже книге Анджея Пшевозника отмечена позиция Общества «Мемориал», считающего, что катынское преступление следует квалифицировать как военное преступление и преступление против человечности.
2. Хотелось назвать предлагаемую рецензию более конкретно — «“Катынь” Анджея Пшевозника». Однако в свете довольно распространенных в Польше абсурдных гипотез о Смоленской авиакатастрофе 10 апреля 2010 года как о русском или русско-польском заговоре против президента Леха Качинского и польской элиты такой заголовок мог бы восприниматься тоже в русле теории заговора — точно так же, как используемое некоторыми абсурдное обозначение смоленской авиакатастрофы термином «Катынь-2». Возникло даже объединение радикально настроенных граждан и некоторых родственников погибших под названием «Катынь-2010». Об этом вообще не стоило бы говорить, однако столь звучные названия и теория заговора пользуются популярностью среди сторонников основной оппозиционной партии «Право и справедливость» Ярослава Качинского, брата погибшего в авиакатастрофе президента Польши. Возможно, некоторые используют эти термины, не задумываясь об их смысле. Но ведь помимо явного или неявного указания на теорию заговора такие названия, по-моему, оскорбляют память погибших в Катыни польских офицеров, приравнивая реальное государственное преступление 1940 года к мифическому. Расследование покажет, какие обстоятельства и чьи ошибки в сумме привели к авиакатастрофе, но считать ее государственным заговором и усматривать в ней аналогию с катынским преступлением могут только люди с большим воображением.
3. Мне довелось лишь немного знать Анджея Пшевозника лично — встречались на нескольких катынских мероприятиях в Варшаве, а однажды, года два назад, долго беседовали о современной ситуации с катынской проблемой, что и как еще надо сделать с обеих сторон. Пан Анджей говорил, в частности, о своих поисках следов «катынских ящиков» — совокупности найденных при раскопках 1943

года документов, дневниковых записей и других наиболее важных вещей расстрелянных офицеров. Десять ящиков с этими материальными свидетельствами сразу после раскопок весной 1943 года были направлены для детального анализа в краковский Институт судебной медицины, а в августе 1944 года в связи с быстрым наступлением советских войск они были вывезены в Германию и там в окрестностях Дрездена их пришлось сжечь в опасении перед захватом их Красной армией. Кое-что полякам в Кракове удалось скопировать (в частности, большинство дневников), сохранились даже некоторые оригинальные документы, а в отношении всего остального пропавшего до сих пор существуют неясности — быть может, что-то удалось выкрасть или спасти бойцам подпольной Армии Крайовой. Кроме того, пан Анджей обещал упорядочить и подготовить к изданию отчеты о результатах польских раскопок в Медном в 1994–1995 годах, все основные материалы по ним хранятся в Совете по охране памяти сражений и мученичества.

4. Совсем недавно итоги работы Группы по сложным вопросам увенчались публикацией объемистого совместного сборника статей: Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. Под ред. А.В.Торкунова и А.Д.Ротфельда, М.: Аспект Пресс, 2010.
5. На русском языке опубликована книга о семейной паре разведчиков Зарубиных: Э.Ставинский, «Зарубины: семейная резидентура», ОЛМА ПРЕСС, Москва, 2003. Козельский период деятельности В.М.Зарубина в книге обойден молчанием. Книга есть и в интернете:
6. Добавлю здесь надежно документированные оценки Александра Гурьянова из московского «Мемориала», согласно которым советские политические репрессии на бывших польских территориях охватили в 1939–1941 годах около 500 тысяч человек, включая 45 тысяч военнопленных и интернированных, 110 тысяч арестованных и 330 тысяч депортированных.
7. Русский перевод воспоминаний генерала Андерса «Без последней главы» (с послесловием Натальи Лебедевой) опубликован в 1990 году в журнале «Иностранная литература», он имеется и в интернете — на сайте Сахаровского центра: http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/auth_book1fb1.html?id=83930&aid=956
8. Армии генерала Андерса посвящена обстоятельная статья Н.С.Лебедевой, подготовленная по российским архивным источникам: <http://www.memo.ru/history/polacy/leb.htm>

9. Аналогичная ситуация по соответствию этапных списков идентифицированным останкам в могилах была выявлена и в 1991 году на раскопках в Медном в рамках следственных действий ГВП СССР, где детально исследовалась фактически одна могила (возможно, состоящая из двух примыкающих друг к другу могил). Большинство идентифицированных трупов (их около 15) оказались с одного этапа. Это была разгрузка Осташковского лагеря весной 1940 года, узников которого тогда же расстреляли в Калинин и захоронили в Медном.
10. Наглядный пример из ста фамилий, ошибочно записанных в разных списках из-за языковых особенностей, представлен в статье автора данной рецензии (статья на польском языке, но таблица сопоставляемых фамилий будет понятна каждому):
http://community.livejournal.com/ru_katyn/tag/link-spisok-postoronnich
11. Насколько мне известно, Институт национальной памяти переводит эти материалы на польский язык, до сих пор они существовали только на английском и имелись в Польше лишь в нескольких экземплярах.
12. Узники Козельска расстреляны в Катыни и Смоленске, захоронены в Катыни. Узники Осташкова расстреляны в Калинин и захоронены в Медном. Узники Старобельска расстреляны и захоронены в Харькове. Арестованные из тюрем Западной Украины расстреляны в тюрьмах Киева, Харькова и Херсона, захоронены предположительно в Быковне и Харькове. Арестованные из тюрем Западной Белоруссии расстреляны предположительно в Минске, а захоронены в неизвестном месте — возможно, часть в Куропатах.
13. Попутно автор кратко описал «эволюцию» памятного знака и монумента в Катыни, начиная прямо с 1944 года. Добавлю тут забавную деталь, которая, быть может, будет интересна читателю. На последнем фальшивом памятнике в Катыни была выбита в камне надпись на русском и польском языках — «Жертвам фашизма — польским офицерам, расстрелянным гитлеровцами в 1941 году». Оказывается, польски надпись существовала в двух вариантах — сначала она была сделана с грамматической ошибкой, которую однажды исправили — но при этом сделали две других! Фотографии обоих вариантов надписи с ошибками есть в моей небольшой заметке в интернете:
http://community.livejournal.com/ru_katyn/tag/link-memorial-two-versions

14. В уже упоминавшемся результирующем сборнике статей российско-польской Группы по сложным вопросам «Белые пятна — черные пятна...» Анджей Пшевозник отмечает, что ИНП, юридически квалифицируя катынское преступление, усматривает в нем признаки геноцида. И в связи с этим автор обращает особое внимание на позицию Общества «Мемориал», цитируя высказывание координатора польской секции «Мемориала» Александра Гурьянова: «Есть признаки состава преступления [как геноцида], но не бесспорные... Признание катынского преступления военным преступлением и преступлением против человечности более устойчиво к попыткам оспорить это утверждение. Прокуратура не могла бы подвести это дело к сроку давности и оспорить такую квалификацию, как она это делает в случае оценки Катыни как геноцида».
15. Тексты выступлений В. В. Путина и Д. Туска 7 апреля 2010 года в Катыни есть и в русском интернете — на сайте российского премьера:
<http://www.premier.gov.ru/events/news/10122/>
16. Русский перевод выступления:
<http://dassie2001.livejournal.com/55094.html>
17. Президент России выполняет обещание — 23 сентября полякам были переданы копии очередных 20 томов катынского дела. Текст розданной при этом журналистам записки: <http://dassie2001.livejournal.com/72747.html>

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

20 октября в Варшаве завершился XVI конкурс имени Шопена. Гран-при получила российская пианистка Юлианна Авдеева, ставшая первой за 45 лет женщиной-лауреатом. Вторую премию разделили австриец Ингольф Вундер и Лукас Генюшас (Россия/Литва). Третье место занял еще один российский пианист — Даниил Трифонов. В финальном туре оказалось пятеро пианистов из России (кроме названных, еще Николай Хозяинов и Мирослав Култышев), австриец, болгарин, два француза и поляк. Польские участники выступили слабо. Единственный наш соотечественник в финале, Павел Вакаречи, должен был довольствоваться лишь дипломом.

Юлианна Авдеева, помимо золотой медали, получила 30 тыс. евро и право выступить с Нью-Йоркским филармоническим оркестром.

По мнению критики, молодые российские пианисты стали настоящим открытием нынешнего конкурса. А вот победу Юлианны Авдеевой оценивают по-разному. «Гран-при для нее — это сенсация, — написал музыкальный критик Яцек Хаврылюк в «Газете wyborczej», — потому что, хотя на всем протяжении конкурса она выступала ровно, но не вызвала восторга, явно уступая другим финалистам, в том числе и российским».

Схожее мнение у Яцека Марчинского в «Жечпосполитой»: «25-летняя русская пианистка — артистка с большим уже концертным опытом, типичная представительница так называемых конкурсных пианистов, которые играют уверенно, без всяких трудностей, но безнадежно предсказуемо. Такие музыканты не восхищают публику».

Профессор Алиция Кледзик из Познанской музыкальной академии: «Не хочу умалять ее профессиональных качеств, но это пианистка страшно трудная для восприятия. Для меня она играет без той изысканности и чувства, которых требует эта музыка».

Другие эксперты упрекали Авдееву в «отсутствии искры Божьей», «чрезмерной эффектности» и в целом ставили под сомнение правильность решения жюри. Иного мнения придерживается министр культуры Богдан Здроевский,

который, хотя и симпатизировал другому фавориту (австрийцу Ингольфу Вундеру), полностью принял вердикт. «Юлианна Авдеева еще молодая пианистка, — отметил министр, — но она уже тринадцать лет выигрывает почти все конкурсы». А что же сама победительница? «Я совершенно потрясена, — сказала она сразу после оглашения решения жюри. — Я благодарна варшавской публике, она прекрасна».

С 14 по 20 ноября в Лодзи проходил 8-й Международный фестиваль и конкурс музыкальных индивидуальностей «Тансман-2010». Он проходит раз в два года и пропагандирует творчество незаурядных молодых музыкантов и композиторов, а также популяризирует музыку выдающегося лодзинца Александра Тансмана, польского композитора еврейского происхождения. В нынешнем году выступило свыше 600 исполнителей из почти сорока стран — симфонические оркестры, хоры, выдающиеся солисты. На открытии был показан «Иерусалим» — спектакль, подготовленный Жорди Савалем. Это музыкальная история многокультурного Иерусалима, города, оставившего прочный след в мировой культуре. В спектакле приняли участие артисты из четырнадцати стран, в том числе из Израиля, Армении, Турции, Сирии, Ирака, Афганистана, выступили также палестинцы. 15 ноября в Лодзинской филармонии прошла мировая премьера фортепьянного концерта для одной руки, написанного Тансманом для знаменитого однорукого пианиста Пауля Витгенштейна.

9 ноября в Королевском замке в Варшаве была вручена ежегодная премия имени Ежи Гедройца, присуждаемая издателем газеты «Жечпосполита». Лауреатом юбилейной десятой премии стала Агнешка Ромашевская-Гузы, директор телеканала «Белсат». Премия присуждена за «инициативу создания и деятельность телевидения, вещающего на Белоруссию на белорусском языке, выполняющего миссию укрепления национального самосознания белорусов и последовательно поддерживающего их стремление к демократии». С приветствием к лауреату обратился Чеслав Белецкий, архитектор и публицист, кандидат на пост президента (мэра) Варшавы, поддерживаемый «Правом и справедливостью».

Также 9 ноября присуждена премия имени Казимежа Мочарского (автора незабываемых «Разговоров с палачом») за лучшую историческую книгу года. Лауреатом стал Богдан Гадомский за книгу «Биография агента. Крупнейший агент политической полиции Второй Речи Посполитой. Юзеф-Йозек

Мютценмахер (1903–1947)». Книга, рассказывающая о деятельности агента польской политической полиции в компартии Польши, вышла в издательстве «Тельсон». Лауреат конкурса получил чек на 30 тыс. злотых. Премию финансируют Фонд «Агоры» и Национальный центр культуры.

11 ноября вручена премия имени Юзефа Мацкевича. 10 тысяч долларов и медаль с портретом писателя и лозунгом премии — цитатой из Мацкевича «Только правда интересна» получил Павел Зызак за книгу «Лех Валенса. Идея и история», изданную краковским правым издательством «Аркана». Это дипломная работа, в которой молодой автор на основе анонимных источников написал, в частности, о внебрачном ребенке, якобы имеющемся у Валенсы, о его выходках в молодости (помочился в костеле в кропильницу), он также категорически сформулировал тезис о сотрудничестве первого вождя «Солидарности» с госбезопасностью. Книга вызвала много споров и решительный протест Леха Валенсы. Премию Зызак прокомментировал в «Газете выборчей» Адам Лещинский в статье «Мацкевич переворачивается в гробу»: «Самые важные обвинения в адрес Валенсы основаны на документах, которых Зызак не пытался проверить, а также на сообщениях из третьих рук, часто от врагов Валенсы. Он доверяет этим сообщениям, коль скоро они выставляют Валенсу в дурном свете. Такая позиция, увы, неинтересна. Это ремесленническая компрометация. Вручение в день национального Праздника независимости премии за книгу, которая шельмует героя польской независимости, вызывает лишь грустную иронию».

Комитет премии, присуждаемой с 2002 года, возглавляет писатель Марек Новаковский.

Уже в четвертый раз прошел фестиваль российского кино «Спутник над Польшей». Праздник российской кинематографии продолжался в Варшаве с 4 по 14 ноября, затем фестиваль посетил 20 городов Польши. Жюри признало лучшим фильмом фестиваля «Полторы комнаты» Андрея Хржановского. Кинокритик Тадеуш Соболевский отмечает: «Фильм начинается, как сказка: жил-был когда-то маленький мальчик, и был город, прекраснейший в мире, с огромной серой рекой... Мальчик — это Иосиф Бродский, герой, наверное, самого красивого фильма нынешнего конкурса. «Полторы комнаты» — это ленинградский «Амаркорд», биографическая фантазия о жизни интеллигентской семьи в советской коммуналке во времена Сталина и Хрущева».

Вторую премию получил фильм «Похороните меня за плинтусом» Сергея Снежкина, победивший также на

зрительском плебисците. Третью премию жюри присудило картине «Я» режиссера Игоря Волошина.

«Фестиваль «Спутник» снова порадовал — как выбором репертуара, так и чувством момента, — пишет Катажина Казимеровская в «Культуре либеральной». — И хотя он предлагает фильмы не первой свежести, но позволяет с истинным удовольствием вкушать российскую кинематографию. Отзовись, кто в нынешнем году нарвался на типовое советское занудство! Думаю, таких нет. «Спутник», помимо того что несет огонек знания о российской кинематографии, также открывает иной, чем наш, и на удивление более зрелый взгляд. Шапки долой!»

Премии имени Збигнева Цибульского, самую видную польскую актерскую награду, получил в этом году Матеуш Костюкевич за роль в «Матери Терезе от кошек» Павла Сали. В этом фильме он показал «лицо очаровательного психопата и одержимого эротической лихорадкой демона», — о котором, как говорит сам актер, он не хочет помнить. Родившийся в 1986 г. Костюкевич учится в краковской Высшей театральной школе. Он считается открытием последних лет. После премьеры фильма «Всё, что я люблю» Яцека Борцуха его называют польским Джеймсом Дином.

Проходящая осенью книжная ярмарка в Кракове обрела ранг крупнейшего польского события в области книгоиздательства и книжной торговли. В ней приняло участие 450 издателей и почти 400 авторов. На своих книгах ставили автографы, например, Владислав Бартошевский. Януш Бловацкий, Эустахий Рыльский, Ольга Токарчук, Анджей Стасюк, о. Леон Кнабит, Магда Умер, Рома Лигоцкая, Марек Краевский, Тереса Торанская. Назван победитель конкурса на премию имени Яна Длугоша. Им стал профессор Мечислав Нурек, автор книги «Горечь победы. Судьба польских вооруженных сил на Западе после Второй Мировой войны. 1945–1949» (издательство Гданьского университета). В конкурсе «Список Гонимых. Польский выбор» польские студенты наградили Мишеля Уэльбека за «Карту и территорию».

14-я книжная ярмарка в Кракове отмечена рекордным числом посетителей — 30 тысяч.

Одновременно с ярмаркой в Кракове прошел второй международный фестиваль литературы имени Джозефа Конрада — под девизом: «Другие миры, другие языки». Среди гостей фестиваля были, в частности, Ласло Краснохоркаи, Клод Ланцман, французский репортер Жан Хартцфельд (лауреат

премии имени Капустинского), а также иранская писательница и художница Марьяна Страпи. Наибольший интерес вызвала встреча с немецким нобелевским лауреатом родом из Румынии Гертой Мюллер.

Исполнилось 60 лет Томашу Яструну, поэту, прозаику, публицисту и литературному критику, сыну поэта Мечислава Яструна и поэтессы Мечиславы Бучек, оппозиционеру и участнику подпольной культурной жизни в ПНР, многолетнему фельетонисту «Культуры» Ежи Гедройца. На страницах парижского еженедельника он подписывался Витольд Харламп и Смеч. После смерти редактора и закрытия «Культуры» он перенес свои фельетоны «Искоса» в «Жечпосполиту», затем в «Ньюсуик-Польша». Юбилей Томаша Яструна прошел 15 ноября в Доме культуры «Центр города» в Варшаве. С приветственными речами выступили Анна Янко и Анна Насиловская.

В этом году лауреатом премии польского ПЕН-клуба за переводы англоязычной, чешской и испанской поэзии и прозы стал Лешек Энгелькинг. В его активе также переводы с русского (Цветаевой, Шаламова), словацкого и украинского. Он автор монографии «Владимир Набоков».

Новейший и крупнейший в Центральной и Восточной Европе культурно-образовательный центр был открыт 18 ноября в варшавском районе Беляны. Медиатека «Старт-мета» — это соединение современной, компьютеризованной библиотеки с образовательным центром, предусматривающим рабочие места для самостоятельной учебы, творческой игры и развития способностей. В медиатеке «Старт-мета» доступно свыше 30 тыс. книг и 5 тыс. единиц мультимедиа: фильмов, дисков, компьютерных игр.

В варшавском Национальном музее с ноября новый директор. Им стала прежний директор галереи искусства «Захента» Агнешка Моравинская. Она сменила на этом посту профессора Петра Пётровского, который в результате конфликта с сотрудниками и после отклонения попечительским советом его планов развития музея подал в отставку. Агнешка Моравинская — историк искусства, переводчик, критик, автор многочисленных публикаций. Национальный музей ей прекрасно знаком. Более полутора десятков лет (1976–1993) она была куратором музейной галереи польского искусства. Создала также новую Галерею польской живописи.

В варшавском парке Траугутта 13 ноября были открыты четыре скульптуры Магдалены Абаканович, представляющие рыцарей

Круглого Стола. Статуи высотой около 3 метров из неправильной формы стальных пластин представляют Ланселота, Визарда, Парсифаля и Галахада. Поблизости от скульптур высажены новые деревья — 60 тисов. Установка «Рыцарей» Магдалены Абаканович — это этап борьбы Варшавы за титул Европейской столицы культуры 2016 года.

16 ноября в Кракове торжественно сдан в эксплуатацию МОСАК — Музей современного искусства. Это первый в Польше специально построенный музей такого рода. Здание разместилось на территории фабрики Шиндлера в бывшем промышленном районе Заблотье. Автор проекта — итальянский архитектор и дизайнер интерьеров Клаудио Нарди. До 5 декабря здесь проводится выставка работ Нарди, проходят презентации, связанные с программными планами музея. Первая собственно художественная экспозиция будет открыта весной 2011 года.

Прощания

25 октября в Варшаве умер Анджей Конич, режиссер, создатель таких классических польских сериалов, как «Ставка больше, чем жизнь», «Черные тучи» и «Граница в огне». Ему было 84 года. В режиссерском наследии Конича, в частности, фильмы «Горячая жизнь» и «Счастливый берег». Поставил много спектаклей для Театра телевидения, например «Virtuti» Ежи Яницкого и Анджея Мулярчика и «Любовники из монастыря Вальдемаса» Януша Красинского.

28 октября во Вроцлаве на 90-м году жизни умер Станислав Ленартович, ветеран польской кинематографии, режиссер и сценарист. Его самые известные фильмы — «Джузеппе в Варшаве», «Дневник пани Ганки», «Упырь». При военном положении режиссер перестал снимать фильмы. «Наступила глубокая ночь, кого могли интересовать бешеные двадцатые годы в моем фильме?» — так он объяснил свое решение в интервью, которое дал к своему 85-летию.

29 октября в Кракове умер Людвик Ежи Керн, писатель, поэт, сатирик, автор текстов песен, переводчик, автор нескольких десятков книг для детей, в числе которых самая известная и переведенная на многие языки — «Фердинанд Великолепный», повесть о собаке, которой снится, что она человек. Керн многие годы был журналистом и редактором краковского «Пшекруя». Он прожил 89 лет.

5 ноября умер Богдан Хуссаковский, режиссер, педагог, директор театров. Ему было 69 лет. Сотрудничал со Старым

театром в Кракове и театрами Познани, Ополя и Варшавы. В историю театра он вошел своими интеллигентными постановками произведений Гоголя, Чехова, Виткация, Гомбровича, а также оперными спектаклями. Он был любимым профессором и наставником для многих студентов режиссерского факультета краковской Высшей театральной школы.

12 ноября на 78-м году жизни после тяжелой болезни в больнице в Катовице умер Генрик Миколай Гурецкий, один из крупнейших польских композиторов современности, лауреат многих международных композиторских конкурсов. Мировую славу принесло ему сочинение 1976 года — 3-я симфония, или Симфония скорбных песнопений, которая спустя 18 лет, после американской записи с участием певицы Дон Апшоу и оркестра «London Sinfonietta», имела большой концертный успех.

За три недели до смерти музыкант получил высшую польскую награду — орден Белого Орла. Ее вручали в кардиологической клинике в Катовице, в отделе интенсивной терапии, в присутствии жены президента госпожи Анны Коморовской.

«Он должен был стать шахтером или железнодорожником. Тому, что он стал одним из крупнейших композиторов XX века, он обязан в равной мере таланту и одержимости, — написала в воспоминаниях о музыканте Александра Клих. — Его имя легко может ввести в заблуждение, ведь у Гурецкого не было никаких шляхетских или интеллигентских корней. В силезском доме его отца, бедного железнодорожника из-под Рыбника, не было ни музыкального салона, ни богатого собрания нот. Мать немного играла на пианино, отец музицировал по-любительски — обычное дело для довоенной пролетарской Силезии, где музыка была самой распространенной, а часто единственной формой культурного выражения».

Хотя его произведения знал весь мир, Гурецкий говорил: «Прежде чем уму, я хотел бы узнать, что такое музыка. В последнее время я живу мыслью Лешека Колаковского, что “музыка — это гость из иного мира”».

ПРАВЕДНЫЕ И НЕПРИЗНАННЫЕ. КЛИМЕНТИЙ И АНДРЕЙ ШЕПТИЦКИЕ

стала частью проводимого Музеем цикла, посвященного памяти спасенных и праведных. Наименование встречи относилось к тому факту, что о. Климентий Шептицкий, архимандрит греко-католического ордена студитов^[1], посмертно получил звание «праведного среди народов мира» и командорский крест ордена Возрождения Польши, а вдобавок причислен к лику блаженных, тогда как заслуги его старшего брата, митрополита Андрея, чьим близким сотрудником был Климентий, по сей день не оценены должным образом ни католической Церковью, ни Израилем, ни Польшей.

Встречу открыл Мариан Турский, журналист «Политики» и председатель Совета Музея истории польских евреев. Во вступительном слове он напомнил, сколь трудной была судьба отдельных праведных, которые своими глазами видели смерть тех, кого они спасали, или же подвергались от соседей преследованиям за помощь, оказываемую евреям. Поэтому, говорил Турский, многие из спасавших не хотели об этом говорить. Естественно, братья Шептицкие ввиду их положения в общественной жизни находились в ином положении; тем не менее истории, затрагиваемые в этой связи, тоже могут помочь лучше уяснить то непонимание, с которым сталкивались Шептицкие, особенно Андрей.

Первым взял слово проф. Адам Д. Ротфельд, бывший министр иностранных дел Польши, который смог пережить войну благодаря братьям Шептицким^[2]. Ротфельд напомнил о заслугах архим. Климента и митр. Андрея, выразив убеждение, что они спасали всех — независимо от национальности. Он назвал обоих «титанами духа», вспоминая, в частности, и о собственных встречах с ними. Проф. Ротфельд критически оценил процедуры, связанные с присуждением институтом «Яд Вашем» звания «праведного среди народов мира», назвав их непрофессиональными. Упомянул он и о том, что в ходе встреч с представителями Государства Израиль неоднократно поднимал вопрос о признании заслуг Андрея Шептицкого.

Второй из приглашенных гостей, Мацей Козловский, бывший польский посол в Израиле, рассказал, каким образом он «встретился» с митрополитом в процессе своих исследований по истории Польши и Украины. Козловский выразил убеждение, что вопреки традиции, ныне в Польше популярной, история не должна служить для оценки прошлого. Он предостерегал также от внеисторического мышления, напоминая, что для Шептицких — как и для их современников — немцы, вступавшие в 1941 г. в Восточную Галицию, были теми же самыми немцами, которых они знали по Первой Мировой войне. Люди тогда не представляли себе сущности национал-социализма, а «окончательное решение еврейского вопроса» лишь начиналось.

Последний из выступавших, о. Стефан Батрух, священник греко-католического прихода в Люблине и президент Фонда духовной культуры Пограничья, начал с воспоминаний о том, как изображали украинскую Церковь и самого Андрея Шептицкого в период коммунизма. При тогдашнем режиме пропаганда насаждала образ митрополита Андрея как «коллорабациониста» и «фашиста». Священник напомнил по именам и фамилиям многих евреев, которых спасли Шептицкие, добавив, что непризнание заслуг старшего из братьев остается малопонятным.

В дискуссии с участием слушателей были затронуты и другие темы, такие как роль волынской трагедии, ее влияние на взаимоотношения между Польшей и Украиной и позиция Шептицкого в связи с этими событиями, попытка украинских националистических кругов присвоить митрополита, болезнь Шептицкого (митрополит Андрей последние десять с лишним лет своей жизни провел в инвалидном кресле).

Дискуссию вел журналист Адам Шосткевич («Политика»).

Во встрече приняло участие около 80 человек, в том числе журналисты и ученые, занимающиеся проблематикой польско-украинских и украинско-еврейских отношений, представители еврейской общины, украинцы, живущие в Варшаве, а также члены семьи Шептицких.

Во время встречи можно было приобрести публикации Музея истории польских евреев, посвященные Катастрофе и «праведным среди народов мира», а также познакомиться с обширным собранием различных изданий, как польских, так и заграничных, посвященных обоим братьям Шептицким.

1. Скончался в 1950 во Владимирской тюрьме. — *Ред.*
2. См. об этом отрывки из воспоминаний Ротфельда: То, что помню... // Новая Польша. 2005. №3. — *Ред.*

ДВА ОТЕЧЕСТВА СВЯТОГО ГРИГОЛА ПЕРАДЗЕ

6 декабря 1942 г. в 16.45 в Аушвице оборвалась земная участь уникального ученого, родившегося в Грузии, путешествовавшего по миру с паспортом несуществующей страны, профессора Варшавского университета, владевшего двадцатью с лишним языками, архимандрита Григола Перадзе — и началась небесная жизнь святого.

У него было два отечества на земле — Грузия, которой он был предан до последнего, и Польша, которую называл второй родиной. В вечности локальности нет, и потому его два отечества отныне и вовеки — Земля и Небо. Возможно, это всего лишь два этапа одного пути — к Богу и с Богом.

Впервые о святом Григоле Перадзе, ценою жизни спасшем многие еврейские семьи во время II Мировой войны, я узнала от владыки Исаяи, митрополита Никозского и Цхинвальского, который в самый первый год своего епископства, в 1995 г., участвовал в канонизации отца Григола.

С тех пор начала искать людей, которые могут рассказать о святом как можно больше.

...Но прежде — несколько важных фактов из истории христианства в Грузии: еще в I веке тут проповедовали апостолы Андрей Первозванный и Симон Канонит, принявший здесь мученическую смерть. Потому Церковь имеет право считать себя апостольской. Государственной религией христианство стало в IV веке после проповеди святой равноапостольной Нино Каппадокийской, просветительницы Грузии. Крест Святой Нино, распространенный только на территории Грузии, сплетен из виноградной лозы и перевязан ее волосом. Одним из первых храмов, который изначально был возведен по слову св. Нино, был Светицховели в Мцхете, кафедральный патриарший собор (нынешний вид обрел в XI веке), там находится одна из главных святынь Грузии и всего христианского мира — Хитон Господень, который, как описано в Евангелии, на Голгофе делили римские воины, но он был цельнотканый. По преданию, его выкупил глава мцхетской общины евреев Элиоз и привез в Грузию, его сестра Сидония умерла с плачем, не выпуская Хитон из рук, о чем сообщают

несколько древних грузинских летописей. Они канонизированы и почитаются в день праздника Хитона Господня 14 октября.

Автокефалию Грузинская Церковь получила в V веке от Антиохийской Церкви. Полностью автокефалия была упразднена в XIX веке, и с 1811 г. законом вводилось богослужение на церковнославянском языке, при полном незнании грузинских традиций... В 1917 г. Грузинская Церковь вновь объявила о возвращении своей независимости, которая окончательно была признана много позже.

Грузия — родина давшая

«Улицы были полны крови: тщетно мы с братом Арчилом пытались отыскать Василия, тяжело раненного в бою. Нашли его лишь на третий день, в полевом госпитале с ампутированной ногой». Этой записи в дневнике молодого Григола не меньше 90 лет... Тогда все три брата отстаивали независимость Грузии в борьбе против 11-й Красной армии, и у каждого из них было впереди тяжелое и разное будущее.

— Моему отцу тогда было всего 17 лет. О младшем брате Григола тогда ничего не было слышно. Мать получала плохие известия. И Григол вынужден был вернуться домой, чтобы найти брата. Несколько дней искали... В Западной Грузии, в полевых условиях ампутировали ногу.

...Романоз Перадзе, геолог, доктор наук, ассоциированный профессор Тбилисского университета имени Святого Григола Перадзе, племянник, сын младшего брата Василия. Его называли в честь деда, священника Романоза Перадзе.

Григол Перадзе родился 31 августа (13 сентября) 1899 г. в селе Бакурцихе в Кахетии. Его отец окончил Закавказскую учительскую семинарию в Гори вместе с великим грузинским поэтом Важа-Пшавелой, служил настоятелем церкви св. Георгия. Дед будущего архимандрита по материнской линии Самадалашвили тоже был священником, до сих пор сохранилась его могила в церкви св. апостолов Петра и Павла в Тбилиси.

Романоз Перадзе умер в 1905 году, когда старшему сыну Арчилу было 10 лет, Григолу — шесть, а Василию — два года.

— В тот день был церковный праздник, — рассказывает внук.
— И много людей было на причастии. Он устал очень, стало плохо с сердцем, и ночью скончался. Григол и мой отец

родились в Кахетии, старший, Арчил, — в селе Сакашети около Гори. Тогда Романоз там служил. Потом его перевели в Бакурцixe.

— Откуда родом ваша семья?

— Перадзе родом из Зестафони, из Западной Грузии. По происхождению имеретинцы. Бабушка в Тбилиси жила, ее отец, Самадалашвили, был священником в церкви Петра и Павла на Авлабаре, и там он похоронен.

...Мариам после смерти мужа вместе с сыновьями переехала в Тбилиси. Ей помогал дядя Григола по отцу, о. Георгий, настоятель прихода в Кварели. Семья была бедной. Григол начал учиться в духовной школе в Тбилиси. В 1913 г. поступил в духовную семинарию, ректором которой был священник, известный ученый, специалист по древнегрузинской литературе и литургике Корнелий Самсонидзе-Кекелидзе. Он во многом повлиял на жизнь будущего святого. Историей раннего христианства в Грузии Григол заинтересовался уже тогда. Окончив в 1918 г. семинарию лучшим учеником, Григол получал право на поступление во все духовные академии России.

— Тогда уже Грузия объявила независимость от Российской империи, а в самой Грузии не было высших учебных заведений, только организовался Тбилисский университет. Раньше российское государство лучших учеников семинарий бесплатно отправляло в Петербургский университет или в другое высшее заведение. А сейчас было невозможно. Григол очень хотел продолжить учебу. И в 1918 г. его приняли на философский факультет. Во время учебы его призвали в армию. И вместе с братьями он отстаивал независимость Грузии, о чем пишет в своих дневниках.

...Почти три года Григол участвовал в обороне Грузии. После возвращения из армии Корнелий Кекелидзе помог ему скрыться в Кахетии, в селе Манави, где он работал сельским учителем. В сентябре 1921 г. он возвратился в университет.

— В сентябре 1921 года в Гелати было созвано Всегрузинское церковное собрание, — продолжает Романоз Перадзе. — Первый и основной вопрос был — избрание Католикоса-Патриарха. Как вы знаете из истории, Кириона, первого Патриарха восстановленной автокефальной Грузинской Церкви, убили, потом некоторое время был Леонид, который скончался, и Грузия лишилась Патриарха. Существовало две кандидатуры: Амбросий Хелая и митрополит Назарий. Избрали

Амбросия. А Назария, кстати, вместе с его священниками расстреляли, кажется, в 1924 году. Амбросия тоже не один раз арестовывали. Второй же вопрос на том собрании посвящался отправке Григола Перадзе за границу, чтобы он получил богословское образование.

— Это был первый грузин, представлявший за пределами страны Грузинскую Православную Церковь. Причем еще без всякого духовного сана.

— Да, именно так. Ему очень помог Корнелий Кекелидзе, с которым молодой студент подружился. И благодаря его стараниям Григол с рекомендательным письмом от Патриарха Амбросия направился в Берлин для продолжения учебы, чтобы получить полноценное богословское образование.

...Как говорит биография Святого Григола, в конце ноября 1921 г. он выехал в Берлин. Адресатом письма от Патриарха Амбросия был основатель «Ориент Миссион», организации для помощи христианам на Востоке, доктор Иоханнес Лепсиус, который помог получить от советских властей согласие на выезд Григола в Германию. Он и опекал молодого студента, словно родного сына. Григол записался в Берлинский университет, сдал экзамены по немецкому, греческому и древнееврейскому. С 1922 г. изучал в основном богословие и восточные языки. В 1925 г. Григол получил степень магистра богословия. В мае того же года он перешел в Боннский университет, где изучал историю религии и совершенствовал знание восточных языков, в основном под руководством известного немецкого востоковеда профессора Генриха Гуссена. За очень короткое время защитил докторскую диссертацию на тему «История грузинского монашества от его возникновения до 1064 года. К вопросу об истории восточного монашества». Исследование приобрело большую известность среди европейских ученых. Перадзе защитил докторскую диссертацию 26 февраля 1926 г., торжественное присвоение ему степени доктора философии состоялось 17 декабря 1927 года. С мая 1926 по апрель 1927 г. он учился в Брюсселе. Посещал лекции в Католическом университете в Лувене, после чего отправился в Англию. Там с апреля по июль в Британском музее и в Бодлеанской библиотеке в Оксфорде изучал грузинские рукописи. В июле ему предложили место преподавателя грузинского и армянского языков в Боннском университете, а затем приват-доцента. Он был признанным специалистом по проблемам раннего христианства на Ближнем Востоке. Григол активно включился в научную жизнь, участвовал в конференциях по ориенталистике в Бонне, Вене, начал работать в только

зарождавшемся экуменическом движении. В 1929 г. Перадзе организовал вместе с группой верующих грузинский приход св. Нино в Париже, что стало его самым большим успехом в миссии, порученной ему еще Патриархом Амбросием. Это был единственный православный грузинский приход за пределами страны. Париж стал главным центром эмигрантов из Грузии и местом пребывания эмигрантского правительства. Вплоть до 1931 г. богослужения там совершались нерегулярно. Организатору прихода было предложено стать священником, однако Перадзе отказался. Он еще выбирал между научной работой и потребностью служить Грузинской Церкви.

Во время тяжелой болезни на Рождество 1930 г., на пороге смерти, Григолу было видение, которое помогло сделать выбор. Но именно тогда неожиданно перед ним открылась возможность вернуться в СССР. Академик Н.Я.Марр предложил ему место своего ассистента в Ленинградском университете. Но решение было принято. 18 апреля 1931 г. в возрасте 32 лет Григол Перадзе принял монашеские обеты в греческом кафедральном соборе св. Софии в Лондоне. Днем позже был рукоположен в иеродиакона, а 25 мая того же года в греческом кафедральном соборе Святого Стефана в Париже — во иерея. Он был назначен настоятелем прихода св. Нино в Париже, где 31 мая 1931 г. торжественно отслужил свою первую литургию. Ради прихода он отказался от чтения лекций в Боннском университете и только изредка давал лекции в Оксфорде и Париже.

С этого времени и до своей смерти исполнял он священнические обязанности, впоследствии — в Польше, в нижней церкви собора св. Марии Магдалины в Варшаве. 8 мая 1934 г. польский митрополит Дионисий наградил его митрой. Скорее всего, отец Григол занял бы, как планировал митрополит Дионисий, почетное место среди иерархии Православной Церкви в Польше. Но об этом чуть позже...

— Насколько я знаю, мать Григола Мариам была против его священства, опасаясь, что это окончательно закроет ему путь на родину...

— Да, она еще надеялась на его возвращение... И все уже знали, что тут делают со священниками, потому и боялась.

— Когда Грузия стала советской, он писал матери, братьям, письма доходили?

— Да, до 1936 года он писал... Когда он узнал о смерти матери в 1932 году, в декабре, сказал, что это его последнее письмо, связи с родиной порвались окончательно... Он же до этого хотел

возвратиться, написал официальное письмо. И ему отказали. Василию, моему отцу, он писал, что знает, какая у нас ситуация, мол, давай не будем переписываться. Но отец настаивал на переписке. В 1936 году Григол написал последнее письмо, всё, сказал, больше не буду. Ради братьев, опасался за их жизнь. Но все равно оказалось напрасно. Старший брат Арчил не вел с ним переписку. Он был профессиональным военным. Сперва его арестовали, жена пришла к моему отцу со словами, что, мол, ты виноват, почему переписывался с Григолом, из-за вас его расстреляют. Отец возразил, он же не Арчилу, а мне писал... Через две недели и жену арестовали. Их расстреляли в 1937 году.

— Как ваш отец прошел все годы, его не тронули?

— Нет. Думаю, потому что он был инвалидом, и его легко можно было контролировать.

— Что писал ему Григол?

— Просто: как поживаешь, нужно ли что-нибудь... Они же знали про цензуру. Письма были нейтральными.

— Какие отношения были между братьями, в семье?

— Григол с Василием были друг с другом близки. Старший брат Арчил поступил в военное училище и этим себя обеспечил. Семья бедствовала, от отца я знаю, что у матери пенсия была 10 рублей или что-то вроде. А в военном училище кормили, одевали. Потом он женился и отдельно жил. А Григол остался вместе с матерью и братом, и они нуждались. Он репетиторством на хлеб зарабатывал. Арчил сначала служил в грузинской армии, а после советизации стал офицером Красной армии. Отец рассказывал, что постоянно ожидал ареста. В 20-х годах его действительно арестовали, но потом отпустили. Василий к ним не ходил, потому что боялся, чтобы из-за него брата не арестовали. Но судьба такая вещь — сколько ни пытайся... Все равно Арчила расстреляли. А моего отца, который, как все знали, воевал против большевиков, ногу потерял, особо не тронули.

— Кем был по профессии ваш отец?

— Физик. Преподавал в разных вузах, в Политехническом институте, в Институте железнодорожного транспорта... Отец мой хранил все дневники, которые вел Григол с детства до отъезда. Его письма к Корнелию Кекелидзе, где он, в частности, просил о помощи — чтобы помогли ему вернуться на родину.

Всё это наша семья давно передала в Институт рукописей. В 70-е годы отец передал, потому что хотели создать Фонд имени Григола Перадзе... Разумеется, как ученого. Дневники на польском уже опубликованы все, а детские и юношеские дневники Григола Перадзе, хранящиеся в Грузии, пока полностью не опубликованы. Говорят, почерк молодого Григола неразборчив, слова еле поспевали за мыслями зачастую...

— Такое ощущение, что у всех трех братьев, у семьи был какой-то свой крест...

— В своей статье я писал, что в XX веке сатана явился миру в двух ипостасях: большевизм и фашизм. И наша семья пострадала и от одних, и от других. Первая жертва — младший брат, мой отец Василий, который на войне потерял ногу совсем ребенком. Вторая жертва — Арчил, 37-й год. Потом — 42-й год, Григол принес себя в жертву. И не только мужчины принесли жертву в нашей семье, но и женщины. Арестовали и расстреляли жену Арчила. По прошествии многих лет 9 апреля 1989 г. во время известных событий пострадала моя жена от нервнопаралитического газа. Три дня врачи тогда не могли сказать, выживет она или нет. У нее развился паралич, она долго, до самой смерти, болела.

У Григола Перадзе есть рассказ «Судьба», написанный на польском языке и напечатанный в одном журнале в 1938 году. Он начинается так: мои предки были пастухами. Зимой со стадом овец кочевали из одного села в другое — искали места потеплее, где росла трава. И в одно прекрасное утро им слышались звуки колоколов. Но ближайшая церковь находилась примерно в ста километрах от того места, где они были, и оттуда никак не мог донестись до них колокольный звон. Это были колокола Всевышнего. И вдруг один из пастухов услышал голос, сказавший, чтобы он всё бросил, вернулся домой и начал служить в церкви. И он действительно ушел, сына отдал в духовное училище. И после этого, пишет Григол, обыкновенные пастухи стали духовными пастухами, пастырями. И там же он описывает такой случай. После окончания духовной семинарии Корнелий Кекелидзе послал его работать учителем в село Манави, недалеко от Сагареджо. Он там преподавал в школе. Тогда платили не деньгами, а сигаретами, потому что меньшевики потеряли силу, а советские еще не дошли. И эти сигареты, пишет он, мы обменивали на хлеб, еще что-то, но этого было так мало, что не хватало на жизнь, и поэтому мы работали частным образом в виноградниках. А жил он в семье, где были две комнаты. В одной семья жила: муж, жена, дети, а в другой комнате —

сестра мужа, слепая пожилая Марта. И там Григол жил. Однажды, продолжает он рассказ, когда, как обычно, мы в полдень отдыхали, у меня с собой книга была, я сел и начал читать. И вдруг подул ветер, и из книги вылетел рисунок белого ангела. В это время подошел пастух Миха. Он увидел рисунок, воскликнул, что такого ангела видел в церкви. Видимо, подразумевался древний церковный комплекс Давид Гареджи.

(Здесь хочется сделать отступление и добавить: в период вторжения советских войск в Афганистан Давид Гареджи на долгое время был превращен в военный полигон, и по сей день так и не удалось восстановить многие уникальные фрески, поврежденные во время военных учений. Одно из своих симфонических произведений выдающийся композитор Гия Канчели посвятил древнейшему церковному комплексу Давид Гареджи.).

Я, говорит Миха Григолу, видел, как он оттуда вылетел. Ты тоже, обращается он к Григолу, сможешь увидеть ангела, завтра приду, поведу тебя и покажу ангела. Другие крестьяне, услышав это, начали отговаривать, мол, сейчас там опасно — змеи. Туда никто не ходит. Нет, надо пойти, отвечает Миха. И на следующий день утром он пришел с ослами за Григолом. Не дойдя даже до этого места, осел наступил на змею, отскочил, Миха упал с осла, и его укусила змея. Григол стал сразу собираться обратно, и пишет, что сокрушался о том, что не додумался немедленно высосать из раны кровь. И пока мы шли в деревню, умирающий Миха глядел на меня, жалко, шептал, что умираю. И из его глаз, пишет Григол, на меня смотрел ангел. Это был взгляд ангела. Потом начали все ругать, почему мы туда пошли. А слепая Марта сказала, что он не виноват — это судьба. И так называется рассказ.

— Потому фильм, посвященный Григолу Перадзе, снятый поляками, назван «В поисках белого ангела»?

— Да. В фильме есть такой момент, что в деревне на осле один сидит, а второй идет. И молодого Григола изображал мой сын.

— Было ли раньше в вашей семье такое ощущение, что это какой-то необыкновенный человек?

— Об этом всё время отец говорил, что в духовном отношении он был на очень высоком уровне и всем помогал, щедрый, добрый...

— Ко всему прочему, он еще был очень красивым, это видно по фотографиям...

— Все братья такие были... От друзей Арчила я знаю, что, когда он в военной форме шел по улице, высокий, красивый, все женщины оборачивались. Григол тоже был красив, видно же... Когда поляки к нам приехали впервые — рассматривали фотографии и восхищались, какой красивый род...

— Чем занимаются ваши дети?

— Старший сын, Григол, окончил химический факультет университета с отличием, аспирантуру. Это те годы, когда распался Союз, и тогда уже институты, фабрики начали закрываться, и в этой отрасли невозможно было найти работу. И потом он поступил в университет на экономический факультет и работает сейчас в области финансов. Второй сын юрист, работает в частной фирме. У меня есть внуки.

— А потомки Арчила?

— У них, наверно, было немного атеистическое воспитание... Сыновья Арчила давно умерли: старшему было 43-44 года, тоже от сердца, как и мой дед, другой, Александр, в 55 лет — тоже от сердца. У Николая, старшего сына Арчила, были дочь и сын. Сын погиб в аварии в 40 лет. Дочь жива. У нее дети, внуки... У Александра дочь, внук...

— Есть чувство ответственности у вас, у других от того, что святой в семье?

— Да, конечно. Потомки Арчила, к сожалению, чуть дальше от духовного родства.

— Это сковывает жизнь или, наоборот, дает свободу?

— Нет, свободу такое не может давать, каждый шаг нужно контролировать, чтобы не пойти по кривой...

— В духовном смысле после канонизации стало тяжелее или легче жить?

— Нет, всё нормально. Раньше я тоже заходил в церковь, но не так регулярно, а после канонизации стал регулярно посещать церковь. И дети тоже.

— Когда впервые вы точно узнали дату гибели Григола?

— До этого в 50-х годах мы знали, что он погиб в 1945 г. в Освенциме. Всё было закрыто. Мы пытались что-то узнать, писали письма в Польшу. Они туда не доходили, все застревало в КГБ в Москве. И из Польши, оказывается, нам писали, зная,

что есть семья, потомки. Но и их письма не доходили. Мы получали лаконичный ответ, что адресата нет, а дом разрушен во время бомбежки. Но на самом деле даже дом уцелел. Точную дату узнали из писем отца Генрика. Уже в 90-е годы, после смерти отца(он умер в 1982 году). Он так и не узнал точной даты и каким образом погиб... Эти архивы Освенцима КГБ забрал. Дата сохранилась таким образом: митрополит Дионисий еще в 40-х годах обратился в гестапо с запросом о судьбе Григола Перадзе, ему передали официальную справку, где с точностью до минуты зафиксирована гибель. В архивах КГБ потом наш известный кинорежиссер Резо Табукашвили нашел тот журнал, и были все дни: допустим, 4 декабря погибли такие-то. Но страница именно с 6 декабря была вырвана.

Польша — родина приютившая

Протоиерей Генрик Папроцкий, доктор богословия, окончил Люблинский католический университет и Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже, был хорошо знаком с о. Александром Менем, о. Александром Шмеманом, и другими выдающимися священнослужителями XX столетия, а также деятелями культуры, в частности провел один день с Иосифом Бродским. Сегодня о. Генрик — настоятель церкви св. Григола Перадзе в Варшаве. Автор ряда книг и статей по православному богословию, почетный гражданин Грузии, он за 30 лет нашел и собрал уникальные документы и рукописи Григола Перадзе, чья судьба была неразрывно связана с Польшей.

Отец Генрик вспоминает времена своего обучения в Париже, где он познакомился с профессором богословского института, отцом Ильей Мелией, настоятелем единственного в то время за рубежом грузинского прихода в Париже:

— Именно отец Илья меня попросил заниматься тем, что осталось после смерти отца Григола Перадзе, который был одним из основателей этого прихода, его научными трудами, чтобы я попробовал выяснить, как он скончался, в каком лагере. Это был 1978 год. Я слышал о нем раньше: в Польше он был известный ученый среди востоковедов и людей, занимающихся православием. Но я даже не знал, что он погиб в концлагере. Тогда мы подружились с отцом Ильей Мелией, хоть и была колоссальная разница в возрасте. Я сразу стал этим заниматься, и можно сказать, что мне удивительно повезло. Я нашел много документов, почти все его работы, публикации, людей, которые лично его знали, много рассказывали, очень ценили, восхищались как профессором университета. Это как-

то совпало с тем, что Грузинский Патриархат тоже стал заниматься этим вопросом и даже думать о возможной канонизации Григола Перадзе. И тогда ко мне обращается святейший^[1] — он уже знал наверняка от отца Мелия, что есть такой человек в Польше, который собирает всё. В Польшу приехал Зураб Чавчавадзе, сын философа Нико Чавчавадзе, очень известный человек, с которым мы очень подружились, он погиб вместе с Мерабом Коставой. И он первый привез из Польши в Грузинский Патриархат все материалы, которые я смог собрать на тот момент: фотокопии научных работ Перадзе, и это стало началом серьезной работы как Патриархата, так и тбилисских ученых, потому что материалы, которые были опубликованы тогда, на Западе в том числе: в Польше, Германии — ведь Григол Перадзе писал на многих языках, — попали в Грузию впервые. Это было удивительное совпадение. В 1995 я в первый раз попал в Грузию.

— На Церковный собор как раз?

— А я не знал, что будет Церковный собор. Это тоже удивительная история. Я поехал снимать документальный фильм. Мы вообще с трудом тогда попали в Тбилиси, и вдруг в аэропорту узнаем, что будет канонизация. Нам очень повезло. Смогли сделать довольно приличный фильм «В поисках белого ангела». Надо было менять концепцию. Это уже не был фильм только о каком-то ученом, но — о святом. Но, слава Богу, очень хороший польский документалист Ежи Любах снимал совместно с Тамарой Дуларидзе. И появился фильм, который произвел огромное впечатление в Польше, ведь средний человек о нем ничего не знал. А кроме того, в первый раз после войны в этом фильме появилась информация о грузинских контрактных офицерах в польской армии, о которых тоже нельзя было раньше говорить ни слова. Сейчас в Польше узнали, что были и грузинские офицеры в польской армии, и довольно много — 108 человек, так что фильм был, можно сказать, своевременный. Очень полезный для Польши. Кроме того, я собираюсь подготовить и издать все научные труды Григола Перадзе. Планируется четыре тома. Принимая во внимание, что он скончался в 41 год, это довольно много.

— Сколько языков он знал?

— 24. Возможно, еще больше. У него был необыкновенный талант к языкам, это подчеркивали все, кто его знал. Польский выучил за полгода. Сначала читал лекции на русском для поляков, но после первого семестра пришел на кафедру и сказал: будем говорить по-польски. Год был в Дании, выучил

датский. Древнееврейский, арабский, древнегреческий, латинский, английский, немецкий, французский, армянский, грузинский, русский, церковнославянский... Он оставил работы на пяти языках: грузинском, немецком, английском, французском и польском. Но мне кажется, только потому, что такие журналы имел в своем распоряжении... Других не было тогда. Он сам основал в Париже грузинский журнал «Джвари вазиса» [«Крест из виноградной лозы», иначе говоря, крест святой Нино. — И.К.], единственный научный журнал вне Грузии. Смог издать четыре номера. Очень хорошие статьи есть, даже его поэзия, он писал и стихи. У него был еще своеобразный талант: он очень легко мог находить старинные вещи. У него была прекрасная библиотека, много старинных рукописей, палимпсестов, икон, но это всё пропало во время войны. Он из Палестины привозил, из Афона... Кстати, оставил блестящее описание путешествия на польском языке. Дневник путешествия в Сирию и Палестину, знаменитый и очень интересный даже с точки зрения польского языка. У него был блестящий литературный талант. Он фактически владел очень хорошим литературным польским языком. А во время войны опубликовал статью на немецком языке, в которой пишет о своей жизни. Дал ей такое интересное заглавие: «В службе грузинской культуре». Он считал, что это служба, или служение, не просто так. Описал свою жизнь, трудности, о ценных вещах, которые он нашел за свою жизнь — например, грузинские палимпсесты VII-VIII веков, — а также, какие у него планы на будущее. Но из-за войны закрылся Варшавский университет, где он преподавал патрологию, читал всю историю древнехристианской литературы, и знал это блестяще. К нему приходили даже с других факультетов слушать лекции. После закрытия университета он работал переводчиком в Польской Митрополии, но мы мало знаем этот период.

— Я знаю, что Григол Перадзе хотел служить Грузинской Православной Церкви, и выбирал ту церковь, где не было ни под каким видом русских митрополитов, даже если они подчиняются Константинополю...

— Да! Он всегда подчеркивал, что он священник грузинский, временно под юрисдикцией Константинопольского Патриархата. В этой статье о службе грузинской культуре он пишет, что в Париже существовал знаменитый институт, в котором, кстати, и я сам в 70-е годы был студентом. Но он не хотел там работать, ему даже предлагали преподавание, он был известным специалистом, но даже в малейшей степени не желал подчиниться русскому митрополиту. Он всегда говорил, и детально пишет в статье, что представляет Грузинскую

Церковь, и это трудно, ведь в Париже была прежде всего огромная русская эмиграция, а грузинская — маленькая. Но они все-таки смогли создать свою церковь, раньше посещали русские или греческие. Уже будучи священником, он познакомился на конференции в Лозанне в 1927 г. с польским митрополитом Дионисием. Польская Церковь была автокефальной с 1924, после I Мировой войны. Раньше были включены в Русскую Церковь. У Польской Церкви тогда было 5 миллионов верующих. Он в статье пишет буквально так: в Париже существовал институт Святого Сергия, во главе которого был митрополит Евлогий. Профессорами там были очень известные и хорошие и известные специалисты по богословию.

— Там же отец Александр Шмеман учился...

— Да, и отец Борис Бобринский. Отец Сергей Булгаков читал лекции, самые знаменитые профессора были в межвоенный период. И Перадзе пишет, что считает этот институт по уровню вторым после Афинского. Я хорошо, говорит он, знал некоторых профессоров, митрополитом был очень хороший человек, мы дружили с ним, и у меня была возможность там работать, но я не хотел начинать работу, чтобы не входить в иерархическую зависимость от русского митрополита, ведь все усилия нашего прихода были направлены на то, чтобы сохранить автокефалию Грузинской Православной Церкви. И потому, продолжает св. Григол, я вынужден был искать работу в другом месте. Так он попал в Польшу. Польская Церковь не подчинялась Русской. Это было очень важно для него — оставаться свидетелем автокефалии Грузинской Церкви, которую Русская Церковь когда-то ликвидировала.

— Я читала письмо Патриарха Тихона против автокефалии Грузинской Церкви. Он был недоволен объявлением автокефалии...

— Он также был недоволен объявлением автокефалии Польской Церкви. Они считают до сих пор, что Русская Церковь — это мать Польской Церкви. Хотя крещение Польши произошло, когда Москвы еще не существовало.

В Варшавском университете было три богословских факультета: католическое, православное, протестантское богословие. На мой взгляд, не потому что я православный, православный факультет находился вполне на европейском уровне. Здесь лекции читал не только Перадзе, но и Арсеньев, знаменитый специалист, русский эмигрант, который одновременно был профессором университета в Кенигсберге.

Он одну неделю был в Кенигсберге, одну — в Варшаве. Васдекас — знаменитый греческий священнослужитель, специалист по догматическому богословию, Глубоковский, Биднов, Зызыкин... Сам митрополит Дионисий был специалистом по христианской археологии. Так что, можно сказать, Перадзе попал в очень хорошую среду ученых, спокойно занимался своей специальностью. Его бывшие студенты говорили о его колоссальном знании христианской литературы. Он ее цитировал на разных языках, причем синхронно переводил на польский. И кроме того, после каждого своего научного путешествия он встречался со студентами и рассказывал, показывал свои приобретения — старинные манускрипты, иконы и так далее. Профессора отдалялись от студентов, а он наоборот. Особенно трогательно вспоминал его в нашем фильме ныне покойный о. Виталий Боровой из Москвы, тоже его ученик, окончивший богословский университет Варшавского университета, он был старостой курса, непосредственно контактировал с ним, принимал участие в подготовке встреч Перадзе со студентами. У святого Григола был только паспорт Республики Грузия, паспорт на самом деле уже не существовавшего государства. Он перемещался по Европе с этим паспортом — настолько сильно был связан с Грузией.

И эта благополучная жизнь обрывается 1 сентября, а вслед — 17 сентября 1939 года, когда на Польшу напали с Запада и Востока, и для него это был трудный момент жизни. Во-первых, немцы разрешили всем иностранцам уехать, и он мог спокойно покинуть Польшу: у него же не было польского подданства. Он отказался, остался в Польше. Во-вторых, ему предложили возвратиться в Боннский университет, где он раньше преподавал, и читать там лекции по истории грузинской и армянской литературы. Он тоже отказался, сделав на самом деле необыкновенный шаг, который люди, помнящие те времена, даже не в состоянии были понять. Нормальный человек, которому объявляли, что он может спокойно выехать куда хочет, если нет польского подданства, охотно уезжал, потому что началась оккупация немцами территории, террор. Он остался. Один священник вспоминал, как Перадзе кто-то спросил: «Отец Григорий, вы, конечно, уезжаете, да?» Он ответил, что нет. «Как не уезжаете?!» — «Мне надо покинуть в беде тех, кто мне раньше помог?» Это было его решение, которое обозначало одновременно и решение его судьбы. Это теперь нам ясно. И он остался на птичьих правах, со своим грузинским паспортом. О том, что он вошел в какие-то отношения с польским подпольем, есть прямые свидетельства от человека, который это хорошо знал, уже покойного

грузинского офицера по имени Вели-бек Едигар. Он был из семьи потомственных военных, азербайджанских беков, служил в грузинской армии. Уже после войны он находился в Англии, оставил довольно короткие воспоминания, где прямо написал, что немцы хотели создать Кавказскую армию из тех людей, которых взяли в плен, и из тех, кто жил на территории Польши. Они им предлагали вступить в немецкую армию, говорили, что будут организовывать Кавказскую армию, которая освободит Кавказ. Едигар пишет, что, когда узнали об этом в польских кругах, сразу решили разъяснить несчастным людям, что это ложь и никакой свободной Грузии или Армении не будет, что им нужны солдаты и только, фашистам нельзя верить. Он также пишет, что среди людей с Кавказа погибли полковник Багратиони и отец Григол Перадзе. Полковник Багратиони служил в польской армии. Возможно, Григол Перадзе принимал в этом участие и сохранил жизнь многих людей, которые поэтому и не пошли на фронт.

— Каким образом св. Григол Перадзе помогал спасать евреев?

— Надо принять во внимание, что во время Варшавского восстания в 1944 году город был почти целиком разрушен. Но часть на правой стороне Вислы сохранилась довольно в хорошем состоянии, и там, к счастью, находится наша православная Митрополия. В Митрополии я нашел в архиве его завещание и документы, которые были составлены работниками после ареста. Там есть свидетельство обыска и ареста от дворника Червинского, поляка. Немцы его взяли в понятые, и он потом рассказал очень детально, как они вошли в квартиру и сразу пошли к шкафу искать деньги. У него за книгами в шкафу была огромная сумма, доллары и фунты. В Армии Крайовой очень важную роль сыграли казначеи, где-то надо было держать эти деньги, дело опасное, потому что нельзя было иметь других денег, кроме официальных немецких, считалось страшным преступлением, за что полагался концлагерь и расстрел. У Григола Перадзе была огромная сумма... Ясно, что никак не могло у него самого быть таких денег, это невозможно. Все свои средства он тратил на путешествия, на покупку ценностей. Откуда такие деньги у священника? Он и был казначеем. Деньги предназначались немцам в качестве взятки, и они делали вид, что не замечали, как еврей уходит из гетто. Организация «Жегота», входившая в состав Армии Крайовой, наладила контакты с определенными немцами, которые были готовы брать доллары и фунты. Им говорили: во время вашего дежурства будет переходить на «арийскую» сторону один еврей, он говорил: хорошо, — и не «видел» его.

— И, спасаясь, евреи даже не знали тех людей, кто помогает им?

— Нет, абсолютно! Они даже не знали тех, кто дает взятки немцам, они знали только человека, который им передавал, что в такой-то день и час в таком-то месте вы должны выйти из гетто, вас будут ждать с другой стороны и так далее. Только это, потому что все держалось в огромной тайне. Ну а помогать евреям во время войны... Это каралось смертью.

— Есть ли хоть какая-то, приблизительная статистика, скольких спас он?

— Нет. Пока не найдем кого-то или что-то, имеющее документальное значение, не могу ничего сказать.

— Существует как минимум две версии гибели Григола Перадзе...

— Их больше. На самом деле, мы только знаем точную дату, и ничего больше. Немцы выставили официальное свидетельство смерти, где все указано. И вдобавок есть свидетельство от подпольной польской организации, которая была в этом концлагере и составила отчет для польского правительства в Лондоне. И там написано, что в 1942 году, 6 декабря, в 16 часов 45 минут, погиб в концлагере известный ученый, священник. Арестовали его 5 мая 1942-го, вначале он был в варшавской тюрьме Павяк. 18 ноября его взяли в концлагерь, а погиб 6 декабря. Для молодого сильного человека это невероятно короткий срок: две недели. Люди жили хотя бы несколько месяцев. Так что фактически там должно было что-то произойти с ним — он очень рано погиб. Одно мы знаем, что в 1945 г. в Варшавскую Митрополию пришли два человека, которые тоже находились в этом концлагере, поляки. Но ситуация была такая, что большевики посадили своего митрополита, а наш митрополит Дионисий, который стоял во главе, был отстранен от Церкви. Там происходил вывоз людей на Восток, так что все боялись. Эти два человека сказали, что все должны знать и они готовы подтвердить, что Григол Перадзе в этом концлагере взял на себя вину команды, что он воровал хлеб, которого на самом деле не брал. И за это немцы его убили. Вот только одна достоверная история. Всё остальное — уже мифологическая литература, которая обычно появляется впоследствии, и это нормально при такой необыкновенной смерти. К сожалению, работники Митрополии, те, которые там были в 45 м, не взяли даже адреса тех людей. Страх не до конца оправдывает их — хотя бы адреса могли узнать.

Нам казалось, что мы ничего вообще не сможем найти, но все-таки после ареста в 42-м кто-то спрятал все его очень важные документы за книгами в библиотеке. Как у Григола Перадзе дома за книгами были деньги, так в библиотеке кто-то спрятал его личные очень важные документы в библиотеке Митрополии. И они пролежали там 60 лет. Никто туда не заглядывал. Вдруг в 2006 г. мне позвонили и сообщили, что нашли конверт с огромным количеством документов. Мы нашли там и оригинал его докторского диплома, паспорт Республики Грузия, зачетные книжки, замечания, «информации» от профессоров Берлинского и Боннского университетов и так далее. Тогда была такая традиция в немецких университетах, что, кроме записей в зачетной книжке, они от себя писали «информации». Например, знаменитый профессор Берлинского университета Гарнак свидетельствовал, что студент Григол Перадзе в такой-то день выдержал экзамен по разговору на древнееврейском на отлично. Другая подпись — по разговору на арабском, тоже на отлично. Сохранились важные документы такого типа. Кроме того, его приглашения на работу и прочее. Нашлись документы случайно. Решили делать ремонт библиотеки. И слава Богу, раньше не трогали, иначе бы выбросили. А так уже было известно о святом Григоле Перадзе. У меня даже есть подозрение, кто мог их спрятать в те годы. Григол Перадзе близко дружил с одним дьяконом, который служил в соборе, тоже интересная личность. Его фамилия Беркман-Каренин, Каренин по матери. Он был евреем, но выдавал себя во время войны за немца, происходил откуда-то из России, и немцы не смогли узнать, что он еврей. Беркман-Каренин навещал его в тюрьме Павяк, и тогда Григол Перадзе передал ему свое завещание. Завещание сохранилось, но пока мы не знаем, куда пропали все ценности. Или вообще пропали во время войны, немцы конфисковали, или грузинская колония — человек, который виноват в его смерти. Его сдал один грузин. До войны в Польше был Грузинский комитет, который возглавлял генерал Закариадзе, очень известный в Польше военный, читал лекции в Академии Генерального штаба. И когда вошли немцы, они закрыли этот комитет и создали свой Кавказский комитет. И во главе поставили своего человека, грузина, германофила. Здесь я бы сделал маленькую оговорку. Немцы обещали грузинам свободную и независимую Грузию после победы над Советским Союзом, что было довольно-таки заманчиво. Но продавать людей — уже хуже. Григол Перадзе был абсолютно против линии сотрудничества с фашизмом, и поступил донос на него из Кавказского комитета. Потом их польские офицеры искали после войны. У меня даже есть обвинительный акт, который составили грузинские офицеры против этих людей.

Если они взяли все ценные вещи, то не могли их вывезти, невозможно было. Они вынуждены были очень быстро покинуть Германию и должны были где-то оставить. Или, возможно, это вообще пропало во время войны, много ценных вещей погибало. Режиссер Резо Табукашвили встретился в США с Георгием Накашидзе, который в довоенный период тоже преподавал в Варшавском университете. Они в свое время вместе выступали в университете, вместе составили в годовщину Шоты Руставели книгу, организацию взяли на себя. И Накашидзе передал ему этот обвинительный акт, не постеснялся выступить перед камерой и назвать тех, кто предал Григола Перадзе. Так что у нас есть свидетельства.

Кроме того, в польском военном архиве мы неожиданно нашли короткую речь св. Григола на похоронах маршала Пилсудского, это войдет в третий том его сочинений. Рукописи все же остаются, Михаил Афанасьевич был прав в этом отношении. Перадзе сказал, что в гостеприимной стране, которая стала для нас вторым отечеством, собрались сегодня все сыновья Кавказских гор: прекрасной Грузии, жаркого Азербайджана — воздать почести и помолиться за упокоевание души маршала Польши Иосифа Пилсудского, который хорошо знал и очень любил нашу родину, любимый нами Кавказ. Он сам стал легендой, сделал из Польши могучее государство, и мы, дети Кавказа, которые нашли в возрожденной Польше понимание наших страданий, нашей работы, очень глубоко чувствуем траур братского народа, были свидетелями жизни и работы маршала Пилсудского, и теперь мы должны продолжать его дела вместе с поляками для блага и величия нашего общего отечества. Аминь. Вот такая речь.

— Завещание, получается, он составил в тюрьме Павяк, между арестом и Аушвицем?

— Да, он попросил всё оставить Грузии, его личные вещи продать, а деньги дать на постройку дома для бездомных детей. Очень трогательное завещание. Потом Георгий Беркман-Каренин, когда приближался советский фронт в 1944 г., понял, что как белый русский с фамилией Каренин, снова находится в опасном положении, его арестуют, и церковный сан не спасет. Он уехал в Германию, потом в Австрию и оттуда отправился в Египет, а потом в Бразилию. И он служил дьяконом в Александрийском Патриархате. Умер где-то в 60-х годах. Произойди это хотя бы двумя годами позже, он мог бы снова иметь контакты с Польшей. А так следы его теряются.

— А если поискать в Александрийской Патриархии, куда Беркман-Каренин уехал?

— Не мог ничего найти. Никаких следов. Когда он уезжал из Польши, у него не было потомков, но это, конечно, не значит, что их не было позже. Он был женат... Жена была на десять лет моложе или больше, он стал поздно дьяконом... Я только знаю, что его жена была какая-то необыкновенная красавица. Это надо детально проверить. Разные возможны ситуации. Например, у Беркмана-Каренина могли быть дети. И может быть, они что-то знают. Григол Перадзе был с ним в очень близкой дружбе. Человек, который хотел вытащить его из тюрьмы, встречался с немцами, тоже удивительно, ведь он был наполовину еврей, хотя, конечно, немцы об этом не знали, к счастью. Но он должен был фактически очень много знать на эту тему. Возможно, он даже знал и причины всего произошедшего. Я бы даже искал не только детей Георгия Беркмана-Каренина, а знакомых его, если еще есть. Хорошая идея возникла теперь.

— Какие «земные» результаты канонизации и деятельности Святого Григола вы бы назвали?

— У нас в Польше есть картвелологический журнал «Про Георгия», без его личности не было бы никогда. Во-первых, есть святой покровитель, а во-вторых — журнал.

Кроме того, каждый год проводятся международные научные конференции имени св. Григола Перадзе в Варшавском университете. В 2001 г. была первая конференция. Прошло уже восемь. Они проводятся каждый год, приезжают люди из Грузии, из Германии, Англии, США, Испании. Мы пробуем найти всех картвелологов. Журнал стал известен в Европе. Существует две церкви св. Григола Перадзе. Одна — в Варшаве, я ее настоятель, а недавно около Белостока построили церковь его имени.

Мне кажется, это повлияло на развитие интереса к Грузии в Польше. Мы устроили три паломничества в Грузию из Варшавы. Одна полька выучила грузинский язык. Мы намерены еще раз приехать в Грузию. Уже часть его работ переиздали в журнале «Про Георгия», и эти работы выйдут в форме четырехтомника. Мне кажется, это будет иметь большое значение для развития польской картвелологии, лектората грузинского языка в Варшавском университете... Тоже интересно. В междувоенный период конференции такого типа происходили в Германии. И Григол Перадзе принимал в них очень активное участие, читал доклады, даже добился того, что обратили внимание с научной точки зрения на грузинскую литературу. И теперь это всё находится в Варшавском университете. Это тоже влияние святого, мне кажется. Хотя и в

Германии сейчас появляется интерес к этой личности. Но лекции, конференции остаются в Варшаве. Св. Григол Перадзе мечтал о том, чтобы где-то в мире были такие конференции, чтобы была возможность работы над грузинскими памятниками... И теперь это как-то реализуется.

Сохранился дом, в котором он жил в Варшаве. Дом уже хотели разобрать, теперь выяснилось, что будут делать ремонт. Так что дом сохранен. После ремонта мы попробуем сделать какую-то надпись, что в этом доме жил, работал, арестован Григол Перадзе. Неизвестно, что с владельцем дома произошло. Очень неохотно город занимается такими делами, потому что появляется потом человек и говорит: это мой дом... Тогда они предпочитают сделать ремонт, и, когда появляется человек, ему говорят: хорошо, заплати за ремонт, который мы сделали. В 2010 г. намечен ремонт. Можно повлиять, чтобы эта память о святом была связана с определенным местом в городе. Во всяком случае, если есть святой, есть и положительные результаты. Мы ощущаем даже, что есть какая-то высшая помощь.

— Кроме всего, ведь раньше о Святом Григоле Перадзе никто не слышал, а теперь знают очень многие....

— Ситуация была довольно сложная, он был эмигрантом, а в Советском Союзе эмигрантов не жаловали. Разве что фигурировал он в научных энциклопедиях как автор научных статей. У нас, к сожалению, тоже. Во всех своих работах, воспоминаниях он прямо пишет о том, что Польша для него важна не только из-за университета, но еще потому что здесь была грузинская колония. Так что были его прихожане на месте. Кто? Белые грузинские офицеры. Значит, и о них нельзя было говорить. Даже если они погибали в гитлеровском концлагере... Он был связан с офицерами, которые защищали Грузию во время вторжения 11-й Красной армии. А потом были в польской армии. И потому молчали, ничего нельзя было говорить. После войны его как бы не существовало. Даже в польских энциклопедиях. В грузинских был, но в польских никакой информации. У него была «нехорошая» компания знакомых, потому — полное молчание. Когда я начал им заниматься, уже были другие времена. Уже не то государство. И можно было спокойно публиковать, я устроил первое его поминовение в церкви, панихиду, еще не было ничего, до канонизации, пришли из Варшавского университета, в университете о нем как-то знали — там была доска с фамилиями всех профессоров, которые погибли во время войны, и его фамилия тоже, конечно, указана. Но это было

первое официальное поминание человека, который работал в университете и окончил жизнь в концлагере. Раньше существовал приказ с Востока не заниматься такими, и не трогали грузинских офицеров. Хотя архив их полностью сохранился. И теперь люди занимаются научно этим — в польском военном архиве.

— Я знаю, голоса его не сохранилось, но есть документальные кадры, где он мелькнул на заднем плане.

— Да. Это был визит в Польшу румынского Патриарха Мирона, который приезжал где-то в 1937 году как премьер-министр Румынии — тоже редкость, чтобы Патриарх был премьер-министром. Его принимали в варшавском соборе, и был фильм по этому поводу. Там в кадре появляется мельком Григол Перадзе. Фильм нашли после смерти в архиве о. Афанасия Семенюка, дружившего с ним, который был настоятелем варшавского собора, там колоссальное количество снимков. Так что, возможно, что-то еще найдем.

Дорога любви

Никозская епархия — одна из двенадцати древнейших в Грузии, основана царем Вахтангом Горгасали, основателем Тбилиси, в V веке. Функционирование епархии возобновилось в 1995 г., когда во главе ее по благословению Патриарха стал владыка Исаия. Митрополит Никозский и Цхинвальский — художник, аниматор... Окончил театральный институт, в 1993 г. принял монашеский постриг, в епархию входят Никози, Цхинвали, Джава, Ахалгори — всё, что пострадало от войны в августе 2008 года. Тогда бомбили и с земли, и с самолета. Укрыться было негде. Во время самолетной бомбежки за один день 32 снаряда упало на монастырь. Митрополит с монахами, послушниками чудом остались живы, задержавшись в трапезной. Был фактически уничтожен епископский дворец IX-X веков, полностью сгорел монастырь, а с ним и большая библиотека, анимационная студия со станками, подаренными в свое время владыке студией «Анимос» и музеем Мосфильма, его русскими друзьями. Сегодня он делает всё возможное для восстановления нормальной жизни. С аппаратурой для анимационной студии, где можно будет проводить мастер-классы для детей, ему сегодня помогают польские друзья, материалы и мультфильмы присылают друзья из России. При монастыре организована школа, на стенах в трапезной висят фотографии Важа-Пшавелы, репродукции Пиросмани... А также рисунки Юрия Норштейна, дружескими отношениями с которым митрополит очень дорожит, с дарственной надписью владыке.

— Тогда, в 1995 г., в Мцхете, в кафедральном храме Светицховели состоялся Всеобщий Церковный собор, в котором кроме епископов принимали участие священники. И было принято решение причислить к лику святых мученика Григола Перадзе. В Польше Православная Церковь тоже собирала материалы, снимался фильм про святого Григола. И так получилось, что именно в этот день в Мцхету приехал священник из Польши, который занимался исследованиями о жизни Григола, принимал участие в съемках фильма. Его пригласили на собор, и когда уже произошла канонизация святого Григола, ему как гостю из Польши предоставили слово. Это был о. Генрик Папроцкий. Я помню, что сбоку сидел и смотрел на него, и видел, как он что-то хотел сказать, но от неожиданности, радостного волнения слезы в его глазах не давали выговорить ни слова. Это эмоционально очень на нас подействовало. Помню, что и у нас появились слезы. Мы все были как-то по-особому рады... В этом было что-то очень хорошее, светлое: из Польши, где Григол Перадзе провел и кончил свою жизнь, приехали благодарные поляки, и они своим присутствием будто бы подтвердили святость Григола Перадзе.

Григол Перадзе — один из тех людей, которых я очень люблю. Он лицо своего народа. Сам Григол очень любил свою родину, в молодости его как талантливого юношу отправили за границу учиться богословию, но после аннексии Грузии в 1921 г. он не смог возвратиться, хотя и просил об этом, но ему отказали, запретили и посоветовали не приезжать. Так он невольно оказался за границей и не смог вернуться. Но он, можно сказать, практически всю жизнь служил своей Грузинской Церкви, народу, очень много трудился и в научной области, и много сделал за границей для Церкви. Он, конечно, был удивительной личностью. Я думаю, что святой Григол — всеобщий, всемирный деятель. Не только узкий, который принадлежит лишь Грузинской Церкви, грузинскому народу. Когда время принесло войну и многие находились в опасности, он старался помочь и не стал себя жалеть. Святой Григол в это время всецело отдался делу спасения конкретного ближнего человека. Помогал спасаться евреям, находившимся в ужасных гонениях и нуждающимся в помощи.

— Марина Цветаева как-то сказала, что если есть герой, значит, есть и преступление. Путь святого — иной путь. У Григола Перадзе подвиг совместил в себе героизм и святость. Что, по-вашему, делает человека святым?

— Душевные и духовные проявления человеку помогают... Если, скажем, не было бы Диоклетиана, может быть, святой Георгий и существовал бы сам по себе, но мы бы вряд ли про него узнали. Диоклетиан в чем-то помог становлению. Такие слова, конечно, немножко дерзкие, однако, возможно, иначе святой Георгий не стал бы тем, кем стал. То, что происходит трагедия, конечно, само по себе плохо, и мы не желаем ее. Но и в этом есть свой Божий промысел. И то, что зло происходит на этом свете, неудивительно, но когда при этом зле проявляется то хорошее, что есть в человеке, — это, по-моему, самое главное. Значит, никакое зло не может победить что-то очень хорошее, которое человек имеет с Божьей помощью. Для меня это гораздо важнее, чем существование зла. Пало человечество, и с того времени зло присутствует в каждом человеке, борется с каждой личностью. Но большое счастье, и мы очень рады тому, что он был одним из нас, родившийся здесь, в нашей стране, и в своей семье, в этой среде научился чему-то настоящему, что помогло ему с Божьей помощью — без Него ничего не может человек — положить голову свою за ближнего своего, и святой Григол стал тем, кем он стал, из-за чего мы очень любим и ценим его деятельность.

С 1921 г., после вторжения Красной армии и аннексии Грузии, обстоятельства породили множество личностей. Среди них был любимый народом Миха Хелашвили. До вторжения советской власти он служил дьяконом в деревне и учил детей в школах. Он был призван к такому служению. Он был и поэтом, хорошим поэтом. Его стихотворения очень известны в народе, некоторые стали песнями. Но обстоятельства сделали его, по выражению советских властей, разбойником, бандитом. Кажется, ему был 21 год, когда его убили. Он служил в горах. И в дни гонений церковь доверила Михе охранять церковные иконы, драгоценную церковную утварь, и потому он, говорят, носил с собою маузер.

Однажды, когда комсомольцы пришли к его соседям — в доме только женщины были, искали хозяина, — стали их оскорблять и отбирать имущество, он заступился. Тогда у него отобрали маузер, его тоже хотели схватить, но он успел скрыться в лесу. Так и оказался «разбойником», и всех, кто протягивал ему руку помощи, или расстреливали, или переселяли, или сажали в тюрьмы. Преследовали и семью Михи Хелашвили — мать, жену и дочь. У него есть стихотворение, написанное после того, как убили его мать. Когда мать с семьей переезжали с места на место, чтобы их не нашли, комсомольцы их догнали по дороге, мучили ее, чтобы узнать, где сын, под пытками мать умерла. И в стихах Миха говорит: убили мою мать, я такой несчастный,

что даже врага нет достойного у меня. Конечно, когда дьякон берет оружие, ему приходится воевать, это трагедия. Трагедия и времени, и страны. Такого не должно было произойти, но если посмотреть по-человечески, можно понять, почему Миха взял в руки оружие...

В 1924 году в Грузии было восстание против большевиков. Восстание подавили. Отряду Какуцы Чолокашвили^[2] советская власть предоставила коридор к морю с условием оставить без боя страну, и он был вынужден согласиться. Вместе с отрядом должен был покинуть страну и Миха Хелашвили, но он отказался оставлять родину и семью, сказал: «Знаю, что меня убьют здесь, но не могу уехать».

Человек, который в нормальной обстановке должен был быть учителем, заниматься творчеством, как дикий зверь был загнан в лес и скрывался от преследования. Не щадили тех, кого даже просто подозревали, что помогает Михе. Оставался очень узкий круг, куда Миха мог приходить. Около леса был дом друга, как-то он пришел туда днем, и, как обычно, друг брил ему бороду и, когда поднес лезвие к горлу, Миха сказал ему: «Брат мой, я вижу, ты задумал убить меня. Перережь горло, и оба успокоимся». Друг ответил: мол, как такое ты можешь говорить, раньше я себя убью, чем тебя. Потом стали хинкали готовить, пришел другой друг, и в описании этого случая говорится, что Миха в тот день пил много водки, чтобы не быть трезвым, когда это произойдет. Во время застолья он вынул пулю и сказал другу: когда будешь убивать меня, выстрели ею, она быстро прикончит меня. Потом он напился, и его будто перенесли в безопасное место — в сарай. Ночью пришли комсомольцы. В первый раз друг ударил прикладом, говорят, что у него дрожала рука. Но знающие свое дело комсомольцы выстрелили в голову. Оставили на ночь, а на другой день сделали инсценировку, будто ловили Миху и в перестрелке случайно убили. Тело перетаскивали и бросили около администраторского здания. Днями он там валялся. Существует фотография. Никто не мог похоронить — все боялись. Через неделю сестра с помощью друга ночью тайком пришли и выкрали тело. В горах было принято в случае опасности человека расчленять, по частям класть в мешок, чтобы никто не догадался, и так она днем пряталась, ночью перетаскивала мешок и похоронила своего брата рядом с матерью. Вот такая жизнь. У меня возникает ощущение, что у Михи есть какое-то духовное родство с Григолом Перадзе, словно святой Григол из этого же племени: они не уходят от опасности, готовы служить Богу и принести себя в жертву ради ближнего... По-другому, наверно, Григол не мог. И когда была

опасность, нужда в помощи, Григол Перадзе хотел оставаться именно там и не укрываться ради своей безопасности.

— Вы сами отчасти прошли войну. Не сравнить, конечно, со второй мировой, но тем не менее... Сначала — послушание в Абхазии как раз в 90-е годы, потом август 2008-го, когда вы не один день находились непосредственно под бомбежками, помогали спасать людей и даже животных... Возможно, поэтому тоже вам более близка и понятна какая-то мотивация поступков святого Григола, вы яснее чувствуете движения его души?

— Вы знаете, я остался там по благословению Патриарха. Кто-то считает это героизмом, но я не вижу никакого героизма. И не даю такой оценки, и не смотрю так на это. Когда отец может своего сына оставить в такой ситуации — в данном случае Патриарх меня, — то не говорит ему: береги себя, чтобы с тобой ничего не случилось, — а напротив: оставайся в опасности, там, где есть нужда... Без большой любви отец такое не может сыну сказать, и я очень ценю и благодарен ему за это. Победа и поражение — очень условные понятия. В житиях святых, личностей, перед которыми мы склоняем головы, видим, что они в миру были часто поражены, но именно своим поражением, своим служением Господу, ближнему своему и своей смертью они побеждали зло и давали смысл и оправдание существованию самого человека. Внешне так смотрится, будто наша страна проиграла, но ко мне приходили мысли, что если есть у народа такие отцы, которые могут своих сыновей не так беречь для себя, а отдавать их служению Богу, народу, ближнему своему, это не поражение, а напротив, и у такого народа, думаю, есть будущее.

Святой Григол примирился с тем, что не вернется в Грузию — думаю, из-за того, что его на это благословила Церковь: продолжать учебу, вести научную деятельность и нести такое, не менее важное, служение. Он знал, наверно, что по приезде в страну свою может разделить судьбу многих, будет убит, и думаю, что для него это было бы гораздо легче (что произойдет, пусть происходит), чем оставаться за границей и оттуда следить за тем, что творится на его родине. Я в его жизни вижу мученичество и в том, что он остался на чужбине и не разделил участь многих, а каждодневно нес мученическую боль, не щадил себя, трудился в научной сфере и таким образом нес в себе сострадание своему народу. А в конце жизни, во время II Мировой войны, когда не было никаких гарантий, он оставил всё свое богатство, научные труды, которые могли бесследно исчезнуть, многое так и пропало, пожертвовал всем и принес в

жертву самого себя, помогая евреям, находившимся в жесточайших условиях, из-за чего попал в концлагерь. И там, когда по какой-то причине хотят убить каждого пятого человека, берет на себя вину другого и погибает за ближнего своего. Думаю, всё человечество может гордиться им. Мы в нем, в его пути, видим, как может прожить человек свою жизнь. Как говорится, дерево познаётся по плодам его. И он своей жизнью проложил дорогу любви ко многим народам и соединил сердца многих людей. И это, наверно, и делает его всемирным деятелем и святым.

— Когда Никозская епархия перестала существовать?

— Независимость, автокефалию Грузинская Церковь получила в V веке, Никозская епархия — одна из двенадцати епархий, основанных тогда царем Вахтангом Горгасали. У нас в Никози, в церкви — кафедральном соборе епархии, — похоронен грузинский первомученик святой Ражден (V век). Он был наставником жены царя Вахтанга, принял христианство и был распят на кресте бывшими соотечественниками — персами за то, что не отказался от Христа. Епархия исчезла, как и многие другие епархии Грузии, в 1811 г. при царской России, когда была отнята независимость Грузинской Церкви и ее подчинили русскому Синоду. Тогда запретили богослужение на грузинском языке, что вызвало большое недовольство в народе, и народ впервые отпал от Церкви. Во-первых, люди не знали русского языка, а с другой стороны, это воспринималось как оскорбление, был протест против такого насилия. Грузинская Церковь вернула свою независимость в 1918 году. Восстановлена наша Никозская епархия Священным Синодом и Патриархом в 1995 году.

— Почему в Грузии нет церквей святого Григола? В Польше есть...

— Думаю, пока нет. В Польше — понятно, почему. И если бы Грузинская Церковь не причислила Григола к лику святых, это бы рано или поздно, наверно, сделала Польская Православная Церковь. В Грузии Православная Церковь, христианство как государственная религия существует с IV века. Мы прошли через многое, здесь были тысячи и тысячи мучеников за христианскую веру. В Грузии, наверное, нет села, в котором хотя бы одна церковь не стояла, а есть сёла, в которых 12 и больше церквей. Например, в Эредви, селе, которое после войны сравнивали с землей, сожгли все дома...

Еще не очень много времени прошло после канонизации святого Григола. Он очень любим в нашей стране, и такую

церковь, думаю, обязательно построят в будущем. Это очень хорошо, что церковь святого Григола Перадзе уже существует в Польше. Это тот мост, который он проделал своей деятельностью и своей кончиной. С поляками мы всё время чувствовали близость, и Григол Перадзе еще заложил особый фундамент в эти отношения.

— Институт святости... Очень точны и понятны слова о. Александра Меня, который говорил, что надо не столько святым молиться, сколько просить их молиться вместе с нами и за нас Богу. Потому что иногда это превращается в некое язычество: начинаешь поклоняться определенным святым и забываешь о Боге...

— Есть святые, которые нам близки по духу. Особенно те, кто по времени к нам близко находится. Но и время даже не имеет существенного значения. Святой в IV веке может быть ближе, знакомее и понятней, чем человек, который рядом живет. Но если кто-то думает, что стоит обратиться к какому-то святому, тот помолится, а человек может продолжать вести ту же самую жизнь, которой жил, то это, конечно, ошибка.

Иногда в горах так поклоняются Богу: высокие места, церковь на горе стоит. Например, в горах у нас в год раз справляется праздник Геритоба — в честь святого Георгия. В нашей епархии церковь св. Георгия находилась в ущелье Маленькое Лиахви... Три недели подряд каждое воскресенье после праздника Богородицы народ поднимался, и грузины, и осетины. Я тоже бывал несколько раз. Сейчас-то грузины туда не могут подниматься после всего этого.

Там по-своему поклонялись Богу, и в этом, думаю, было немало язычества. Кто-то жертвовал овцу и полагал, что многое этим сделал и так угодил Богу, а потом спускался с горы довольный, не думая что-либо изменять в своей жизни, начать новую жизнь, искренне христианскую. Рассказывали разные истории и удивлялись тому, что, спускаясь с горы, а там много пили вина, пьяные за рулем падали в пропасть и с ними ничего не случалось. Это, может быть, и правдивые истории, но просто для меня было немножко смешно: для чего они должны были падать в пропасть из-за нетрезвости? Разве Богу такое угодно? В Писании говорится о другом: «Жертва Богу дух сокрушенный». Господу благоприятнее, если ты пожертвуешь сердце свое Ему, то есть постарайся начать новую жизнь, так, как учил Господь. Когда человек думает, что святой или Бог сделает за него всё... Конечно, без Бога ничего не возможно, но сам человек должен идти, хотеть, стараться.

Смешные случаи тоже бывали. Например, один человек каменщиком работал у нас, очень хороший, порядочный. И через некоторое время его родственники, уже считая его знающим церковное дело, спросили, можно или нет для панихиды усопших класть на стол горькое, например перец. Он их привел к нам и у нас спрашивает то же самое. Я в первый раз такое услышал. Если наш Бог такой, что сейчас смотрит на стол и ждет, положат ли они перец, а потом радуется, то с таким Богом я ничего общего не хочу иметь. Ничего плохого об этих людях не говорю, но они еще не вникли в христианство, не знают его, пока на каком-то другом уровне живут. И мы все на каком-то уровне находимся, и мы все, наверно, на более глубококом уровне должны познать Бога.

— Вы как-то сказали, что гораздо важнее любой канонизации святость самого человека, как человек живет...

— Да, во всяком случае то, что человек может умереть за другого, говорит именно о служении и Богу, и человеку и об истинном служении своему народу тоже, находясь даже вдали от своей родины... Служение личности, конкретному человеку, и Богу — это синонимы. Для меня это служение и своему народу, и всему миру.

Не так часто, к сожалению, Православная Церковь канонизирует и чтит людей, спасавших евреев, любых иноверцев, а ведь главная заповедь Христа: возлюби ближнего, независимо от того, кто он, какой веры, нации, пола, возраста. И для человека, далекого от религии или, наоборот, с какой-то устоявшейся конфессиональной самоидентификацией такой факт достаточно удивителен и, возможно, значителен. И даже может привлечь здравомыслящих людей к Церкви... По крайней мере, тех, кто хоть как-то близок к христианству. Потому что факт канонизации такого человека — безусловный христианский поступок.

До сих пор не посажено дерево в Иерусалиме, на Аллее праведников в Яд-Вашеме, музее Катастрофы европейского еврейства, потому что, по правилам музея, нужен документ — свидетельство хоть одного потомка спасенных евреев. Файл в Яд-Вашеме, посвященный святому Григолу, открыт с 1995 года. Свидетельства ждут и ищут как в Израиле, так и в Польше — и повсюду, где есть желающие найти, хотя ввиду обстоятельств того времени надежды уже мало.

В декабре он погиб, через 53 года в декабре его канонизировали, и два земных отечества, слившись во что-то большее, стали частью двух других, наверное, более истинных родин, а точнее, двух истин этого действительно всемирного святого: Землей и Небом.

В Грузии и Польше продаются иконы святого Григола Перадзе, работает университет его имени, проводятся разные мероприятия... Сегодня, скажем, в его родном отечестве, о нем знает и может рассказать со своими собственными деталями и профессор, и шофер такси.

Короче, обычная земная жизнь святого и неизвестная нам небесная...

-
1. Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II.
 2. Профессиональный военный, боровшийся против советской власти, национальный герой Грузии. Умер во Франции.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Смешение культуры с политикой не всегда идет культуре на пользу, хотя, случается, их контакт интересно искрит, иногда даже вызывает любопытство широкой публики. На это обращает внимание Ежи Пильх в своем знаменитом дневнике, который он пишет для «Пшекруя», — с его текста я всегда начинаю читать этот еженедельник. В последнем отрывке (2010, №43) он обращается к своему другу — между прочим, выдающемуся знатоку поэзии и критики — Мариану Стале: «С момента, когда мой старый приятель Мариан С. начал писать в «Тыгоднике повсехном» политические фельетоны, невероятно возросли его политические знания, ориентация и интуиция. Ничего неожиданного: политикой Мариан интересовался всегда, всегда за ней следил, всегда имел в этой области ясно выраженное собственное мнение. Когда же он начал оглашать свои «Откровения аполитичного» (может, не сразу, но через несколько недель — точно), стало заметно, что он знает секреты плетения, узелки и изнанку политических гобеленов, что он всё более углубляется в закулисное, кулуарное, тайное политическое знание. Интуицией всего не объяснишь. Он заранее знает факты, знает, какие предстоят персональные рокировки, ориентируется в содержании тайных встреч и совещаний. Он почти никогда об этом не пишет, лишь иногда пользуется понятными только посвященным аллюзиями, — ничего удивительного: он сам один из посвященных».

Интересы краковского критика и литературоведа, впрочем, ничуть не уникальны: достаточно вспомнить глубокую традицию, к которой в заголовке своих фельетонов апеллирует Сталя, восходящую к монструозному в своем величии эссе Томаса Манна «Размышления аполитичного». Все-таки было бы по-своему интересно и, уж конечно, не лишено глубокого смысла разобраться, что именно понимают авторы подобных записок под «аполитичностью». Я, например, перестал заниматься политикой, когда понял, что она наконец перестала заниматься мной. Это не значит всё же, что я лишен интереса к политике, — я свободен по отношению к ней, но не от нее. И в этом, наверное, всё дело.

И это, наверное, относится ко всем, кто делает политику объектом своего внимания в литературе, в особенности когда речь идет о том, к чему ученые мужи применяют название «историческая политика». Любопытным примером такого отношения к политике и истории стала почему-то не замеченная критикой совместная книга Стефана Хвина и Кристины Лярс с описаниями альтернативного развития разных эпизодов истории Польши. Эту работу обошли молчанием скорее всего из-за ее коварства и своего рода стремления рассчитаться с польским мышлением о прошлом. Альтернативную историю, к тому же в больших исторических панорамах, представлял в своей прозе и Теодор Парницкий, ныне, как представляется, несправедливо забытый писатель, чьи циклы романов так и не дождались широкого внимания. А тем временем эта тема завоевывает у нас всё большее место, о чем занимательно пишет на страницах «Польска-Таймс» (2010, №233) Мариуш Грабовский в очерке «Альтернативная история, или Лекарство для улучшения польского самочувствия»:

«Кто придумал господствующую сегодня моду на написание альтернативной истории Польши? Наверное, уже покойный ныне профессор Павел Вечоркевич, который много лет назад на одной из лекций признался, что охотно прочитал бы хороший роман, в котором поляки во время войны сначала громят Германию и Советы, а потом плечом к плечу с янки маршируют на Токио. Но все же действительная пальма первенства в сфере альтернативных фабул принадлежит Каролю Ижиковскому [выдающемуся литературному критику первой половины XX века и автору знаменитого романа «Остров»]. (...) Но через семьдесят лет после его смерти альтернативная история у поляков популярна, как суши-бары. Она проникла на книжные прилавки, в газеты, университетские аудитории и, конечно, в интернет, где множатся страницы, посвященные возбуждению польского национального тщеславия. Социологи квалифицируют это как проявление национальных комплексов, а литературоведы наверняка скажут, что во всем виноват Филип К. Дик, который полвека назад своим «Человеком в высоком замке» ввел альтернативность в кровообращение глобальной поп-культуры. Это его литературные внуки трактуют исторические факты как повод смастерить что-то для нашего воображения. Польская литературная альтернатива расцвела полным цветом и, что характерно, всё больше сворачивает на национальную специфику. (...) Иногда можно поболтать о том, насколько позитивно (или наоборот) замкнутость альтернативной литературы в рамках национальной шумихи влияет на ее

уровень, но решающее слово, в конце концов, — за посетителями книжных магазинов».

После этого вступления Грабовский проводит обзор самых популярных позиций в списке этой литературы, посвященной альтернативной истории. Наиболее известным писателем в этом роде признан сатирик Мартин Вольский:

«Он начал еще в 2003 г. историческим вывертом на тему, что бы случилось, если бы 20 июля 1944 г. графу Клаусу фон Штауфенбергу удалось покушение на Гитлера. Ясное дело: на пороге третьего тысячелетия мы были бы гражданами Автономной Привисленской Республики в братской семье Социалистической Европы Советских Республик. (...) Сюжет о творчестве Мартина Вольского завершим упоминанием его последнего произведения «Одна проигранная битва». На этот раз поворотным пунктом национальной истории становится Варшавская битва 1920 года. Мы получаем от Советов невообразимого пинка и навеки укладываемся под коммунистическую оккупацию. (...) Если автор «Альтерленда» лучше всего чувствует себя на поле развлекательной альтернативы, то Щепан Твардох, автор «Вечного Грюнвальда», — это литературный пессимист. Но с тягой к философствованию, ибо судьбу своего героя Пашко он растянул в потоке времени и сделал ее линией столкновения между онтологически враждебными нациями — поляками и немцами. Квазигегелевский тезис, что хитросплетения истории двух народов создают неразрешимый конфликт, проявляющийся в повседневной жизни, в войнах и даже в миропонимании, кажется очень эффективным. А все время реинкарнирующийся в очередные воплощения Пашко, по рождению внебрачный сын Казимира Великого, служит Твардоху для понимания, что объединить нас может только смерть, — как это и произошло под заглавным Грюнвальдом, где идеи, движущие обоими народами, совокупно материализовались в ужасной резне».

Следующая книжка, рассмотренная Грабовским, — это роман Мацея Паровского «Гроза. Бегство из Варшавы»:

«Итак, по Паровскому, в 1939 г. мы смели немецкие танки одним движением могучей десницы Рыдз-Смиглого. Посрамленный Гитлер позорно скрывается, а Польша становится мировой силой и пользуется этим во всей полноте и без ложной скромности. (...) Своей «Грозой» Паровский льет терапевтический мед на израненное польское сердце. (...) В производимых поточным методом альтернативных забавах кроется, с необходимостью, зерно лицемерия, которого

писателям удастся не замечать. Умасливать поляков, чья повседневная действительность — это невыплаченные кредиты, изнурительные очереди к амбулаторному врачу и льющаяся из телевизоров тупость политиков, чтобы в воображении они ощутили себя властителями мира, — в этом есть что-то от шарлатанства, ментального фокусничества, тайного утешения для парий. (...) Наверное, мы еще не раз прочитаем, как мы покорили немцев и русских, как завоевали Прагу, отбили Вену, а наши самолеты бомбили Нью-Йорк. По Варшаве ходят слухи, что неутомимый Мартин Вольский уже уселся за очередной роман».

Вопрос же, на самом деле, более серьезен и глубок, чем кажется Грабовскому. Эти альтернативные романы и рассказы, приправленные национальным соусом, угнетают не только стандартной пресностью — такого типа развлекательной литературы в современном мире предостаточно, — но попросту отсутствием воображения. История идет в них по раз и навсегда навязанным правилам, словно авторы по сей день остаются старательными и верными учениками курсов марксизма-ленинизма для безграмотных. Победившие в войне с Польшей в 1920 г. Советы навсегда остаются коммунистической, не подверженной изменениям системой, отношения между европейскими народами — навеки одни и те же, стихия истории замирает в неподвижности. Этот мир «исторического и диалектического материализма» — какой-то заповедник мысли XIX века, где, судя как по порожденной ею литературе, так и по поведению на политической сцене, навсегда увязли польские правые. И признаюсь, что во всем этом меня задевает не отмеченное Мариушем Грабовским «шарлатанство», а внушение полякам, что они до конца света останутся неизменными, неспособными реагировать на то, что происходит в мире, глухими к новым идеям, замкнутыми в ультраконсервативном, домодернистском, насквозь провинциальном мыслительном пространстве.

В то же время, конечно, есть где проявить себя тем, кто ставит перед собой задачу написания альтернативных историй. Лично я, скорее, не заинтересовался бы романом о том, что происходит после разгрома, который польская армия учинила советским и нацистским войскам, ибо по сути своей замысел в литературном смысле лишен занимательности. Зато с интересом прочел бы рассказ Эдгара Аллана По о его участии в польском восстании 1830 года (сейчас как раз 180-летие). На мысль о возможности такого альтернативного произведения навела меня статья Адама Венгловского «Порыв духа»,

помещенная в последнем «Тыгоднике повшехном» (2010, №46). Автор в связи с годовщиной восстания пишет:

«Когда 180 лет назад вспыхнуло польское восстание, Америка поддержала его всей душой. В помощь полякам собирались деньги, записывались добровольцы. Среди них был и некий Эдгар Аллан По. «Не имея уже ничего, что связывало бы меня с родным краем, лишенный перспектив и друзей, я бы хотел при первом подходящем случае направиться в Париж, чтобы при поддержке маркиза Лафайета попасть, если это возможно, в польскую армию». Так в марте 1831 г. писал кадет Эдгар Аллан По полковнику Сильванусу Тэйеру, своему начальнику в академии в Вест-Пойнте. Хотел ли в самом деле будущий легендарный писатель сражаться в польском восстании? Что им руководило?»

Кратко охарактеризовав фигуру автора невероятных рассказов, Венгловский продолжает:

«Дед писателя, Дэвид По (1734–1816), был генералом во время американской Войны за независимость. Его хорошо знал упомянутый в письме Эдгара маркиз Мари Жозеф де Лафайет (1757–1834), французский союзник сражавшихся американцев, символ тогдашнего «интернационала», поддерживающего народы, борющиеся за свободу. Когда в 1824 г. этот герой Франции и США вновь приехал в Америку, уже с сентиментальным визитом, он навестил, по мнению части историков, и семью умершего друга, и познакомился с его внуком. Это бы объяснило, почему о легендарном маркизе идет речь в письме. Есть и другая возможная причина. Она могла бы свидетельствовать, что Эдгара интересовала судьба «польского дела». Еще в январе 1831 г. в Париже возник Франко-польский комитет во главе с Лафайетом, а в письме к своему командиру По утверждает, что Франция, несомненно, поддержит Польшу в ее борьбе, — в этом его могло убедить создание комитета. Эмоции По могли подогреваться пропольскими настроениями в Вест-Пойнте. В академии (ее укрепления проектировал Костюшко) организовали даже сбор денег для восстания. Деньги попали Лафайету, по инициативе которого в июле 1831 г. был создан также Американско-польский комитет в Париже, по примеру Франко-польского комитета. (...) Американских добровольцев уже ожидали во Франции. Здесь первую роль играл писатель Джеймс Ф. Купер. Автор «Последнего из могикан», живший тогда в Париже, стал председателем Американско-польского комитета (ранее, в 1830 г., он познакомился в Риме с Мицкевичем). Купер выпустил пламенное воззвание о помощи полякам в их борьбе за свободу.

Об этом писала американская пресса, об этом говорили на митингах в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии, Вашингтоне, Балтиморе. Были собраны тысячи долларов. Организовался отряд добровольцев: осенью 1831 г. из двухсот американцев, пришедших на информационную встречу в Нью-Йорке, около 30-ти выразили желание поехать в Польшу. Но было уже поздно: восстание потерпело поражение. Так что По своих планов не осуществил. Возможно, ему помешала болезнь и смерть брата, который умер летом 1831 года? Так или иначе, единственным американцем, принявшим участие в восстании, оказался хирург Пол Фицсимонс Ив: он попал в Польшу с группой французских врачей-добровольцев из Парижа, где учился. Сто лет спустя польские эмигранты в знак признательности поставили ему памятник в его родной Огасте в штате Джорджия».

Представим, однако, что история пошла бы несколько иначе, что Эдгар Аллан По, творчество которого с таким успехом распространил в Европе Бодлер, переправился через океан и сумел присоединиться к сражающимся польским повстанцам, после чего счастливо возвратился в Америку. Осталось бы его участие в этом освободительном движении без влияния на творчество? Сомневаюсь, — в принципе, мы всегда пользуемся в писательстве собственным опытом. А если так, то, наверное, можно бы написать «повстанческий» рассказ Эдгара Аллана По. Уверен, если бы такой рассказ действительно был написан, иначе бы выглядела вся польская литература. И ход политических рассуждений Мариана Стали, столь внимательно прослеженный Ежи Пильхом, пошел бы, конечно, по иным рельсам, нежели те, по которым вынужден идти сейчас. И уж безусловно другой, в том числе художественный, аспект могла бы получить польская литература, говорящая об альтернативной истории. В конце концов, мы знаем, что взмах крыльев бабочки в Новой Зеландии завершается опустошительным ураганом на Кубе.

...ДАБЫ ДУРОСТЬ КАЖДОГО ВИДНА БЫЛА

Отношение к Польше и полякам уже по меньшей мере два столетия служит своеобразной лакмусовой бумажкой для российских либералов. Так было в 1831-м (когда даже Пушкин не избежал соблазна осудить поляков и призвать к расправе: «...их надобно задушить и наша медленность мучительна. Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря, мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был в прочем наш образ мыслей...», на что адресат этих строк — Вяземский — ужаснулся), так было в 1863-м (когда мало кто из русских поддержал поляков, кроме Герцена). И по сей день Катынь и Варшавское восстание продолжают будоражить российское общественное сознание: достаточно заглянуть на какой-нибудь форум, посвященный Второй Мировой войне, коих в Интернете великое множество, или пробежаться по заголовкам в секции истории любого крупного книжного магазина, чтобы убедиться в живучести советских мифов о расстрелянных немцами польских офицерах или о вызванной исключительно оперативной обстановкой остановке 1-го Белорусского фронта под Варшавой летом 1944-го.

Между тем не только экономические проблемы продолжают разделять два славянских народа, история — как кажется — разделяет нас не в меньшей (если не в большей) степени.

С одной стороны, расстрелы поляков НКВД признаны российским руководством (нарочито нехотя и с различными оговорками), с другой стороны, уже в школьные учебники истории проникла и подается чуть ли не как исторический факт совершенно безосновательная версия о том, что Катынь, Медное и Старобельский лагерь — отмщение за судьбу советских военнопленных 1920 года; с одной стороны, наличие у СССР совершенно определенного взгляда на послевоенное устройство Польши (в которое лондонское правительство и Армия Крайова решительно не вписывалась) сейчас мало у кого из специалистов вызывает сомнения, с другой — версия чисто военных причин длительной «оперативной паузы» на направлении главного удара по-прежнему имеет немалое количество приверженцев.

18-19 октября в подмосковном Новогорске проходил российско-польский семинар «Россия — Польша: как нам лучше понимать и помнить наше прошлое?», организованный Клубом региональной журналистики в рамках проекта «Клиотерапия». Цель этого проекта состоит в том, чтобы те, кто участвует в формировании общественного сознания на современном этапе — в первую очередь, ученые, журналисты и школьные учителя — могли совместно обсудить наиболее острые проблемы, разделяющие российское общество и другие народы (в первую очередь, естественно, Восточной Европы). Благородна ли эта цель? Безусловно. Действенен ли этот метод? Да, разумеется; автор этой статьи почувствовал это на себе еще в июле, во время первого семинара по проблеме голода 1932-1933 гг. (совместно с украинской стороной). Однако почему-то такой семинар проводит небольшая общественная организация, а государство, устами своего премьер-министра мягко упрекающее наших восточных соседей в отсутствии стремления к примирению, такую работу вести не хочет. То ли понимает, что на Маркова и Затулина поляки не поедут, а других «своих» у него нет, то ли просто уютно себя чувствует в ситуации сохраняющегося взаимного непонимания и даже неприятия.

Центральной проблемой обсуждения было выбрано Варшавское восстание 1944 года (хотя, разумеется, не были обойдены вниманием и Катынь, и проблема советских пленных, и послевоенная судьба Польши). Выступающие как с российской, так и с польской стороны (крупные историки, доктора наук) обозначили имеющиеся расхождения, сформулировали возможные пути сближения позиций, журналисты и учителя активно участвовали в дискуссии и, без сомнения, много для себя вынесли; не сомневаюсь, что это новое знание найдет своего конечного потребителя: читателя, слушателя, школьника. К сожалению, их будет немного.

Восстание, начавшееся 1 августа 1944 г., преследовало вполне определенную цель: польское правительство в изгнании и командование Армии Крайовой хотело встретить части Красной армии в качестве хозяев уже освобожденной столицы. На встрече главы правительства Миколайчика со Сталиным (она состоялась через три дня после начала восстания) это должно было стать дополнительным аргументом в пользу того, что судьбу послевоенной Польши должны определять сами поляки. Однако восставшие переоценили собственные силы и недооценили решимость гитлеровцев сражаться на этом рубеже. Силы же 1-го Белорусского фронта остались на достигнутом рубеже на противоположном берегу Вислы, не

оказав никакой существенной помощи сражающейся Варшаве (если не считать попытки прорыва к городу 1-й армии Войска Польского под командованием генерала Берлинга, которая была предпринята слишком поздно, когда восстание было уже обречено). В ходе восстания потери среди активных участников борьбы убитыми, ранеными и пропавшими без вести достигли 40 тыс. человек, среди мирного населения — 120–150 тысяч (немцы потеряли около 2 тысяч убитыми и около 10 тысяч ранеными). Варшава была практически полностью разрушена. 3 октября командование АК объявило о прекращении восстания.

Одним из самых болезненных моментов в последующих советско-польских отношениях стал вопрос о мотивах этой остановки. Советская сторона обвиняла руководителей восстания в авантюризме и утверждала, что пассивное поведение советских войск вызвано усталостью войск после грандиозной операции «Багратион», в ходе которой была освобождена Белоруссия, и колоссальными потерями, растянутостью фронта, отставанием тылов и приоритетностью задач на Балканах. В польском обществе говорили о стремлении Сталина руками немцев уничтожить цвет польского подполья и тем самым облегчить себе задачу установления контроля над послевоенной Польшей.

Версии эти бытуют как в науке, так и в обществе по сей день. Историками проводится большая работа, рассекречиваются и издаются документы (в том числе необходимо отметить такой замечательный опыт, как совместное издание документов из российских и польских архивов, предпринятое Польским институтом национальной памяти и Архивом ФСБ несколько лет назад). На сегодняшний момент прямых доказательств наличия сталинского «стоп-приказа» не обнаружено, а значит, исторические дискуссии будут продолжаться.

Однако вот о чем я думал на протяжении всех этих двух дней: нас разделяет не история.

Нас и поляков, нас и украинцев, нас и эстонцев (нас и грузин, в конце концов!) разделяет настоящее...

Современное российское общество расстается со своим имперским прошлым далеко не с улыбкой на устах. Огромное число наших сограждан испытывает ностальгию по временам, когда Советского Союза боялось полмира. Образ коварного, неблагодарного, мстительного соседа нужен таким людям как воздух. Думаю, в Польше они тоже есть.

В истории, к сожалению, можно найти аргументы в поддержку практически любой точки зрения; особенно это верно в отношении народов, живущих по соседству более тысячи лет. Сторонники концепции извечной злонамеренности поляков припомнят им и участие в разделе Чехословакии, и 1919-й, и войну на стороне Наполеона, и Смуту, и даже участие в усобице Ярославичей в XI веке. Их польским *vis-a-vis* тоже, мягко говоря, есть что вспомнить помимо Катыни, Варшавского восстания и сорока с лишним послевоенных лет: тут и разделы Польши, и поддержка бунтовщика Хмельницкого, и та же Смуту, и далее в глубь веков. Все это может и должно быть предметом дискуссий специалистов и любителей истории, но абсолютно бесперспективно как основа для сегодняшних отношений между народами и государствами.

К улучшению этих отношений должна быть проявлена политическая воля. Как представляется, польская сторона готова такую волю проявить. Российская — пока не очень понятно. После гибели президента Качинского в катастрофе под Смоленском, казалось, наступила некоторая оттепель. В весну она пока не переросла. Что же касается гражданского общества, оно по разным причинам слишком слабо, чтобы играть первую скрипку в этом вопросе (и в этом тоже!). Прошедший семинар — одно из отрадных, но — увы — достаточно локальных исключений.

Ключевский писал: «Прошедшее надо знать не потому, что оно прошло, а потому что, уходя, оно не убрало своих последствий». Оно и не уберет, это делать нам.

А современным российско-польским отношениям, видимо, просто не повезло: проведи национальный лидер свои лучшие в профессиональном отношении годы в Польше, и мы бы в Новогорске спорили об отношениях России и Германии.